

38. 1. 11. 34.

А. АННЕНСКАЯ. ФРИТОФ НАНСЕН

ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ В ГРЕНЛАНДИЮ
И К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ

1922

НОВАЯ МОСКВА

А. АННЕНСКАЯ.

1922

7.3.

ФРИТИОФ НАНСЕН

И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ

В ГРЕНЛАНДИЮ И К СЕВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

С 2 ПОРТРЕТАМИ, 40 РИС. И 2 КАРТАМИ ПУТЕШЕСТВИЙ.

„НОВАЯ МОСКВА“

1922.

Отпечатано в 5-й типо-
литографии „Мос-
полиграф“ МСНХ.
Мыльников п., 14, в
количестве 6 000 экз.
Главлит. № 2352.
Москва.

НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ.

НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ.

I.

В трех верстах от Христиании, среди живописной местности, лежит небольшое имение Сторе-Френ, где родился и провел детство знаменитый норвежский путешественник Фритиоф Нансен. Отец его служил секретарем суда в Христиании; но ни он, ни мать Фритиофа не любили городской жизни. Бальдур Нансен ездил каждый день на службу в город; жена его, деятельная, энергичная женщина, не брезгавшая никаким полезным трудом, вела хозяйство и руководила воспитанием детей.

Весело и привольно жилось детям на деревенском просторе. Их особенно не нежили, не следили за каждым их шагом, не стесняли их свободы. Двух-трех лет они одни ходили по двору и ближайшим окрестностям, самостоятельно знакомились с разными домашними животными и собственным опытом узнавали, в чем и от кого может грозить опасность.

Около самого дома протекала речка, которая постоянно манила к себе маленького Фритиофа. Он купался в ней несколько раз в день и весной, и летом, и осенью. Когда младший братишка его подрос настолько, что мог служить ему товарищем, он его таскал с собой в воду, заставлял плавать, нырять и мужественно переносить холод чуть не ледяных купаний. В речке водилось много рыбы, и дети по целым часам просиживали неподвижно на месте с

удочками в руках. Зимой, чуть только речка покрывалась слоем льда, начиналась новая забава—катанье на коньках. Мальчишки так увлекались ею, что не могли дождаться, пока лед вполне окрепнет, пока затянутся все полыньи. И вот в один зимний день, когда им было лет 5—7, в усадьбе вдруг раздалась крики:

— Кто-то провалился под лед! Дети!.. Дети потонули.

Перепуганная г-жа Нансен бросилась к реке.

Маленький Фритиоф уже выбрался на лед и, стоя над самым провалом, силился вытащить из воды братишку. Детей привели домой, согрели, одели в сухое платье, и мать сделала им строгое внушение за неосторожность. Этих внушений матери, а особенно отца, дети боялись больше всего на свете. Один раз, катаясь на коньках, Фритиоф поскользнулся, упал на обледеневший камень и так раскроил себе голову, что все лицо его было залито кровью. Робкими шагами пробрался он домой, спеша обмыть свою рану, чтобы домашние не увидели его.

— Тебе очень больно, Фрид?—спрашивала старшая сестра, помогая ему скрыть следы приключения.

— Нет, ничего!.. Только не говори маме!—проговорил мальчик голосом, дрожавшим от боли и испуга.

Г-жа Нансен страшно любила детей своих и ради их блага готова была, не задумываясь, пожертвовать жизнью; но она умела с удивительным спокойствием и присутствием духа относиться к разным несчастным приключениям, случавшимся с мальчиками. Это приучало их с ранних лет мужественно переносить невзгоды и в то же время внушало им большое доверие к матери, которая всегда знала, как помочь им в беде.

Фритиофу было лет 6—7, когда один раз, занимаясь своим любимым делом—уженьем рыбы, он по неосторожности всадил себе крючок в губу. Мать была в это время

на берегу; она увидела, что случилось, велела мальчику сидеть спокойно, не шевелиться, сходилла домой, принесла бритву мужа, быстро, твердой рукой сделала надрез на губе и вынула крючок. Она не вскрикнула, не сказала ни одного лишнего слова; ее хладнокровие, ее решительность успокоительно действовали на мальчика: ему стыдно было плакать или кричать, когда мать, очевидно, считала, что с ним не случилось ничего особенно ужасного.

Недалеко от дома Нансенов был большой лес, любимое место прогулки мальчиков. Там затевали они всевозможные игры с товарищами, изображая то путешественников, то разбойников, то охотников. Они наделали себе картонных щитов, деревянных сабель, копий, самострелов и пистолетов из полых внутри стеблей, которые они начиняли мелкими камешками и песком. Иногда, чтобы больше походить на настоящих охотников, они брали с собой в лес своего пуделя. Пудель весьма добросовестно играл роль охотничьей собаки и спугивал встречавшихся белок; но это мало помогало охотникам. Белка, почуяв собаку, быстро влезала на самую верхушку дерева, куда стрелы мальчиков никак не могли долетать. Напрасно окружали они дерево и пытались стрелять с разных сторон, напрасно намазывали они свои стрелы соком мухомора, чтобы сделать их ядовитыми, напрасно приделывали к ним оловянные шарики, чтобы они летали ровнее, — они не достигали цели, и белочка, прячась в густых ветвях дерева, с насмешкой поглядывала на своих бессильных врагов.

Фриттиоф решил, что надобно изобрести какое-нибудь оружие, более действительное, чем самострелы и пистолетки из растений. Ему удалось тайком добыть от старшего брата горсточку пороха; из дерева и жести он устроил подобие пушки, и мальчики с торжеством отправились в укромное местечко за домом пробовать свое новое оружие. Первый опыт оказался неудачен. Порох был сыр и не хотел

загораться. Напрасно Фритиоф сжигал спичку за спичкой, напрасно выставлял он пушку на солнце, и на ветер, — заряд не действовал; но вот он засунул в пушку пучок сухой травы, зажег его и, присев на корточки, с любопытством ждал, что будет. Вдруг порох воспламенился, взвился фейерверком прямо в лицо изобретателя, а пушка разлетелась в куски. Мальчики, присутствовавшие при этом, разбежались с громкими криками. Г-жа Нансен услышала шум и поспешила к месту катастрофы. Фритиоф лежал на земле с сильно опаленным лицом. Г-жа Нансен подняла мальчика, отвела его в сторону и осторожно вытащила крупинки пороха, которые вошли ему под кожу. Эта операция и боль от ожога были так мучительны, что у маленького изобретателя надолго пропала охота возиться с порохом.

В городе, версты за три от имения Сторе-Френ, была очень хорошая школа, и маленькие Нансены учились в ней. В очень дурную погоду их отвозили в экипаже, но по большей части они туда и назад ходили пешком. После прогулки на чистом воздухе не так тяжело было просидеть смирно в классе часа четыре, пять, а домашний обед казался вдвое вкуснее. Часто летом они после обеда снова возвращались в город, чтобы учиться там плавать в море, и это несколько не утомляло их. Дорогой им еще нередко приходилось вступать в ожесточенную драку с другими мальчиками. Около выхода из города на них нападали мальчики из предместья, которые почему-то постоянно враждовали с городскими школьниками. Завязывалась отчаянная драка. Фритиоф никогда первый не начинал драться; но если задевали его, и особенно его младшего брата, он смело вступал в бой и спокойно, не горячась, раздавал полновесные удары кулаками направо и налево, так что по большей части оставался победителем.

В школе учителя были очень довольны его прилежанием и любознательностью, а товарищи высоко ценили его силу,

ловкость, смелость и предприимчивость: во всех играх и шалостях он был всегда впереди других, и товарищи охотно признавали его превосходство. Он так привык к роли предводителя, что даже удивлялся, если кто-нибудь из мальчиков не слушался его. Он был уже во втором классе, когда в школу поступил новичок, сильный, здоровый мальчуган, который не намерен был подчиняться никому из товарищей. Он сразу стал вести себя самостоятельно, не обращая никакого внимания на Фритиофа. Фритиоф несколько дней молча косился на него. Один раз во время рекреации новичок вздумал бросать мяч в спины товарищей.

— Перестань, не смей бросаться!—повелительно сказал ему Фритиоф.

— Как так, не смей? Ты что за командир?—вскричал Карл—так звали новичка—и запустил мяч прямо в Фритиофа.

Между мальчиками завязалась ожесточенная драка, оба были одинаковы сильны и ловки, ни один не хотел уступить. Но тут подошел учитель. Он сразу заметил, что бойцы разгорячились, что дело может кончиться плохо. Не без труда удалось ему растащить драчунов и увести их в пустой класс.

— Сидите тут до конца рекреации!—сказал он им строгим голосом:—смотрите друг на друга и стыдитесь!

Общее несчастье охладило пыл противников. Они не исполнили приказания учителя и несколько не стыдились. Несколько минут они молча, исподлобья поглядывали друг на друга, потом начали перекидываться словами, потом разговорились, и оказалось, что вкусы их во многом сходятся. К началу уроков они уже сидели обнявшись и читали вместе одну и ту же книгу. С этих пор Фритиоф и Карл стали закадычными друзьями на всю жизнь.

Едва ли где-нибудь в свете бег на лыжах распространен так, как в Норвегии. В других местах он служит

приятным развлечением, а в этой стране, изрезанной горами и глубокими долинами, по которым часто невозможно провести удобные дороги, он является необходимостью.

В северных гористых округах поселяне не могут зимой выбраться из своих занесенных снегом деревень иначе, как на лыжах. Маленькие норвежцы с ранних лет привыкают бегать на них. Дети лет трех-четырёх уже навязывают себе на ноженьки маленькие лыжи и пытаются скользить на них. Ученики сельских школ часто не могут иначе, как на лыжах, добраться до училища, и в перемену между уроками, когда их отпускают поиграть на дворе, они опять-таки берутся за лыжи, при чем очень часто и учитель бегаёт наперегонку с ними. В церковь крестьяне отправляются на лыжах; а после обедни все молодые люди и мальчики приходят собираться на каком-нибудь холме и с него начинают бег взапуски, стараясь перещеголять друг друга быстротой и умением управлять лыжами.

В последние года бег на лыжах сделался одним из любимых развлечений норвежских горожан. В настоящее время в зимний воскресный день поля и леса, окружающие Христианию, усеяны лыжебежцами всех возрастов и состояний; но лет 40—50 тому назад дамы Христиании считали это упражнение неприличным для порядочной женщины.

Г-жа Нансен, ещё бывши девушкой, смеялась над этим предрассудком и одна из первых барышень Христиании надела лыжи. Немудрено, что она поощряла и детей своих в этом упражнении. Совсем крошкой, едва научившись ходить, Фритиоф уже с завистью поглядывал на старших братьев и сестер, которые быстро скользили на своих лыжах по гладкой блестящей дороге и по холмам, окружавшим Сторе Фрэн. Когда ему было четыре года, отец велел переделать для него старые лыжи одной из его сестер. Фритиоф был в восторге, хотя лыжи не отличались красотой и были даже не одинаковой длины. Он очень скоро выучился бегать на них и

бегал неустанно по несколько часов под ряд. Один раз из города приехал хороший знакомый г. Нансена, типограф Фабрициус, и увидел, как ловко справляется мальчик со своими кривыми лыжами.

— Э, да у тебя, молодец, экипаж плох! — заметил он. — Надобно будет привести тебе из города хорошенькие лыжи.

После этого Фритиоф стал с нетерпением ждать приезда Фабрициуса; но день проходил за днем, неделя за неделей, а желанный гость не являлся. Между тем зима прошла, настала весна, за нею лето, — о лыжах нечего было и думать! Однако Фритиоф не забыл обещания Фабрициуса, и как только начались первые утренники, стал всякий день выходить на дорогу караулить его.

— Что, везете лыжи? — спрашивал он его неизменно всякий раз.

— Подожди, еще рано бегать на лыжах! — смеясь, отвечал гость.

Но вот выпал снег, речка покрылась тонким льдом.

— Неужели обманет? — с волнением думал маленький Фритиоф, и старые лыжи стали казаться ему такими гадкими, что у него пропала всякая охота надевать их.

И вдруг однажды, когда вся семья собиралась в обед, в комнату вошла старшая сестра с большим свертком в руках.

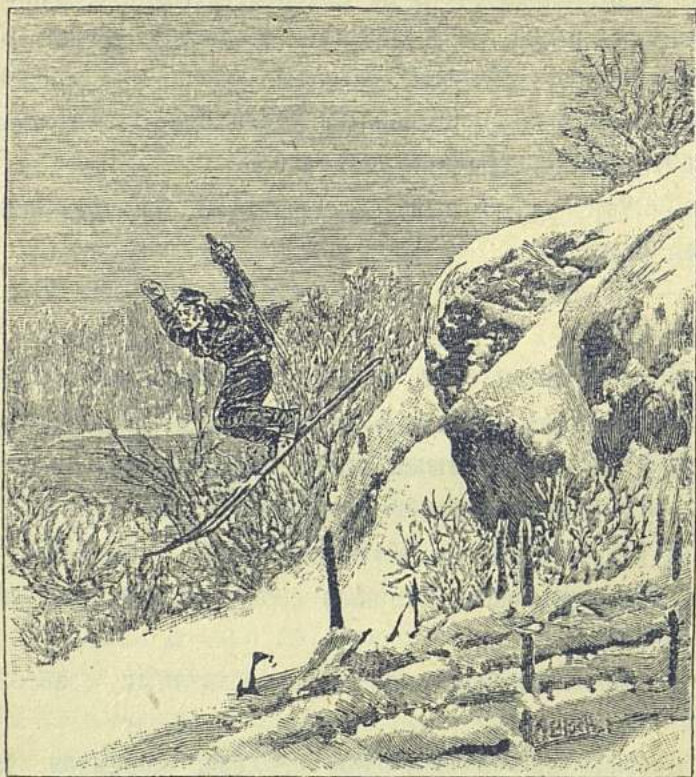
— Посылка Фритиофу! — торжественным голосом объявила она.

Дрожащими от волнения руками принялся мальчик распутывать веревки, связывавшие сверток. Какова же была его радость, когда в бумаге оказались прелестные новые лыжи из ясеневоего дерева, лакированные, красные, с черными полосками. К ним была приложена длинная, тоже лакированная палка с блестящей голубой головкой. Фритиофу казалось, что счастливее его нет мальчика на

свете. На этих лыжах можно было бегать с братьями в лес, не стыдно было показаться и пред городскими товарищами.

В нескольких верстах от Сторе-Фрэн находился высокий, крутой холм, на котором каждый год происходили состязания лыжебежцев. Фритиофу было запрещено бегать на нем. Долго крепился он, но не выдержал и попробовал сбежать с половины холма. Попытка кончилась удачно, и он стал чуть не каждый день упражняться на запрещенном

месте. С ним вместе бегали и другие мальчики, старше и сильнее его. Многие из них ловко сбежали с верхушки холма, и Фритиофу скоро показалось обидным отставать от них. Он разбежался и сделал прыжок с края обрыва и полетел вниз; лыжи отвязались он ног и врезались в су-

гроб; а мальчик описал в воздухе дугу головой вперед и воткнулся в снег по пояс. Толпа, стоявшая на холме, вдруг смолкла; все были уверены, что Фритиоф погиб. Но вот мальчик начал шевелиться, барахтаться и через несколько секунд приподнялся, весь засыпанный снегом. Дружный хохот товарищей приветствовал его спасение.

На этом же холме Фритиоф несколько лет спустя участвовал в состязании лыжебежцев и даже получил приз. Впрочем этот приз несколько не обрадовал его; он даже не принес его домой. Дело в том, что на состязание пришло несколько крестьян из Телемаркена, северной провинции Норвегии. Это были удивительно искусные лыжебежцы. Разбежавшись, они летели прямо с края обрыва вниз, налету поворачивая лыжи в ту или другую сторону, и останавливали их среди самого крутого спуска. При этом они совсем не пользовались шестами, как другие лыжебежцы. Искусство их так поразило и очаровало Фритиофа, что ему стало стыдно своего беганья, он решил, что не заслужил приза, и дал себе слово научиться бегать совершенно так же, как телемаркенцы.

II.

Обстановка, в которой проходило детство Фритиофа Нансена, была самая простая, чуждая роскоши. Большую часть домашних работ г-жа Нансен делала сама, по возможности обходясь без прислуги, и дети с ранних лет приучались помогать ей. Кушанья за обедом и ужином подавались самые незатейливые; ни нарядных костюмов, ни дорогих игрушек в доме не водилось. Никто не нежил и не баловал маленького Фритиофа; а между тем он, несомненно, рос счастливым ребенком. Вот, напр., что он писал отцу своему, будучи уже взрослым человеком:

„Близок, близок первый сочельник, который мне суждено провести не дома; близки веселые святки, которые в детских воспоминаниях рисуются верхом радости и блажен-

ства. Мысли тихо несутся на своих мягких, как пух, крыльях назад в родной невыразимо дорогой дом. Сколько проведено там веселых рождественских праздников! Как они торжественны и мирны, каким чистым, тихим, белым являлось нам окутанное снегом Рождество! Большие, легкие хлопья тихо опускались на землю и сеяли серьезные мысли в детские души, трепетавшие от радости. Наконец, наступал великий день, сочельник, и наше нетерпение доходило до крайних пределов. Мы не могли ни минуты сидеть спокойно на месте; нам непременно надо было чем-нибудь заняться, чтобы время шло скорее, чтобы отвлечь мысли. Мы то заглядывали во все замочные скважины, то осматривали мешки с изюмом, миндалем и финиками, пока их не относили в спальню, где обыкновенно убирали елку; то убегали во двор, катались на салазках, бегали на лыжах до самого вечера. Иногда случалось, что Эйнару (старший брат Фритиофа) или кому-нибудь другому надо было за чем-нибудь съездить в город. Какое это было счастье! Какое удовольствие прицепиться где-нибудь на кончике саней и мчаться по чудной, гладкой дороге в город за покупками, а потом назад домой. Бубенчики так и заливаются, а на темном небе выплывают звезды. Но вот наступала торжественная минута. Ты приходил в комнату, чтобы зажечь елку; у нас сердца так и прыгали. Ида (старшая сестра) сидела в уголку на кресле и старалась угадать, что ей подарят; другие улыбались, зная заранее какой-нибудь из готовившихся им сюрпризов; а нам, малышам, обыкновенно говорили, что мы получим по длинному пучку розог, перевязанных ленточкой, и вдруг—дверь растворялась, и перед нами сияли ослепительные огоньки елки,—какая картина! Мы задыхались от радостного волнения, в первые минуты почти немели от восторга, а затем шумели и бесились от радости. Да, никогда, никогда в жизни не забыть мне вас, веселые рождественские праздники“.

Зима приносила много наслаждений маленьким Нансе-
нам, а лето еще больше. Скоро им мало стало окрестных
холмов и лесов, мало речки, протекавшей по усадьбе. Их
тянуло дальше, в более дикие места. Такие места можно
было найти недалеко, в нескольких верстах от Христиании.
К северу от столицы Норвегии тянутся на десятки верст
огромные леса, покрывающие горные скаты. Это так назы-
ваемый Нормаркен. Ни селений, ни даже проезжих дорог в
Нормаркене нет. Он изрезан бесчисленным множеством тро-
пинок, которые пересекаются, разветвляются и часто упи-
раются в болото или кончаются узенькой тропочкой, про-
топанной коровами. Быстрые горные речки шумят среди
лесной тишины; тихие, светлые озера отражают прибрежные
кусты и деревья. На берегу этих озер виднеются там и сям
красные домики рыбаков, лесных сторожей и прочих весьма
немногочисленных обитателей Нормаркена. В настоящее вре-
мя жители Христиании очень любят предпринимать всевоз-
можные экскурсии в эту дикую, пустынную местность.
Зимой компании лыжебежцев оглашают веселым смехом
скаты гор и долины; летом над реками и озерами выра-
стает целый висячий лес удильщ; осенью охотники проби-
раются с ружьями по всем тропинкам. Лет 25—30 тому
назад, когда Фритиоф Нансен был мальчиком, Нормаркен
посещался гораздо меньше, чем теперь. В нем было очень
много укромных уголков, где любитель уединения мог бы
несколько недель вести жизнь Робинзона, не встретив ни
одного человека. Попасть в этот Нормаркен было мечтой Фри-
тиофа с раннего детства и, наконец, он осуществил эту мечту.

— На первый раз я решился дойти только до долины
Серке,—рассказывает он.—Мне было тогда лет 10—11. В
Серке жили наши товарищи по школе, и они давно при-
глашали нас к себе. Один раз, в июне месяце, мы с бра-
том сидели на крыльчке дома, и вдруг нам пришло в голо-
ву, что не худо бы побывать у товарищей.

— Мы понимали, что следует спросить позволения; но в то же время мы были уверены, что ни отец, ни мать не отпустят нас. Кроме того, они легли спать после обеда, и мы не смели будить их; а когда они проснутся, будет уже слишком поздно. И вот мы улизнули потихоньку, без спросу. Дорогу мы сначала знали хорошо, потом стали спрашивать то там, то сям и так пробирались все дальше и дальше, сначала добрались до церкви в Серке, а потом и до дома товарищей. Пришли мы туда только в 7 часов вечера. Надо было поиграть с товарищами, потом сходить в овин, потом поудить рыбу. Но все у нас как-то не клеилось. Совесть мучила нас, и мы не могли отдохнуть и полчаса. Нет, надо было идти домой. Мы боялись того, что ждет нас дома, и потому обратный путь показался нам гораздо тяжелее. Брат стер себе ноги, и только к 11 часам мы, усталые и унылые, подошли к родному дому. Еще издали заметили мы, что дома все на ногах,—должно быть, ищут нас. Мужество совсем оставило нас. Завернув за угол, мы вдруг встретили мать.

— Кто это? Вы, дети?

— Ну, вот теперь нам достанется—подумали мы.

— Где вы были?—спросила мать.

— Да там...? в Серке!—Вот-вот зададут!

Но мать только проговорила каким-то странным голосом.

— Что за удивительные дети!—и мы заметили у нее слезы на глазах. И представьте себе, ни одного упрека! Так мы и легли спать со стертыми ногами, но без всякой брани! А всего удивительнее было то, что через несколько дней нам позволили опять сходить в Серке.

— Кроме школьных товарищей, у нас был еще один знакомый в Серке: звали его Ола Кнуб,—это был муж женщины, которая обыкновенно продавала нам ягоды. Нам позволили навестить Олу и половить рыбу в Нормаркене.

— То-то была радость, когда мы отправились в путь с кофейником и удочками, заранее предвкушая прелести жизни в лесу! Я до сих пор так и вижу перед собою бревенчатую хижину на берегу озера и голый каменистый горный скат за ней. Там ждала нас свобода, жизнь настоящих дикарей! Нет ни отца, ни матери: никто не будет заставлять нас во-время ложиться спать, не будет звать обедать и ужинать. Мы могли распоряжаться временем, как хотели... Ночи были светлые и короткие, — мы не долго спали. Около полуночи заходили мы в хижину, ложились на лавки и дремали несколько часов; а задолго до восхода солнца уже опять ловили форелей в речке, шлепая по воде, перепрыгивая с камня на камень, при чем нередко случалось упасть и очутиться под водой.

— Когда я стал постарше, мне приходилось иногда по неделям жить в лесу одному. Я не забирал с собой много дорожных припасов и вполне довольствовался куском черствого хлеба да пойманной рыбой. Мне нравилось вести в Нормаркене жизнь Робинзона...

Он часто ходил туда и не один, а со старшим братом и с одним родственником, страстным охотником и рыболовом. С каждым годом экскурсии их становились все продолжительнее, они проникали все дальше в глубь Нормаркена. Обыкновенно летом они отправлялись на рыбную ловлю в субботу, тотчас после обеда, захватив с собой немного хлеба, масла, колбасы и кофе. Они шли часов пять, доходили до реки, где водилась хорошая форель, и тотчас же начинали удить. Удили они, пока было светло, потом приготавливали себе неприхотливый ужин из жареной рыбы и кофе и укладывались спать, где попало: то в шалаше какого-нибудь угольщика, то просто на траве под кустом.

С рассветом они опять принимались за ловлю рыбы; в полдень закусывали и отдыхали часа два, а там снова за дело. Иногда они увлекались до того, что целые часы стояли

в воде и уже поздно вечером отправлялись в обратный путь в мокрых, набитых песком сапогах. Домой они приходили в понедельник утром, страшно усталые, и толковали о том, как глупо так мучить себя из-за пустого удовольствия. Но стоило им хорошенько выспаться, и все неприятности забывались; а в следующую субботу их уже неудержимо тянуло в тот же Нормаркен, на берег той же речки.

Осенью и зимой ловля форелей сменялась охотой на зайцев. Иногда Фритиоф и его товарищи целые сутки проводили без отдыха и без пищи. Один раз Фритиофу и его старшему брату пришлось провести в лесу, на охоте за зайцами, целых тринадцать дней; под конец они питались одними картофельными лепешками и чуть не умерли с голоду вместе со своей собакой. Вдруг они случайно наткнулись на небольшую усадьбу, хозяин которой в этот день только-что заколол свинью. Он гостеприимно предложил охотникам полакомиться свежей колбасой; они с жадностью нагнулись на эту пищу и наелись до того, что заболели.

Экскурсии в лесу приучили Фритиофа мужественно переносить усталость, голод, отсутствие не только всяких удобств, но даже просто опрятности. Сидя около костра на берегу реки, он не задумываясь поднимал с земли грязную щепку и мешал ею свой кофе, не поморщившись съедал полу-сырую или попорченную рыбу.

Один раз он с несколькими товарищами предпринял большую экскурсию на лыжах. Все запаслись мешечками с провизией, только у Фритиофа ничего не было.

На первом же привале началось взаимное угощение, и вот Фритиоф расстегнул куртку и вытащил из-за подкладки кармана несколько блинов; они так согрелись во время его бега, что от них валил пар. Фритиоф с гордостью поднял их над своей головой.

— Кто хочет моих блинов? Горячих блинов? — спрашивал он.

Мальчики сомнительно посмотрели на кушанье, подогретое таким необычным способом, но не решались отведать его.

— Экие вы глупые! — вскричал Фриттиоф: — разве вы не видите, что они с вареньем! — И он с большим аппетитом съел блины, возбуждавшие брезгливость других.

Жизнь среди природы, всевозможные прогулки и экскурсии не мешали учебным занятиям Фриттиофа. В приготовительной школе он все время шел первым и приводил в восторг учителей своею сметливостью и любознательностью. В реальном училище, куда он перешел, окончив курс школы, дела пошли не так хорошо; учителя попрежнему хвалили его способности, но находили, что он недостаточно усидчив в работе, что он часто бывает невнимателен и рассеян. Как это ни странно, но Фриттиоф заслуживал эти неодобрительные отзывы, именно благодаря своей неутомимой любознательности. Постоянно в голове его сидел какой-нибудь вопрос, касавшийся окружающей природы или жизни животных, и вопрос этот преследовал его до того, что он не мог сосредоточиться на классных занятиях. Пока он был маленьким мальчиком, он приставал к окружающим с бесконечными „как“, „почему“; когда стал старше, он начал искать ответы на эти „как“ и „почему“ отчасти в книгах, а главное — в собственных наблюдениях и опытах. В старших классах реального училища он сильно заинтересовался химией. Ни у него, ни у его друга Карла не было средств завести настоящую лабораторию, а между тем им непременно хотелось проделать самим те опыты, о которых они читали в книгах, или которые показывал им учитель в классе. И вот они устраивали свои опыты домашними средствами, с помощью самодельных колбочек и реторт, которые часто бились, лопались и доставляли не мало неприятностей юным естествоиспытателям. Эти опыты производились обыкновенно в комнате Карла, на чердаке небольшого деревянного дома, и грозили немалой опасностью всем жителям этого дома. Один

раз мальчики, которым было уже лет 15—16, вздумали произвести исследование каких-то горючих веществ. Они наложили их в фарфоровую ступку, которую дала им хозяйка с условием, что они будут беречь ее, и принялись производить над ними разные пробы. Вдруг—они сами не знали, отчего это вышло—из ступки взвился столб пламени. Перепуганные мальчики схватили ступку и, не долго думая, бросили ее за окно. Огонь погас, ступка разбилась вдребезги, жидкость, наполнявшая ее, потекла по стене дома, а бедные химики с закоптелыми лицами и обожженными руками бросились на пол и решили лежать неподвижно, пока не придут старшие.

Брат Фритиофа, бывший в том же доме, внизу, прибежал на шум и ужаснулся; ему представилось, что оба мальчика убиты взрывом. Они, конечно, очень скоро подали признаки жизни, но охотно разыгрывали роль пострадавших, чтобы избежать упреков за разбитую ступку и вообще за неосторожность.

III.

18 лет Фритиоф кончил курс реального училища и должен был избрать себе какую-нибудь карьеру. Он так любил всякие физические упражнения, что ему представлялась всего приятнее жизнь военного, и он записался-было в военное училище, но ненадолго. Страсть к научным занятиям заставила его бросить мысль о военной службе и поступить в университет.

Отец его хотел, чтобы он готовился к государственной службе; сам он ничего не имел против поступления на юридический факультет, но не мог отказаться от своих любимых естественных наук и стал, кроме юридических лекций, слушать лекции медицинского факультета. Скоро он увлекся зоологией так, что забросил все остальное.

В 1882 г. один знакомый профессор предложил ему съездить в Ледовитый океан на судне тюленепромышленников, отправлявшихся на ловлю тюленей. Поездка эта должна была доставить Нансену массу материала для наблюдений.

„Не оставляйте без внимания ничего окружающего, — говорил ему профессор, — и записывайте все ваши наблюдения. Это путешествие может послужить для вас прекрасной подготовкой к деятельности естествоиспытателя“.

Нансен с восторгом принял это предложение. Ему оставалось несколько недель до отъезда; он посвятил их изучению строения тела тюленей, и 11-го марта отплыл на пароходе *Викинг* в свою первую полярную экспедицию.

Ледовитый океан негостеприимно встретил Нансена. Целую неделю пришлось *Викингу* терпеть бурю и непогоду; волны перекатывались через палубу; грот-мачту сломало. Эти препятствия не могли удержать промышленников, которые спешили на север, чтобы не опоздать к ловле тюленей, и 18-го марта судно вступило в область льдов.

Вот как описывает Нансен свою первую встречу с льдинами:

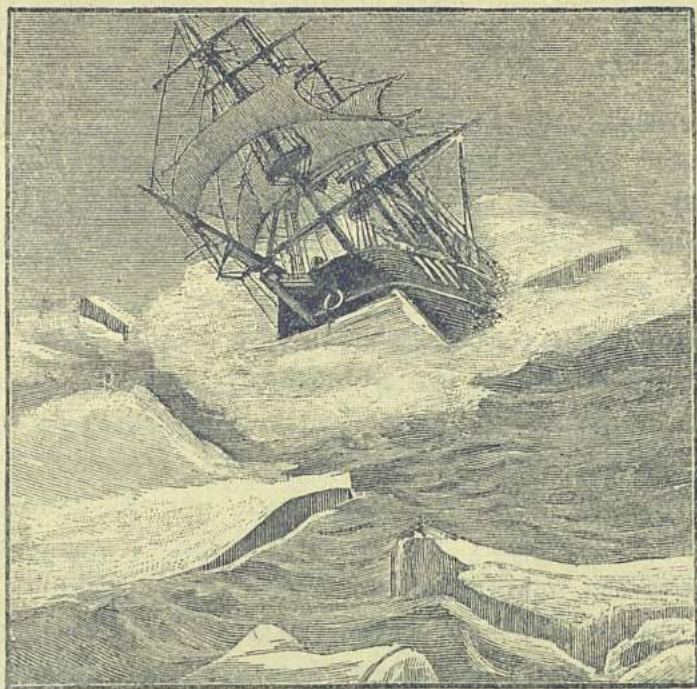
„Мы были недалеко от островов Ян-Майен, когда ночью раздался крик вахтенного: „Лед впереди!“ Я выскочил на палубу и глядел во все стороны, но все кругом было темно и черно. Вдруг из этого мрака выступило что-то большое, белое; это *что-то* росло, выделяясь своей чудной белизной на черном фоне моря. Это была первая ледяная глыба, встреченная нами! Потом стали попадаться еще и еще глыбы; они сияли впереди нашего судна, скользили мимо нас со странным шипящим шумом и оставались позади нас. На северной части неба появился какой-то удивительный свет, особенно яркий на краю горизонта и бледневший к зениту. Я никогда прежде не видал ничего подобного; в то же время я услышал с севера странный шум, точно разбивались волны об утесистый берег. Все это производило на меня

какое-то необыкновенное впечатление, будто я стоял на пороге нового мира. Что значил этот свет, эти звуки? Оказалось, что свет есть отражение белых масс льда в воздухе, а звук производили морские волны. В тихие ночи этот шум слышен очень далеко. Чем дальше мы ехали, тем шум становился все громче, плывучие льдины попадались все чаще, и наше судно нередко сталкивалось с ними. С грохотом подступали они к нам; но крепкий нос нашего судна отбрасывал их в сторону. Иногда толчок был так силен, что все судно дрожало, и мы не могли устоять на ногах. Через несколько времени *Викинг* был со всех сторон окружен льдами. Два дня мы плыли вдоль ледяного поля. Вдруг поднялся сильный ветер; мы решили пробиться сквозь лед и переждать бурю под защитой ледяных глыб. Капитан велел повернуть судно носом к ледяному полю; но, прежде чем мы достигли его, буря разразилась. Паруса были спущены; но ветер все-таки гнал нас вперед. Судно врезалось в лед; его бросало с одной льдины на другую; но оно продолжало двигаться вперед среди ночного мрака. Волнение становилось все сильнее и сильнее. Льдины высоко вздымались под носом судна и падали одна на другую; вокруг нас все кипело и шумело; ветер свистал в снастях; ни слова не было слышно, кроме голоса капитана, господствовавшего над бурным морем и спокойно, твердо отдававшего приказания. Эти приказания молча, с необыкновенною точностью исполнялись побледневшими матросами, которые все были на палубе: ни один из них не решался оставаться внизу, когда судно трещало по всем швам. Мы все продолжали пробивать себе дорогу среди льда. Управлять судном не было никакой надобности; его приходилось предоставить самому себе, как предоставляют самих себе лошадей на горных дорогах. Вода кипела и бушевала вокруг бортов; шхуна то переезжала через льдины, то разбивала их в куски, то отбрасывала в сторону, — они не могли устоять против нее. И вот, вдруг

поднимается направо громадная белая глыба и грозит снести снасти и баканец. Бот, висевший на баканце, быстро втащили на палубу, руль опустили, и мы прошли мимо льдины без всякого вреда. Затем огромная волна налетает на нашу корму, и мы слышим треск ломающегося дерева: льдиной сломало решетку левого борта. Судно движется дальше; мы слышим новый треск, — справа решетки тоже поломаны.

„Когда мы въехали в средину ледяного пространства, стало тише. Море сделалось спокойнее, шум смолк, хотя буря продолжала бушевать с прежнею яростью. Ветер свистел и визжал в снастях, на палубе с трудом можно было стоять. Буря как-будто злилась, что не могла трепать нас так, как в открытом море. Мы сильно рисковали, спасаясь от бури среди льдин; но нам удалось достичь затишья, и опасность миновала. Когда я на следующее утро вышел на

палубу, солнце ярко сияло, кругом лежали ослепительно-белые льдины, и только сломанные решетки напоминали о ночной буре. Такова была моя первая встреча со льдинами“.

После этого *Викинг* двинулся еще дальше на север; но экипаж его сильно волновался. Судя по времени года и по той широте, на которой находилось судно, оно должно было бы уже давно встретить тюленей, а между тем их нигде не было видно. Другие суда, ехавшие с тою же целью, встречались им по временам на пути и, повидимому, имели столь же мало успеха.

Больше месяца блуждал *Викинг* по океану, то попадая в ледяные заторы, которые держали его по нескольку дней в плену, то снова выходя в открытое море. Нансену было достаточно времени любоваться природой Ледовитого океана, и он от всей души любовался ею.

„Какое разнообразие красок и оттенков! — писал он. — Небо то покрывается белым отблеском льдин, то темнеет, как бы отражая море, то загорается пурпуром от солнечных лучей, то золотится, когда этот пурпур смешивается с белым отблеском льда. А самые льды! Они то зеленые, то голубые, а в ледяных гротах представляются темносиними. Многим может прискучить это безмолвное спокойствие природы, эти необозримые равнины льда. Многие почувствуют себя здесь черезчур одинокими, беспомощными, почувствуют недостаток жизни, улыбающихся полей и лугов, пасущихся коров, дыма из труб хижин, где варится ужин... Здесь нет ничего подобного; здесь всякий след человеческих трудов исчезает с такой же быстротой, с какой исчезает на воде за нами след нашего судна. Но тот, кто ищет в природе мира, постоянства и свободы, найдет их здесь!“

Только 25-го апреля на льдинах начали показываться молодые тюлени. Но при этом на море пал такой сильный туман, что об охоте нечего было и думать.

Когда туман немного рассеялся, с *Викинга* заметили несколько судов. Направили курс к ближайшему: оказалось, что это *Норд-Кап*, стоявший с закрепленными парусами.

— Где же это вы пропадали, капитан Крефтинг? — кричат с него в рупор.

Экипаж *Викинга*, точно молнией, поразило: *Норд-Кап* нагружен тюленями! Дальше стоит *Новая Земля*, тоже нагруженная, дальше еще пять-шесть и все с богатой добычей! Оказалось, что ловля происходила всего в 4 милях на северо-запад от того места, где стоял *Викинг*, задержанный туманом.

Нечего делать, пришлось двинуться дальше! 2-го мая показался издали Шпицберген. Нансену очень хотелось пробраться туда, чтобы увидеть стада северных оленей и гагачьи гнезда; но *Викинг* повернул на запад.

В конце месяца прошли около берегов Гренландии. Глетчеры горели в лучах заходящего солнца, а темные силуэты скал грозно поднимались на фоне пурпурного неба.

До половины июня *Викинг* лишь изредка посылал свои лодки на охоту за тюленями; но 16-го числа удалось ему, наконец, напасть на целые стада этих животных, расположившихся на льдинах, и захватить богатую добычу. Нансен принимал деятельное участие в этой охоте, и вот как он ее описывает.

„Когда капитан дал приказание готовиться, судно огласилось криками радости. На баке господствует сильнейшее волнение, о сне никто не думает; матросы надевают особые костюмы и сытно загусывают, чтобы подкрепить свои силы к предстоящей работе. Между тем судно продолжало пробираться вперед и, наконец, очутилось среди льдин, на которых лежали тюлени. Капитан дает приказание отправляться. Команда бежит к лодкам, которые подвешены с обеих сторон парохода. Стрелки — на каждую лодку полагается по одному, и ему подчиняются матросы — получают приказания

от капитанѣ. Судно идет тихим ходом; вся жизнь переходит с него на лодки. Их быстро спускают на воду, и оне расходятся в разные стороны. Охотник стоит на носу, устремив глаза на тюленя, котораго должен пристрелить; рулевой держит руль; прочие три-четыре человека команды усердно работают веслами; все волнуется и с нетерпением ждет начала охоты.

Раз тюлень увидел лодку, надобно стараться, чтобы она не заходила за льдину, которая может скрыть ее от его глаз. Ее следует вести по возможности открытым путем, прямо на того тюленя, котораго предполагают убить первым.

Тюлени должны все время видеть лодку, иначе они испугаются и исчезнут.

Заметив лодку в некотором расстоянии, тюлень обыкновенно поднимает голову; если лодка не очень близко, он снова укладывается. Затем, когда лодка приближается, он снова поднимает голову и смотрит на этот странный предмет, потом вниз на воду. Лодка все приближается, гребцы гребут изо всех сил; тюлень беспокоится, подвигается к самому краю льдины и нерешительно смотрит то на лодку, то на воду. Наконец, он ясно выказывает намерение прыгнуть. Тогда экипаж лодки, по приказанию своего командира, поднимает страшный вой. Это странное явление приводит тюленя в оцenenение; очнувшись, он еще ближе придвигается к краю льдины. Новое завывание, еще более страшное и продолжительное, опять останавливает его; он вытягивает шею и слушает внимательно, с удивлением глядя на лодку, которая продолжает приближаться. Но вот он наклоняется над краем льдины и протягивает шею к воде, несмотря на продолжающийся вой с лодки. Он, как видно, решил уйти, и, если лодка не настолько близко, чтобы выстрел мог убить его, охотник должен как можно скорей пустить заряд в край льдины под тюленем: снег и лед разлетятся пред ним во все стороны, и эта новая опасность заставляет его в

ужасе отступить, при чем он не спускает глаз с брая льдины, где, очевидно, подстерегает его какой-нибудь коварный враг.

Пока тюлень раздумывает об этой новой опасности, лодка подходит близко; по команде ее начальника весла поднимаются, гребцы сидят неподвижно; охотник прицеливается, стреляет прямо в лоб тюленю, и тот в последний раз опускает голову на льдину. Если на одной льдине или на нескольких соседних лежит много тюленей, их можно не торопясь перебить всех поочередно. Самое главное — убить первого сразу наповал. Остальные продолжают лежать спокойно, глядя на убитых товарищей и не понимая, что они убиты.

Они, очевидно, думают, что если эти лежат неподвижно, когда враги близко, то, значит, нет надобности двигаться. С другой стороны, если охотник промахнется и только ранит тюленя, так что он начнет подскакивать и упадет в воду, можно сказать почти наверно, что все остальные перепугаются и тоже исчезнут. После этого понятно, как важно, когда на лодке есть хороший стрелок.

Застрелив тюленей, с них снимают шкуру, для чего весь экипаж лодки, вооруженный ножами, выходит на льдину. С собой забирают только шкуру и толстый слой подкожного жира, остальное оставляют на льдине в пищу морским птицам.

В конце июня *Викина* затерло льдами около южных берегов Гренландии, и целый месяц судно простояло на месте, теряя самое лучшее время для ловли тюленей. Экипаж сильно приуныл; но для Нансена это был самый интересный период путешествия. Он добросовестно делал все наблюдения, какие рекомендовал ему профессор, спускал в море сети и подробно изучал попадавшихся животных и растения, снимал фотографии с окружающей местности и удовлетворял свою страсть охотника. Около Гренландии не было тюленей, зато было множество белых медведей, и Нансен неутомимо, с опасностью жизни гонялся за ними. Как только раздавался крик: „медведи!“ — он бросал работу, вскакивал из-за обеда, просыпался от сна и хватался за ружье. Один раз показалось три больших медведя, но все три, подойдя на некоторое расстояние от судна, вдруг повернули назад и обратились в бегство.

„Мы с капитаном и с матросом Олуфом, — рассказывает Нансен, — пустились догонять их, стараясь держаться под прикрытием ледяных глыб. Впопыхах забыл, что льдины часто бывают обманчивы: они кажутся твердыми и плотными, а на самом деле вода уже подмыла их снизу. Мы подбежали к широкой полынье, через которую надобно было перепрыгнуть; я сделал прыжок, да на беду край льдины оказался хрупким, и я очутился с головой в воде. Было холодновато, но, главное, надобно было спасти ружье; я перебросил его на соседнюю льдину, но, как на беду, край ее был высок, и ружье не попало на место, а скатилось в воду. Я нырнул за ним, поймал его, нашел место, где можно было выкарабкаться на лед, и вылез с ружьем в руке. Осмотрел дуло и замок, — все в порядке, и снова пустился бежать во весь дух. Между тем капитан на много опередил меня: увидя, что я провалился, он перепрыгнул на другую льдину и продолжал бежать. К счастью, я в этот день был одет легко: в парусинных башмаках и шерстяной куртке,

так что воды в одежду набралось немного, и она быстро стекла. Благодаря этому, я скоро наверстал потерянное время и, увидав, что медведь скрылся за высокой льдиной, пошел к нему наперерез. Только что я обогнул глыбу, как столкнулся лицом к лицу с Мишкой. Я прицелился, но он был быстрее меня: сразу бултых в воду, и моя пуля попала ему в зад. Подбегаю к краю льдины, чтобы дать выстрел по Мишке в воде,—его не видать. Куда он девался? В глубине что-то белеет... Ага, вот в чем дело! Надо перебраться на другой край длинной полыньи и встретить Мишку там... В середине полыньи плавали две небольшие льдины. Я удачно перепрыгнул на первую из них, но она едва могла сдерживать меня. Вдруг вижу голову медведя у другой льдины. Он с ревом бросился на нее, еще минута—и он бросится на меня... Но я предупредил его и всадил ему пулю в самую грудь. Он закачался и издох... я чуть не сказал, на моих руках. На самом деле я его поддерживал за уши, чтобы он не упал в воду. Спутники скоро подоспели ко мне на помощь. С помощью моего кожаного пояса мы вытащили медведя на лед. Он оказался огромным, самым большим из всех убитых нами. От судна мы отбежали далеко, и прошло не мало времени, пока к нам пришли оттуда люди на помощь. Все принялись потрошить медведя, а меня капитан отослал на судно, так как я сильно промок и иззяб. Подходя к судну, я увидел вдали трех матросов, из которых двое были с ружьями. Они мне закричали, что идут на медведя, но что мне нельзя принять участия в охоте, так как медведь от них всего на выстрел. Ну, что ж, подумал я, пусть себе охотятся: с меня довольно на сегодня. Вдруг узнаю, что медведь не один, что их целых три. Это уж слишком много на их долю. Одного бы я им уступил, но из трех один мог и мне достаться. Я опять пустился бежать. Я уже успел так промокнуть, что вымокнуть немножко больше ничего не значило, и мне не стоило обходить по-

лыньи. Скоро я догнал матросов: они легли стеречь медведя, который шел на них. Я остановился в нескольких шагах, чтобы не мешать им; но они боялись, как бы я не предупредил их, поторопились выстрелить и только ранили зверя, который с ревом пустился бежать прочь от них. Тогда пришла моя очередь. Я пустил ему пулю в грудь, а потом, когда он обернулся, прострелил голову, и он упал мертвый. Надобно было догонять второго. С корабля нам дали знак, в каком направлении он скрылся; мы побежали туда и вскоре открыли зверя, который преспокойно доедал тюленя. Он был так занят, что не заметил, как мы подошли к нему на выстрел. Чтобы привлечь его внимание, я свистнул,—не слышит; я еще раз—то же самое. Я свистнул изо всех сил,—он поднял голову. Я прицелился в спину и выстрелил; в то же время выстрелили и матросы. Медведь заревел и задом сполз в воду. Я бросился к краю полыньи и остановился, рассчитывая, что медведь сильно ранен, и что я докончу его выстрелом, когда он вылезет на лед по другую сторону. Но я ошибся в расчете. Медведь вылез из воды под прикрытием ледяной глыбы, с ловкостью кошки вскарабкался на лед и пустился в бегство. У меня даже лицо вытянулось; я послал ему вдогонку пулю, промахнулся, и затем у нас начался бег, вполне вознаградивший меня за разочарование. Олуф (матрос) без ружья, с одним только ломом и веревкой в руках следовал за мной, но отстал у первой же широкой полыньи, через которую нельзя было перепрыгнуть. Мне не хотелось делать большого круга, я пустился прямо вплавь и услышал позади себя громкий хохот. Это смеялся Олуф над моим странным способом переправы через полыньи. Он хотел сделать похитрее: ломом сдвинул в середину полыньи льдину и прыгнул на нее. Теперь пришла моя очередь хохотать: он очутился по пояс в воде и достиг противоположного края полыньи, весь мокрый, набрав полные сапоги воды. Ему пришлось остано-

виться выливать воду; я в своих низких парусинных башмаках не нуждался в этом и не стал ждать его. Состязание между мной и медведем продолжалось, и каждый из нас решил постоять за себя. Он спасал свою голову, я—свою честь: было бы стыдно упустить медведя из-под носу. Моя пуля попала ему в спину, но только слегка ранила его; спутники же мои промахнулись. Мы летели по льду, как только несли ноги; то я почти настигал медведя, то он далеко опережал меня. Мы оставляли позади себя одну полынью за другою; я или перепрыгивал через них, или, если они были слишком широки, переплывал их,—обходить гругом было некогда. Сначала медведь как, будто не обнаруживал усталости, но, когда мы пробежали с милю, он начал делать извороты; я же продолжал бежать напрямик. Я понял, что медведь устал, и немножко убавил ходу; но вдруг он скрылся за ледяной глыбой. Пользуясь тем, что эта глыба мешает ему видеть меня, я припустил на всех парах, чтобы подбежать к нему на выстрел. Не тут-то было: он пронюхал мою хитрость и тоже прибавил рыси. Мы опять полетели дальше. Наконец, я настиг его и пустил ему пулю в грудь; другая пуля в ухо покончила с ним. И вот я очутился один с убитым медведем. Единственным оружием моим было ружье без патронов да перочинный ножик. Надо было подать знак на судно, чтобы мне прислали подмогу; но от судна видны были одни мачты. Пришлось вскарабкаться на самую высокую глыбу и оттуда махать шапкой, надетой на дуло ружья“.

Берега Гренландии неудержимо влекли к себе Нансена и своею дикою красотою и своею недоступностью. За массами пловучего льда вершины скал и ледники горели в лучах полуденного солнца; вечером и ночью, когда солнце опускалось и зажигало небо позади них, дикая прелесть этой картины выступала еще ярче. По целым часам сидел он на мостике шкуны, направив подзорную трубу на эти

еще никем не исследованные берега и придумывал, каким бы способом добраться до них. Пробиваться с кораблем через льдины было невозможно; ему казалось гораздо легче пройти по ним пешком, захватив с собой лодку, на которой можно бы переезжать через большие полыньи. Он стал просить капитана позволить ему осуществить этот план, но капитан наотрез отказал. Он не решался отпустить молодого человека одного на такое рискованное предприятие и боялся дать ему лодку и людей, когда каждый день можно было ожидать, что подует благоприятный ветер, который разгонит льдины и позволит судну выбраться в открытое море.

После четырехнедельного стояния у берегов Гренландии *Викинг* мог, наконец, распустить паруса, развести пары и двинуться в путь. Время охоты на тюленей было упущено, и судно направилось прямо к Норвегии.

IV.

Едва успел Нансен вернуться на родину, как ему предложили занять место консерватора (смотрителя) естественно-исторического музея в Бергене, одном из главных городов Норвегии. Это место было очень выгодно в том отношении, что давало ему вполне достаточные средства к жизни, а главное, предоставляло полную возможность заниматься наукой под руководством директора музея, доктора Даниельсена, почтенного ученого и очень симпатичного человека. Нансен с радостью принял это место и отдался науке с такою же страстью, с какою пред тем бичался в приключения; он исследовал движение инфузорий в капле воды с такою же настойчивостью, с какою преследовал белых медведей среди ледяных глыб; по целым часам просиживал он над микроскопом, погруженный в работу, не замечая ничего окружающего. А между тем страсть к путешествиям не оставляла его.

„Меня так и тянет пуститься в путь всякий раз, как я слышу что-нибудь подобное,—писал он отцу в ответ на описание счастливой охоты брата:—во мне просыпается тоска и желание испытать что-нибудь новое, желание путешествовать. И как оно волнует меня, как мне трудно подавить его, как мне тяжело бороться с ним! Лучшим лекарством против таких припадков является работа: я применяю это лекарство и почти всегда с успехом“.

Не прошло и года по возвращении его из путешествия, как в голове его уже зародился план проникнуть внутрь Гренландии. Один раз после обеда он спокойно слушал чтение газет, как вдруг его поразило известие о благополучном возвращении знаменитого путешественника Норденшельда из экспедиции в Гренландию. Норденшельд еще в 1870 г. пытался, хотя безуспешно, проникнуть внутрь этой негостеприимной страны; в 1883 г. он повторил попытку и, высадившись у западного берега, проник на 117 верст внутрь страны. Дальше идти он не мог, так как и сам он и его люди положительно вязли в снегу; он остановился и послал вперед своих спутников, лапландцев, на лыжах. Лапландцы вернулись на третий день и рассказали, что пробежали более 200 верст от места стоянки и нигде не видали ничего, кроме льда и снега.

Это известие о лыжах, как молния, озарило Нансена. Если действительно Гренландия вся покрыта нетающим льдом, если лапландцы могли с такой быстротой двигаться по ней на своих лыжах, то это вполне возможно и для него. Но только он пройдет не 200, не 300 верст от берега, а пробежит через всю землю насквозь и своими глазами убедится, есть ли на ней зеленые оазисы, как утверждали многие путешественники, и как предполагал сам Норденшельд до своей второй экспедиции.

Мечта о таком путешествии крепко засела в голову Нансена; но прошло более 4 лет, прежде чем ему удалось

привести ее в исполнение. Эти 4 года были посвящены им исключительно научной деятельности, и он приобрел среди ученых известность, как добросовестный, талантливый исследователь. В то же время он никак не мог отказаться от длинных прогулок и пешком и на лыжах по горам и лесам родины. Один раз, отдыхая в промежутке между работами, он прочел в газетах, что через несколько дней назначен призывной бег на лыжах с холма Хусебю. Ему сразу представилась вся картина соснового леса зимой, гор и скал, покрытых блестящею пеленою снега. Он не мог усидеть на месте. Тотчас же побежал он к директору музея, взял у него отпуск на неделю и на другой день уже уехал по железной дороге со своими драгоценными лыжами. Чтобы добраться до места состязания, ему пришлось нестись на своих лыжах по извилинам горного хребта, скользить по краям крутых обрывов. Время было в конце зимы, когда обвалы гор — явление весьма обычное в Норвегии; но Нансен и не думал об этом. Пробежав несколько часов и вдоволь надышавшись свежим горным воздухом, он расположился завтракать в Лердальской долине. Под ногами у него шумела и пенилась река, сзади него поднималась отвесная скала, расщеченная сверху донизу глубоким, крутым ущельем; повсюду виднелись свежие следы огромного обвала, за которым по всем признакам вскоре должен был последовать другой. Нансен спокойно завтракал и, любуясь водопадом, вспоминал, как часто летом он ловил здесь рыбу. Вдруг его вывел из задумчивости резкий голос какого-то путника.

— Кто это там уселся под самым обвалом? Неужели уж хуже места найти не мог!

— Не беда! Услышу, как начнется! — беспечно отвечал Нансен.

— Чего там начнется! Грянет сразу, словно выстрел из пушки, вот и все!

Несмотря на предостережение, Нансен продолжал спокойно завтракать.

Через несколько минут кто-то быстро промчался на лыжах с криком:

— Если жизнь тебе не надоела, уходи прочь!

Но Нансен и не подумал уходить. Он сперва дозавтракал, затем сделал в своей записной книжке эскиз красивой местности и только тогда двинулся дальше.

Ночь застигала его в горах. Звездное небо ярко сияло и освещало неровным светом горные вершины.

„Среди безмолвной тишины величественной природы не слышно было никакого звука, кроме моих шагов по снегу, — пишет Нансен. — Какое-то странное ощущение овладевает человеком, когда он идет один-одинешенек в звездную ночь по горной равнине, далеко от человеческого жилья, высоко над обыденной человеческой жизнью! Чувствуешь, что ты тут один, наедине с природою и Богом; укрыться негде, — приходится во что бы то ни стало идти вперед“.

Приняв участие в призовом беге на лыжах и повидавшись с родными, Нансен снова вернулся в Берген, причем на обратном пути не один, а десять раз рисковал жизнью. Сначала пришлось ехать узкой горной дорожкой между отвесной скалой с одной стороны и крутой пропастью с другой. Санки скользили и раскатывались, так что Нансену беспрестанно приходилось соскакивать с них и сильной рукой удерживать их на самом краю обрыва. Переночевав в домике одного горца, Нансен пустился в дальнейший путь уже один, на своих лыжах. Ему не хотелось спуститься прямо в равнину Согне: его привлекали горные хребты, вершины которых вздымались точно громадные белые палатки, уходившие в небо. Он много раз летом переходил через эти горы, — как же было не пройти по гладкому зимнему пути на лыжах?

Дул попутный ветер, и Нансен быстро несясь вперед. На снегу виднелись свежие следы оленей, потом еще другие, — должно-быть, волка и рыси. Он направлял свой путь к знакомым пастушьим шалашам, за которыми следовал поворот и спуск вниз. Он летел все дальше и дальше; мимо него мелькали речки, открывались все новые вершины, новые скаты, все одинаково белые, одинаково блестящие на солнце: а шалашей нет, как нет! Он побежал по берегу длинной, извилистой речки, надеясь, что она приведет его куда следует, вдруг — перед ним крутой обрыв! В узком ущелье шумит водопад, с обеих сторон отвесные стены скал. С трудом удалось ему найти хотя крутой, но все же возможный спуск. Чем ближе к речке, тем все круче становился этот спуск, и путник ежеминутно рисковал слететь в воду; чтобы удержаться, ему приходилось чуть не по рукоятку втыкать свой шест в снег и почти повисать на нем! После этого надобно было перебраться еще через скалу. Он надеялся, что это последняя трудность. Не тут-то было! Дальше его ждал новый обрыв с водопадом хуже первого, потом еще речка. Нансен сообразил, что заблудился, и повернул назад. Опять пришлось ему пробираться вверх и вниз по горам и ущельям. Уже было совсем темно, когда он взобрался на последнюю вершину. Нигде не видно было никаких следов человеческого жилья; все было покрыто ровной белой пеленой. Нансен, с раннего утра рыскавший по горам, страшно утомился, — ему хотелось спать; дул такой пронзительный ветер, что необходимо было отыскать себе какое-нибудь убежище. Он нашел большой камень, около которого ветром нанесло высокий сугроб снегу, протискался между камнем и сугробом, разгреб себе местечко, надел шерстяную фуфайку, взятую с собой в дорогу, подложил под голову свой ранец и улегся рядом с собакой, которая сопровождала его в этой безумной экскурсии.

После нескольких часов мирного сна он снова надел

лыжи и при свете луны отправился назад по своим собственным следам. Но он снова сбилсЯ с пути и попал не в ту долину, куда было нужно; опять нигде не видно было никаких шалашей. Он решил взобраться на высокую вершину, чтобы оттуда хорошенько оглядеть окружающую местность.

С вершины ему открылось такое дивное зрелище, „за которое не жаль отдать жизнь“, говорит он. Пред ним растянулось огромное, терявшееся в туманной дали снежное пространство, „словно застывшее море с белыми волнами, из которых одни взлетели вверх, другие спустились, третьи образовали широкие долины, четвертые поднимались высокими хребтами и острыми пиками. А на это застывшее море лились потоки мягкого лунного света, игравшего серебром на вершинах, сверкавшего бриллиантами в долинах около ущелий, окутанных черными, зловещими тенями“. Налюбовавшись этим зрелищем, Нансен решил дожидаться здесь солнечного восхода, выгреб себе яму в снегу и заснул. Когда он проснулся через несколько часов, вершины гор уже золотились лучами восходившего солнца; за первыми лучами скоро хлынуло целое море лучей и залило огнем всю окрестность. Вершины гор загорелись, за ними зажглись покрытые снегом скаты, а долины еще лежали окутанные полусумрачною тенью.—„Видеть подобную картину, значить, слиться с природой, набраться новых сил, возвыситься к неведомым мирам, увидеть отблеск вечности“— в восторге писал Нансен.

Внимательно оглядев местность, он убедился, что ему необходимо было перебраться через высокую гору Восс. Опять пришлось скользить над пропастями, летать с обрывов, чуть не ползком взбираться на скалы. Достигнув вершины горы, Нансен решил вознаградить себя за все труды: он достал из ранца апельсин, взятый из дому, и начал есть его. Апельсин замерз и был тверд, как орех.

— Это отлично! — утешал себя непрехотливый путник: — точно фруктовое мороженое!

Спуск с горы не представлял особых трудностей, так как Нансен попал, наконец, на настоящую дорогу, и на следующий день молодой консерватор уже сидел за своим столом в музее, погруженный в научные работы.

Эти работы заставили Нансена в 1886 году съездить в Италию. Он занимался преимущественно изучением строения и отправлений разных низших морских животных. В Бергене он мог иметь лишь мертвые, заспиртованные экземпляры этих животных, а ему хотелось наблюдать их жизнь во всех ее формах и проявлениях.

Единственный город Европы, где в то время можно было с удобством заниматься такого рода наблюдениями, был Неаполь. Там, на берегу Неаполитанского залива, изобилующего всевозможными представителями морской фауны, устроена так называемая *зоологическая станция*. Среди красивого парка возвышается большое здание. Подвальное помещение его отведено под аквариум со множеством отдельных бассейнов, в которые проведена морская вода, и в которых различные животные и растения находят все условия, позволяющие им вести свою обычную жизнь. В верхних этажах здания расположены кабинеты ученых. Сюда съезжаются естествоиспытатели со всех концов Европы. Каждый из них получает свой отдельный стол, все пособия и инструменты, необходимые для работ. Если для его наблюдений недостаточно животных и растений, помещающихся в аквариуме, он заявляет смотрителю здания, какие организмы хочет изучать, и на другой же день ему доставляют их живыми, только что вытасченными из моря. К его услугам богатая библиотека; а если ему вздумается покататься по морю и самому присмотреть за ловлей животных, он может пользоваться судами, принадлежащими станции.

Нансен прилежно работал несколько месяцев в Неаполе и был в таком восторге от тамошней зоологической станции, что по возвращении в Берген начал энергично хлопотать об устройстве чего-либо подобного в Норвегии.

Его мысль встретила сочувствие среди норвежских ученых, и через несколько лет недалеко от Христиании была открыта биологическая станция, на которой теперь столь же удобно изучать богатую фауну Северного моря, как на Неаполитанской—Средиземного.

У.

Ни научные занятия, ни путешествие по Европе, ни экскурсии внутрь страны не могли заставить Нансена отказаться от желания пуститься в дальнейшее плавание и исследовать неведомые страны севера. План пройти на лыжах через Гренландию все более и более ясно вырисовывался в голове его. Он поместил в норвежском журнале „Naturen“ статью, в которой описал попытки разных путешественников проникнуть внутрь Гренландии, и затем обстоятельно развил свой собственный проект; об этом же проекте он говорил со многими профессорами и учеными Швеции и Норвегии. Большинство отнеслось к нему с недоверием.

Знаменитый путешественник Норденшельд, к которому он обратился за разными практическими указаниями, принял его очень любезно, внимательно выслушал, но выразил сильное сомнение в удобоисполнимости его плана. Менее сведущие люди прямо осмеивали Нансена, считали его чуть не сумасшедшим. В одном из бергенских юмористических листков появилось „объявление“ следующего содержания:

„В июне месяце нынешнего года будет дано консерватором Нансеном замечательное представление: бег на лыжах на материковом льду Гренландии. Места для публики устроены в трещинах ледников. Брать обратные билеты излишне“.

Нансен обратился к шведской Академии наук с просьбой выхлопотать у правительства денежное пособие, которое позволило бы ему привести в исполнение его намерение. Академия отнеслась к нему сочувственно; но министерство не нашло возможным тратить государственные деньги на такое сомнительное предприятие. К счастью, нашелся частный человек, богатый датский купец Гаммель, который поверил Нансену и согласился дать ему на его путешествие сравнительно небольшую сумму в 5.000 крон (около 2.500 р.).

Начало 1888 г. молодой ученый провел в сильных хлопотах. Он должен был весной этого года держать экзамен на доктора зоологии и в то же время готовиться к путешествию. Он был твердо убежден, что успех этого путешествия зависел главным образом от правильного снаряжения экспедиции, и потому занимался этим снаряжением с самою мелочною предусмотрительностью.

Прежде всего ему надобно было подобрать себе подходящих товарищей. Несмотря на недоверие, высказанное ему в некоторых газетах, более сорока человек из разных стран (Швеции, Норвегии, Дании, Германии, Англии) выразили желание сопровождать его. Он выбрал из них трех норвежцев, опытных лыжебежцев, людей мужественных и выносливых: Отто Свердруп, отставного капитана флота, Олуфа Дитрихсена, лейтенанта пехоты и Христиана Христиансена Трана, крестьянина из Северной Норвегии. Кроме того, он думал, что будет полезно взять с собой одного или двух лапландцев, как людей, привыкших к условиям северной природы и умеющих управлять оленями, на которых, быть-может, придется сделать часть пути. Он просил знакомых нанять для него двух здоровых, сильных горных лапландцев не моложе 30 и не старше 40 лет и прислать их в Христианию. Долго не получал он ответа на свою просьбу, наконец, уже в конце апреля, за несколько дней до отъезда экспедиции,

ему сообщили, что лапландцы приехали. При первом взгляде на них Нансен сильно разочаровался. Один из них молодой человек лет 26 Самуель Йоганнесен Балто был скорее похож на финна, чем на настоящего лапландца; другой, имевший, несомненно, вид лапландца, был почти старик, малорослый, неуклюжий, с длинными черными волосами, и очень мало говорил по-норвежски. На вопрос Нансена, не

Равна, Свердруп, Нансен, Трана, Дитрихсен, Балто.

боятся ли они пуститься в такое далекое путешествие, младший отвечал:

— О, да! мы очень боимся! Нам и дорогой все люди говорили, что мы не вернемся из этого путешествия! Нам очень, очень страшно!

Это представлялось мало утешительным; но отыскивать других лапландцев было уже поздно. Нансен решил, скрепя сердце, взять с собой Балто и его старого товарища Оле Нильсена Равна. Он постарался, насколько возможно, ободрить и приласкать бедняков и, очевидно, достиг своей цели. Вот что писал о нем Балто в своем дневнике, который он вел во все время путешествия: „Наш новый хозяин Нансен был незнакомый нам человек; но лицо его светилося ласкою к нам, точно лица родных, которых мы оставили

дома; очень приятным показалось мне лицо его и слова, которые он говорил нам. Все незнакомые люди были очень добры и ласковы с нами, двумя лапландцами, пока мы жили в городе Христиании, и с этих пор мы стали спокойнее и почувствовали себя счастливее“.

Всю весну 1888 года Нансен неустанно хлопотал о снаряжении своей экспедиции. Он тщательно обдумывал каждую мелочь; многие вещи: сани, лыжи, лодку заказывал по собственным рисункам. Предвидя, что участникам экспедиции придется, может быть, обойтись без вьючных живот-

Балто.

Равна.

ных и таскать весь багаж на себе, он старался взять как можно меньше вещей. Но при этом он не забывал, что отсутствие какого-нибудь необходимого в пути предмета может помешать достижению цели и даже стоять жизни отважным путникам. Читая описания прежних полярных экспедиций, он заметил, что сани играли в них очень важную роль: тяжелые, неповоротливые сани задерживали движение вперед, перетаскивание их утомляло людей; поэтому он решил взять

с собой пять штук очень легоньких санок из ясеневоего дерева с широкими полозьями, подбитыми сталью. Лыжи, изготовленные по его заказу, отличались прочностью, легкостью и удобством, кроме того, для переходов по мокрому снегу он взял особенные *индейские лыжи*, сплетенные из толстых веревок, натянутых на раму из ясеневоего дерева. Лодка его отличалась легкостью и в то же время прочностью, так что могла противостоять ударам льдин. Палатка была

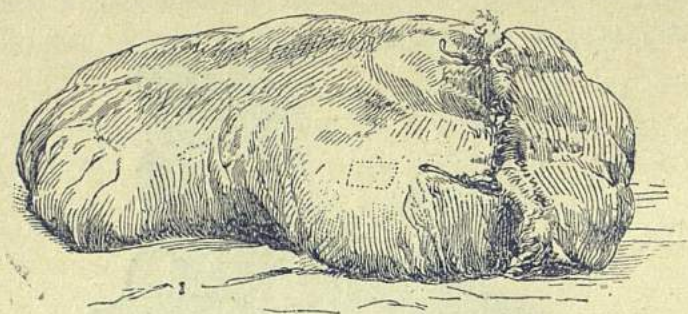

Индейские лыжи.

небольшая и состояла из трех бамбуковых шестов и пяти кусков непромокаемой ткани, которые, в случае надобности, могли служить и брезентом и парусами. Одною из самых важных принадлежностей полярной экспедиции Нансен считал мешки для сна. Он заказал два больших мешка из оленьего меха; в каждом из них могли поместиться три человека. Это казалось ему практичнее, чем иметь по мешку для каждого человека или один мешок на всех: шесть мешков представляли лишнюю тяжесть; один мог случайно погибнуть в пути, и тогда путешественники были бы лишены теплого убежища на ночь. Один край мешка был значительно длиннее другого и загибался над головою. Когда было не слишком холодно, его просто набрасывали на голову, а при

сильном морозе крепко-накрепко пристегивали к середине мешка, и для дыхания довольствовались тем воздухом, который проходил между застежками. Одежда участников экспедиции (кроме лапландцев, которые не расставались со своими малицами из оленьего меха) была вся шерстяная. На них были надеты фуфайки и панталоны из тонкой шерсти; затем толстые шерстяные джерси, куртки, вторые короткие панталоны,

Мешок для спанья.

байковые штиблеты и по две пары чулок, одной шерстяной, другой пуховой; сапоги обыкновенные кожаные, на толстой подошве. Для защиты от ветра и дождя они надевали парусинные непромокаемые плащи с капюшонами для головы. На руках у них были шерстяные перчатки, а на случай сильного холода—рукавицы из собачьего меха шерстью вверх. Шапки были с наушниками и щитами для защиты шеи: сверху надевались еще парусинные башлыки. Для защиты глаз от ослепительного полярного снега они запаслись большими очками с дымчатыми стеклами и другими, деревянными, с небольшими прорезами для глаз. Пищевые продукты состояли из мясного порошка, сыра, сухарей, чаю, кофе, шоколада, сахара и разных консервов, которые занимали мало места и в то же время были очень питательны.

Для варки пищи взята была особенного устройства спиртовая кухня, придуманная самим Нансеном. Водка и вино

были изгнаны из употребления; табаку взято очень небольшое количество, так как Нансен сам не курил и считал вообще курение вредным.

Кроме этого, они запаслись разного рода инструментами для научных наблюдений, фотографическим аппаратом, письменными, рисовальными и швейными принадлежностями, топорами, ножами, гвоздями, веревками, бамбуковыми палками, кусками парусины и непромокаемой ткани, хорошими ружьями с достаточным количеством патронов, маленькой аптечкой с самыми необходимыми перевязочными средствами, несколькими пачками спичек в плотно запертых коробках и разными мелочами, которые могли пригодиться в пути.

По плану Нансена следовало проникнуть в Гренландию с восточного берега, а не с западного, как делали до него другие исследователи этой страны: Иенсен, Норденшельд и Пири. На западном берегу было несколько эскимосских поселений, несколько американских и датских колоний, — он был сравнительно исследован; восточный представлял пустыню с немногими эскимосскими поселками, рассеянными на большом расстоянии друг от друга.

Нансен рассуждал так: если экспедиция двинется от западного берега, ей, в случае каких-либо непредвиденных трудностей в пути, будет сильное искушение вернуться назад, в населенные места; если же она начнет свое путешествие от пустынного восточного берега, ей надо будет или погибнуть, или во что бы то ни стало двигаться вперед, к колониям.

Те небольшие средства, которыми располагала экспедиция, не позволили Нансену нанять собственное судно, с которым он мог бы пуститься в путь в благоприятное время года и пристать к тому пункту берега, который наметил себе. Ему пришлось войти в соглашение с капитаном тюлене-промышленного судна, который взялся даром довести экспе-

дицию от Исландии до пояса льдов, окружающих Гренландию, но с условием, что по пути он станет заниматься ловлей тюленей.

2-го мая Нансен выехал из Христиании и через Копенгаген и Лондон отправился в шотландский город Лейт, где к нему присоединились остальные члены экспедиции. Вот как описывает Балто отъезд их из Христиании.

„Когда мы шли по городу к набережной, многие люди, мужчины и женщины, провожали нас, желали нам счастья и приветствовали нас. Так же встречали нас и жители маленьких городков между Христианией и Христианзандом. Они, наверно, думали, что мы уже не вернемся живыми“.

9-го мая путешественники сели на шотландский пароход „Тира“, который доставил их в Исландию. Там им пришлось прожить около трех недель в ожидании „Язона“, который должен был подвести их к восточному берегу Гренландии. Это промысловое судно замешкалось в пути, занявшись ловлей тюленей.

Через неделю благополучного плавания на „Язоне“ путешественники увидели вдали первые очертания восточного берега Гренландии, высокие зубчатые скалы. Это зрелище произвело неприятное впечатление на лапландцев. Балто пишет в своем дневнике:

„Мы ехали несколько дней по направлению к Гренландии и, наконец, увидели землю; но она была далеко от нас, миль за 60 или за 70 *), за полосой льдов. Та часть берега, которую мы могли видеть, не представляет для глаза ничего красивого или привлекательного, напротив, она кажется угрюмой и некрасивой. Страшно высокие зубцы гор поднимаются, точно колокольни церквей, к облакам, которые закрывают их верхушки“.

---

*) Морская миля—1852 метрам или 866 саж. 1 арш. 11 вершк.

VI.

Целый месяц пробыл „Язон“ на расстоянии нескольких десятков миль от берега. Его то затирали льдами, то сильным течением относило в сторону. В это время его команда деятельно занималась ловлею тюленей, которые целыми стадами лежали на льдинах. Нансен и его два товарища—Свердруп и Дитрихсен, оба страстные охотники, принимали горячее участие в этой ловле.

Наконец, 13 июля капитан „Язона“ решил, что так как сезон охоты пришел к концу, да и добыча судна была весьма значительна, то можно повернуть прямо на запад и плыть к берегам Гренландии. Утром 14-го вахтенный объявил, что видит землю на недалеком расстоянии; но вскоре поднялся туман и скрыл ее от глаз.

„Около полудня, — рассказывает Нансен, — я сидел внизу, в каюте и писал письма, как вдруг услышал с палубы магическое слово: „земля“! Я побежал наверх, и глазам моим открылось чудное зрелище. Сердце мое затрепетало от восторга. Направо сквозь дымку тумана виднелся освещенный солнцем берег Гренландии, величественный ряд горных вершин к северу от мыса Дэн. Никогда не видал я более дико-прекрасной картины, более дико-беспорядочной природы: острые скалы, льдины, снег“...

Они были милях в 35 от земли; но ледяное поле загородило им путь, и они должны были повернуть на юго-запад. Громадные ледяные горы, возвышавшиеся среди океана, казались издалека островами.

17-го, взойдя на палубу, Нансен в первый раз различил то ледяное плато внутри Гренландии, к которому он так стремился; он решил, что именно в этот день им следует сесть на лодку и постараться достигнуть берега, который был не более, как на расстоянии 10—12 миль. Начали нагружать лодку. Капитан „Язона“ предложил им взять еще

одну из своих лодок, и вся команда помогала им распределять и упаковывать вещи.

Члены экспедиции написали последние письма на родину; каждый из них, у кого был особенно дорогой друг, поспешил сказать ему последнее прощанье. Тем не менее все они были так веселы, что по их виду нельзя было догадаться, к какому трудному подвигу они готовились. Правда, они целых шесть недель томились ожиданием и только теперь, наконец, могли приступить к исполнению давно желанного предприятия. Земля казалась так близко, расположение льдин так благоприятно, что они твердо рассчитывали на удачное начало.

— Я чувствовал себя таким бодрым,—говорил Нансен,—точно готовился идти на бал и танцевать с избранницей моего сердца.

В 7 часов вечера все было готово к отплытию. Нансен в последний раз влез на мачту, чтобы посмотреть, как лучше направить путь. За полосой льдин виднелась полоса свободной воды, которая, повидимому, подходила к самому берегу, и он решил направиться в ту сторону, где эта полоса была шире.

Весь экипаж „Язона“ собрался на палубу провожать отъезжающих. В течение 6 недель совместного плавания матросы успели искренно полюбить отважных путешественников; пожимая им на прощанье руки, они грустно покачивали головой или отворачивались, чтобы скрыть волнение: они не надеялись никогда больше встретиться с ними в этом мире.

В одну лодку сел Нансен с Дитрихсенем и Балто, в другую Свердруп с Равной и Христиансенем.

— Готово! отваливай!—Сильные удары весел быстро двинули лодку вперед; воздух огласился криками и ружейными выстрелами с „Язона“ в знак последнего прощанья.

Пошел дождь, небо покрылось тучами. Странный вид представляли эти люди, одетые в темные плащи, с темными

колпаками на головах, молча, твердою рукой проводившие свои лодки среди неподвижных льдин, белевших на фоне темного неба. Черные тучи лежали на зубчатых вершинах гор. По временам они расходились, и, точно сквозь приподнятый занавес, виднелся красивый отблеск заходящего солнца; затем занавес снова падал, мрак сгущался, а гребцы неутомимо действовали веслами, несмотря на дождь, хлеставший им в лицо. Всю ночь проработали они; несколько раз приходилось им втаскивать лодки на льдины, чтобы спасти их от напора ледяных глыб, и искусно лавировать вокруг ледяных гор, чтобы не попасть в водовороты, бушевавшие у их подножия. К утру дождь перестал, и восходящее солнце осветило вершины гор: земля казалась совсем близко,—виднелись даже камни на склонах гор. Путешественники были вполне уверены, что еще несколько часов, и они будут на берегу. Они уже рассуждали, где лучше пристать, и как лучше вытащить лодки на берег. Но вдруг льдины со всех сторон окружили их и стали сильно напирать на лодки. При этом одна из лодок пострадала, и надобно было починить ее, прежде чем продолжать путь. Вытащили лодки на лед, принялись за починку повреждений; а между тем вокруг них льдины сплотились густой массой, тучи снова заволокли небо, и дождь полил, как из ведра. Путешественникам не оставалось ничего больше делать, как залезть в свои мешки и отдохнуть; впрочем все они сильно нуждались в этом после 15-часовой утомительной работы. Решено было, что спать лягут пятеро, а один поочередно будет наблюдать за движением льда и разбудит остальных, как только льдины расступятся настолько, что возможно будет пробраться в лодке среди них. Напрасная надежда! Льдины не расходились, а промежутки между ними были слишком малы, чтобы проехать по ним в лодке, и слишком велики, чтобы идти по льду пешком. Хуже всего было то, что эти льдины не стояли неподвижно. Они двигались по морскому течению сначала ме-

дленно, потом все быстрее и быстрее. (Противодействовать этому течению путешественники не имели никакой возможности, и оно с неудержимой силой уносило их на юг, все более и более удаляя от берега.

Целые сутки провели путешественники в своей палатке, укрываясь кое-как от проливного дождя. Утром 19-го, когда погода несколько прояснилась, они увидели, что находились вдвое дальше от берега, чем раньше, но что лед с западной стороны несколько разделился, так что можно было попытаться на лодках проехать наперерез течению. Они с удвоенной силой налегли на весла и, проталкиваясь между льдинами, пользуясь каждым куском открытого моря, снова подвинулись на несколько миль к берегу. К вечеру их опять затерло льдами, и опять пришлось им раскладывать свою палатку на льдине, отдыхать поневоле и чувствовать, как поток уносит их все дальше и дальше от желанной цели. Было отчего прийти в отчаяние! Но ни Хансен, ни его спутники-норвежцы не унывали. Пока остальные спокойно спали в своих мешках, Хансен любовался видом моря и отдаленного берега, тонувшего в мягком полусвете летних сумерек, и пытался набросать на бумагу картину, открывавшуюся глазам его. А между тем вдали уже слышался прибой морских бурунов, значит, конец ледяного пояса, окружающего Гренландию, был недалеко.

На следующее утро путешественников разбудил сильный толчок: оказалось, что льдина, на которой они поместились, раскололась надвое в нескольких шагах от их палатки; пришлось перебраться на другую, более крепкую ледяную глыбу. Шум буруна слышался совсем близко, и с высокой части льдины уже можно было ясно видеть открытое море, сиявшее в лучах солнца. Пока норвежцы беззаботно устраивались на новосельи, лапландцы вдруг куда-то исчезли. Хансен встревожился и пошел искать их, хотя трудно было спрятаться среди ровного открытого места. Его удивило, что одна из

лодок как-то особенно тщательно прикрыта брезентом; он подошел, осторожно приподнял брезент—и что же! Лапландцы лежали рядышком на дне лодки, и Балто громко читал товарищу евангелие. Бедняги не надеялись остаться в живых и благочестиво готовились к смерти. Раньше они отысповедовались друг другу, вместе поплакали и горько упрекали себя за то, что поддались советам злых людей, уговоривших их за деньги принять участие в таком опасном предприятии.

В этот день путешественники в первый раз решили приготовить себе горячую пищу и сварили из гороховых консервов суп, который показался им необыкновенно вкусным. Во время обеда волнение на море усилилось; льдину качало так, что кухне ежеминутно грозила опасность опрокинуться; но это не мешало норвежцам очень весело приняться за еду. Опасность как-будто изощряла их остроумие: они перекидывались шутками, остротами, и их непринужденный смех оглашал царство льда, до тех пор никогда не слыхавшее ничего подобного. Лапландцы не принимали участия в этой веселости. Они ели молча, сосредоточенно, повидимому, считали даже грехом шутить и смеяться в виду неизбежной смерти.

Опасность была, действительно, не шуточная. Льдины неслись навстречу морским бурунам, которые яростно набрасывались на них, заливали; ломали их, громоздили одну льдину на другую и уносили с собой в море осколки громадных ледяных утесов. Льдина, на которой наши путешественники разбили свою палатку, казалась пока прочной и крепкой; но в состоянии ли она будет противостоять напору воли,—этого никто не мог сказать. Решено было, что путешественники останутся на ней до последней крайности; а, когда она вынесет их в море и перестанет служить для них надежным убежищем, они пересядут в лодку и постараются на веслах проехать через буруны. Спасти обе лодки представлялось невозможным, поэтому они нагрузили в одну самые необходимые вещи и решили все шестеро сесть в нее.

Бедный Равна ходил, как потерянный, при этих приготовлениях. Он беспрестанно поднимался на высокую часть льдины и с ужасом глядел на буруны, которые, повидимому, все приближались; он вспоминал жену, детей, своих милых оленей, свой чум в горах Финмаркена и в сотый раз проклинал корыстолюбие, заставившее его покинуть родину, где теперь так тепло, так светло и хорошо!

Приготовляясь к страшно тяжелой работе, в случае, если придется плыть на лодке, путешественники решили вечером пораньше улечься в мешки и как можно лучше выспаться. Свердруп взялся исполнять роль часового. Все, не исключая и лапландцев, вскоре спокойно уснули, хотя шум бурунов становился все слышнее и слышнее. Проспав с час, Нансен проснулся от плеска воды за стеной палатки, около самой головы его. Льдина, на которой они поместились, поднималась и опускалась точно корабль во время бури; шум бурунов был оглушительно громок. Нансен ждал, что Свердруп тотчас начнет всех будить, так как вода могла залить палатку. Но нет, вода не появлялась, а Свердруп продолжал твердым, размеренным шагом ходить по льдине между палаткой и лодками.

„Если Свердруп находит, что нет опасности, значит, ее нет, и можно спокойно спать!“—сказал сам себе Нансен, перевернулся на другой бок и заснул крепким сном.

Между тем у Свердрупа несколько раз являлось желание разбудить товарищей, несколько раз казалось ему, что льдина готова рассыпаться в куски под влиянием бивших по ней волн, или треснуть от напора других, надвигавшихся на нее льдин. Он даже вытащил уже брюк, придерживавший одну из стенок палатки, но затем решил подождать еще немножко. Он дошел до лодок, затем вернулся назад, вынул еще один брюк и ждал. В эту минуту льдина проходила по самой окраине ледяного поля. Громадная ледяная скала плыла подле нее и грозила каждую минуту обрушиться на нее.

Волны насакивали со всех сторон. Но, к счастью, раньше такие же волны набросали на нее массу мелких льдин и осколков льда, которые образовали по окраинам ее целый высокий вал. Наконец, волнение до того усилилось, что Свердруп не решился больше ждать, он вынул еще один брюк и только-что хотел разбудить товарищей, как вдруг случи-

На льдине.

лось нечто совсем неожиданное: в ту минуту, когда льдина была уже у самого начала бурунов, она попала в противоположное течение, и с той же быстротой, с какой раньше неслась в открытое море, понеслась теперь к берегу.

На следующее утро члены экспедиции могли поздравить себя с избавлением от смертельной опасности: вместо картины бушевавшего моря и в беспорядке сталкивающихся льдин их окружал мир и тишина; они все дальше и дальше оставляли за собой море; вокруг них простиралось во все стороны спокойное, однообразное ледяное поле, залитое яркими лучами солнца. Даже лапландцы успокоились.

Непосредственная опасность для жизни миновала, но положение было все-таки неприятное. Льдина, на которой они

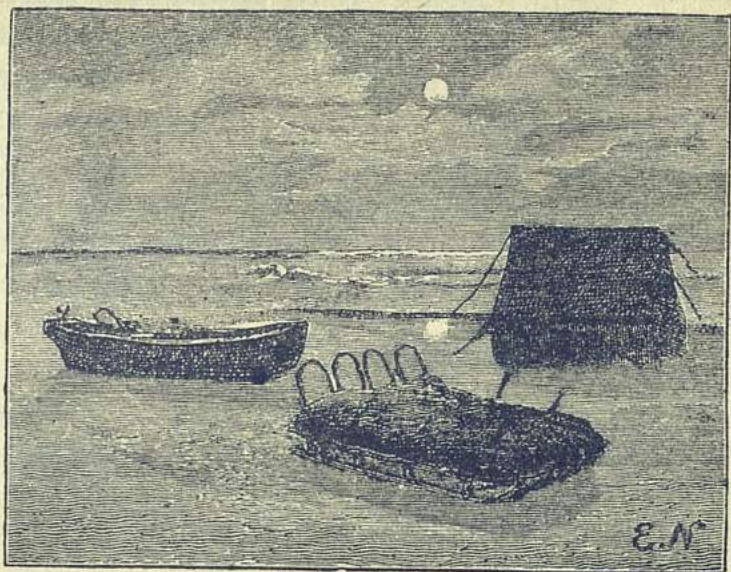
находились, переменяла курс с востока на запад, но затем очень скоро повернула на юго-запад и потом прямо на юг. Она, очевидно, увлекала их вдоль берега Гренландии, то удаляясь от него, то несколько приближаясь, и не было никакой вероятности, что она принесет их к цели. Они зорко следили за положением льдин и пользовались всякою возможностью приблизиться к берегу то на лодках, то пешком, перетаскивая свой багаж в саних. Сильный ветер, дувший с моря, сгонял льдины; в узких каналах между ними лодка ежеминутно подвергалась опасности быть раздавленной напором льда. Итти пешком было не менее опасно. От взаимного трения края льдин сделались рыхлыми; люди проваливались с них в воду, а сани очень трудно было перетаскивать через широкие трещины. Промучившись в этих напрасных попытках несколько времени, путешественники увидели, что таким образом они совершенно напрасно тратят силы, которые будут нужны им впоследствии, и решили выбрать себе хорошую, крепкую льдину, устроиться на ней и спокойно ждать своей судьбы. Опыт научил их, какую льдину считать хорошею: толстую, крепкую, синеватого цвета, более длинную, чем широкую, с высокими краями и с лужей воды внутри. Эти лужи являлись от таянья снега и давали им чистую пресную воду, вполне пригодную для питья. Внимательно оглядев окружающие их льдины, они выбрали одну из них, втащили на нее лодки, разбили палатку и устроились точно на долгое жилье. Льдина несла их все дальше и дальше на юг; морские буруны слышались то громче, то тише; а они делали метеорологические наблюдения, писали дневники, рисовали виды, наслаждались, точно необыкновенным лакомством, чашкою горячего кофе или горохового супа и болтали так весело и беззаботно, словно сидели у себя дома в гостиной, а не среди льдов Северного океана.

Много раз толковали они о том, чем может кончиться их подневольное путешествие на льдине, и решили, что она

во всяком случае должна принести их к земле, хотя бы около мыса Фарвэля, самой южной оконечности Гренландии.

— Оттуда мы двинемся вдоль берега на север; если нужно, перезимуем где-нибудь, а весной все-таки перейдем через ледяное плато Гренландии,—говорили они.—Иначе нельзя! Лучше уж погибнуть, чем вернуться на родину, не исполнив своего намерения! Какой срам!

Ночь на льдине.

Лапландцы не разделяли спокойного, бодрого настроения норвежцев. Как только выяснилось, что льдину несет не к берегу, а к югу, они снова упали духом.

— Пожалуйста, не говорите, что мы попадем на землю!—убеждал Нансена Балто.—Это не может быть: нас, наверное, унесет в Атлантический океан! Я об одном молю бога, чтобы мне не умереть без покаяния и не погубить своей души.

Из всех своих грехов бедный Балто особенно раскаивался в пьянстве, из-за которого и принял участие в экспедиции. Он был пьян, когда ему предложили ехать в Гренландию, и он согласился в пьяном виде, считая все дело пустяком.

Проспавшись, он жалел о том, что сделал, но думал, что уже нельзя взять обратно своего обещания. Чтобы успокоить бедных лапландцев, Нансен рассказывал им все, что сам знал о Гренландии, и подробно объяснял им, почему рассчитывает во всяком случае добраться до ее берегов. Лапландцы слушали его рассказы, сомнительно качая головой.

Относительно пищи у норвежцев и лапландцев были различные вкусы. Кушанья готовились на спиртовой кухне, и так как спирт, этот единственный горючий материал, имевшийся у них, следовало очень беречь, то путники не каждый день варили себе горячую пищу и не разводили сильного огня. С „Язона“ они захватили большой кусок мяса, но вполне доваривать или дожаривать это мясо не могли. Норвежцы охотно ели его полусырым, красным, но лапландцы с ужасом и отвращением отворачивались от такой пищи.

— Только дикие звери да язычники могут есть такую мерзость,—говорил Балто, вздыхая, и Равна, несмотря на сильный голод, с грустью отворачивался от сочных кусков красного мяса. Приходилось кормить их исключительно мясными консервами, которые очень нравились им.

VI.

28-го июля наши путешественники снова слышали недалеко от себя шум бурунов. Очевидно, они еще раз приближались к открытому морю, и это даже обрадовало их. Погода стояла тихая, ясная, и они надеялись, усиленно работая веслами, дня в три добраться до мыса Фарвеля; это было приятнее, чем сидеть, сложа руки, и покорно подчиняться морскому течению. Вечером, прежде чем они подошли к окраине ледяного поля, густой туман заволок всю окрестность. Несмотря на этот туман, они заметили, что льдины как-то поределли, и у них явилась мысль пробраться в лодке к берегу. Берег был в сущности недалеко, миль за 15—18 от

них; но они уже так часто и неудачно пытались достигнуть его, что у них не хватило охоты делать новую попытку среди тумана, ночью, когда всем хотелось спать. Решили подождать до утра. Перед рассветом стоявший на часах Свердруп посмотрел на компас и пришел в полное недоумение: или он, или компас, очевидно, сошел с ума. Прибой бурнов слышится слева, значит, пред ними должен быть юг, а компас показывает, что это север. Удивительно!

После Свердрупа должен был дежурить Равна. Лапландец не умел смотреть на часы и никак не мог сообразить, когда пройдет два часа. Ночью он по большей части дежурил вместо двух часов—четыре и, когда будил следующего за собой дежурного, то всегда робко замечал:

— Не знаю, как будто два часа уже прошло.

Проснувшись рано утром 29, Нансен сквозь отверстие в стенке палатки увидел Равну, шагавшего по льдине и оглядывавшегося во все стороны с каким-то странным, не то удивленным, не то смущенным выражением на своем маленьком сморщенном личике.

„Должно быть, бедняга, опять продежурил бог знает сколько времени, и все сомневается, прошло ли два часа!“ — смеясь, подумал Нансен.

Но на лице Равны выражалось что-то особенное, какое-то необычайное беспокойство.

— Что с вами, Равна?—окликнул его Нансен.—Видна земля?

— Да, да,—торопливым голосом проговорил Равна:—земля *слишком* близко!

Слово *слишком* оба лапландца обыкновенно употребляли вместо *очень*.

Нансен вылез из мешка и выбежал из палатки. Действительно, они были гораздо ближе к земле, чем ожидали. Лдины разошлись, и до самого берега шло открытое море. Недоумение Свердрупа разъяснилось: ни он, ни компас не

сошли с ума; но то, что он принимал за буруны, бушующие около внешнего края ледяного поля, был прибой морских волн о берега Гренландии. Нансен поспешил разбудить товарищей. Земля, действительно, была *слишком* близко,—нельзя было спокойно спать. Они поспешно оделись, наскоро позавтракали и, не теряя времени, принялись спускать в воду и нагружать лодки. Вокруг них все изменилось. Ледяное поле, столько дней державшее их в плену, исчезло; льдины унесло на юго-восток; на юге и на западе море было совершенно чисто. Полоса открытой воды тянулась и на север вдоль берега на довольно значительное расстояние и снова заканчивалась сплошными льдинами.

Можно себе представить, как энергично работали весла несчастных путников теперь, когда желанная цель была так близка!

„Нам казалось,—пишет Нансен,—точно мы освободились от долгого заключения, точно перед нами открывается блестящая, счастливая будущность. И, действительно, мы были счастливы! Разве не великое счастье сознавать, что исполнение желания становится возможным, что неизвестность исчезает и заменяется уверенностью? Это чувство трепетной радости сходно с тем, какое мы испытываем при восходе солнца; рассвет нового дня всегда кажется нам красивее и блестящее, чем самый ясный полдень.

Однако, берег был еще далеко, и на пути к нему их подстерегала неожиданная опасность. Им пришлось ехать мимо большой ледяной скалы, торчавшей из воды. Громадная глыба льда сорвалась с нее и упала в море в нескольких шагах от них; стая морских птиц, сидевших на скале, испуганная этим падением, поднялась и с громким криком носилась вокруг лодки. Путешественники следили радостными глазами за пернатыми вестниками близкой земли и не думали о том, что были на волос от гибели.

Дальше им надо было опять пробираться через льдины, окаймлявшие берег; но после всех перенесенных трудов и опасностей это казалось им пустяком. Они распустили на лодках норвежский и датский флаги и с наслаждением прислушивались к эху прибрежных скал, откликавшемуся на их веселые голоса. Около одной из этих скал оказалась удобная бухточка; они ввели в нее лодки и, перегоняя друг друга, вскарабкались на крутой берег. Каждому из них хотелось поскорей почувствовать под ногами твердую почву и, взобравшись на скалу, бросить взгляд на давно невиданный земной ландшафт. Они, как дети, радовались каждому кусту и травке, каждой чахлой травке, каждому цветочку!

Когда первые порывы восторга улеглись, они принялись за более прозаичное, но все-таки очень приятное занятие — приготовление себе обеда. Ради счастливого дня решено было устроить роскошное угощение: во-первых, сварить к обеду горячее кушанье, во-вторых, напиться шоколаду.

Пока готовился обед, Нансен уселся на одном из соседних утесов и принялся срисовывать окружающую местность.

— Я сидел на камне, — рассказывает он, — любовался окружающими видами, наслаждался сознанием того, что живу, и вдруг услышал тихое жужжание, которое смолкло где-то около моей руки. Это был хорошо известный голос, хорошо известное жужжание. Я взглянул вниз и увидел комара, самого обыкновенного комара, к которому скоро присоединилось несколько товарищей. Я не шевелился и позволил им кусать и есть меня. Эти милые создания служили для меня ясным доказательством, что я на земле, и я с удовольствием любовался, как они напивались моею кровью. Наверно, им уже давно не приходилось отведать человеческой крови!

После комаров Нансена привела в умиление маленькая птичка, которая, усевшись в нескольких шагах от него, пропела ему незатейливую песенку.

— Даже паук, заткавший свою паутину среди покрытых лишаями камней, был мне приятен, как воспоминание о родине, о других, более цветущих странах!—говорит Нансен.

Пообедав и отдохнув, путешественники снова сели в лодки и продолжали свой путь к северу. Сначала все шло хорошо, так как перед ними лежало большое пространство свободной воды, но к вечеру стали чаще и чаще попадаться льдины, а ночью им пришлось почти все время проталкиваться вперед с помощью багров и топоров. Они впрочем не теряли бодрости, работали всю ночь без отдыха и только на следующий день после полудня решили снова пристать к берегу, поесть и отдохнуть. Они остановились около небольшого мыса, в виду ледника Пьюсортака, который собирались объехать засветло, подкрепив силы. Только-что они расположились на берегу, как их поразил какой-то странный звук, похожий на человеческий голос. Звук повторился несколько раз и как будто приближался. Раздался выстрел. Балто схватил подзорную трубу и вбежал на соседнюю скалу.

— Я вижу двух людей!—закричал он.

Нансен бросился к нему и, действительно, увидел две маленькие лодочки, пробиравшиеся между льдинами по направлению к берегу. В каждой лодочке сидело по человеку, усердно работавшему веслами. Прошло несколько минут,—незнакомцы пристали к берегу; один втащил на землю свою легкую лодочку, другой оставил свою на воде, и оба направились к тому месту, где расположились европейцы.

Балто и Равна с недоумением и даже некоторым испугом глядели на них. Нансен и его товарищи сразу догадались, что это эскимосы, частью кочующие, частью оседло живущие на восточном берегу Гренландии. Один из них был одет в куртку и панталоны из тюленьей кожи, при чем между этими двумя частями одежды оставался большой промежуток голого тела. На ногах у него были особые эскимосские сапоги, а на голове, вместо шляпы, несколько питов бус. На

другом часть одежды была европейского происхождения и состояла из синей ситцевой блузы; на ногах были надеты сапоги из тюленьей кожи, а середина туловища была также голая. На голове его была очень странная шапка, состоявшая из деревянного кольца с натянутым на нем куском синей бумажной материи и большим красным крестом посредине. Оба эскимоса были очень маленького роста, очевидно, молодые люди с добродушными, приятными лицами. Подходя к европейцам, они начали улыбаться, жестикулировать и очень быстро болтать на каком-то непонятном языке.

Европейцы тоже встретили их ласковыми улыбками, и Нансен вытащил бумажку, на которой у него было записано несколько вопросов по-эскимосски. Когда он обратился с этими вопросами к эскимосам они с недоумением посмотрели на него и друг на друга. Напрасно Нансен повторял свои вопросы то медленнее, то быстрее: его не понимали. Пришлось прибегнуть к языку знаков, и это оказалось более удачным: маленькие человечки объяснили, что их соотечественники кочуют недалеко от этого места к северу. Затем они стали указывать на Пьюсортон, делали разные странные жесты, придавали лицам серьезное, испуганное выражение, очевидно, хотели показать, что ледник грозит опасностью. Нансен объяснил им знаками, что приехал из-за моря; на это они ответили каким-то странным звуком вроде мычанья коровы, что, вероятно, должно было служить выражением крайнего удивления. В то же время они с недоумением поглядывали друг на друга и на европейцев. Может быть, они им не верили, а, может быть, принимали их за каких-нибудь сверхъестественных существ.

Они стали с любопытством осматривать все вещи европейцев; особенное внимание их возбудили лодки. Когда Нансен дал им по сухарю, они засияли от восторга и, откусив по маленькому кусочку, остальное бережно спрятали, очевидно,

чтобы снести домой. Все время они пожимались и дрожали от холода, что было неудивительно в виду их более, чем легких одежд. Наконец, они показали, что не могут более переносить резкий ветер, дувший между скал, ласковыми улыбками распрощались с европейцами и побежали к воде. С ловкостью кошек вскочили они в свои „кайяки“ и, быстро работая веслами, исчезли среди льдин.

Эта встреча была совершенною неожиданностью для Нансена и его товарищей: они знали, что эта часть восточного берега Гренландии необитаема, и никак не ожидали при первых же высадках на берег наткнуться на туземцев. Решив, что это, должно быть, какое-нибудь кочующее племя, они залезли в свои мешки и заснули крепким сном. К вечеру западный ветер отогнал льдины от берега; они сели в лодки и двинулись дальше к северу.

Скоро пришлось им ехать мимо знаменитого ледника Пьюсортака, который внушает какой-то суеверный ужас всем эскимосам. По их понятиям, проезжая около него, нельзя ни говорить, ни смеяться, ни нюхать табак, ни, в особенности, произносить название ледника. Наши путешественники не подчинились этим правилам. Проходя в своих лодках около подошвы величественной ледяной стены, они выражали свой восторг при виде чудного цвета ледника, который отливал всеми оттенками синего, начиная с темной лазури трещин до молочно-белой вершины, покрытой слоем снега. Страх, какой чувствуют перед этим ледником эскимосы, нельзя назвать неосновательным: ледник спускается в самое море и не окружен, подобно другим ледникам Гренландии, островками или скалами: лодкам приходится ехать очень близко к подножию его, а между тем на нем нередко случаются обвалы. Большие глыбы льда падают с его вершины вниз, и судно, которое попадает под такой обвал, неминуемо погибнет: если даже падающая глыба не раздавит его, она во всяком случае вызовет такое сильное волнение в море, разбросает во

все стороны такую массу ледяных осколков, что бедной лодочке мало вероятности спастись.

К северу от Пьюсортака, около мыса Биль, наши путешественники услышали вдруг странные звуки на берегу, какую-то смесь человеческого говора и собачьего лая. Скоро они заметили множество темных движущихся предметов, которые по ближайшем рассмотрении оказались людьми. Эти люди расположились на уступах скал, громко разговаривали, жестикулировали и указывали на лодки европейцев, пробиравшиеся между льдинами. Когда лодки повернули к берегу, крики туземцев усилились. Они визжали, выли, одни подбегали к берегу, другие лезли на высокие утесы, чтобы оттуда лучше видеть. Когда лодки европейцев застряли между льдинами, и пришлось пустить в ход багры и бамбуковые палки, чтобы пробиться среди льда, волнение на берегу достигло высшей степени: крики и смех доходили чуть не до истерики. Несколько человек сели в свои легонькие кайяки и выехали навстречу европейцам, чтобы показать им, где лучше пристать. На краю утеса стояли толпы мужчин, женщин и детей, грязных, полуодетых и беспрестанно издававших странное мычание, точно коровы; около берега кучка эскимосов с громкими криками и оживленными жестами помогала европейцам причалить лодку. Среди скал виднелись желтовато-коричневые юрты, между берегом и льдинами сновали узкие, длинные кайяки.

Когда европейцы, привязав лодки, вышли на берег, их тотчас окружила толпа туземцев, которые с удивлением рассматривали их и при этом все время весело улыбались. На эскимосском языке не существует слов для выражения приветствия приезжим, и они эти слова заменяют улыбками. Путешественники направились к жилищам, и эскимосы знаками пригласили их войти в самую большую из своих юрт. Вход в палатку был закрыт тонким куском кожи; эскимос поспешил приподнять его, чтобы пропустить гостей; но они

остановились в смущении у самого входа. Их поразил ужасный запах, происходивший от жира, горевшего в лампах, от человеческого пота и от какой-то вонючей жидкости, стоявшей в сосудах; но еще более они были поражены, увидев массу голых тел. Дома, внутри своих юрт, эскимосы освобождаются от всех одежд и заменяют их более или менее широким поясом, надеваемым ниже талии. Женщины, сидевшие и лежавшие в юрте, нисколько не стыдились показаться чужеземцам в таком более, чем легком, костюме, напротив, самыми любезными улыбками приглашали их войти и присесть на сундуки, стоявшие у передней стены юрты. Это место обыкновенно отводится для гостей, хозяева же располагаются на широкой скамье, занимающей заднюю часть юрты. Эта скамья сделана из досок и покрыта тюленьими кожами. На ней семья проводит все время, пока находится дома: она служит кроватью, на ней женщины, сидя, поджавши ноги, занимаются рукоделием, на ней же семья и обедает.

В той юрте, куда зашли путешественники, помещалось четыре или пять семей. У каждой было на лавке свое определенное место, на котором ютились вместе мужчины, женщины и дети. Перед отделением каждой семьи горела ярким пламенем лампа. Эти лампы—длинные, плоские, полукруглые глиняные сосуды на высоких подставках. В них налит тюлений жир, а светильня сделана из мха. Они горят день и ночь (эскимосы не любят спать в темноте) и служат не только для освещения, но и для отопления. На них же эскимосы варят и пищу в глиняных котлах, привешенных к потолку; сырого мяса и сырой рыбы они не едят.

Когда путешественники уселись на сундуки, хозяева принялись занимать их: они частью знаками, частью словами на своем языке объясняли им употребление всех предметов, находившихся в юрте, затем стали показывать им разные вещи, которыми особенно дорожили; одна женщина вытащила из своего сундука горсточку голландского табака;

один из мужчин с гордостью показал нож с длинной костяной ручкой. После этого они стали объяснять, в каких отношениях находятся друг к другу; один из эскимосов обнял и поцеловал одну толстую женщину, и они оба с выражением нежности указали на двух маленьких детей: ясно было, что это одна семья. Среди эскимосов-язычников существует многоженство; но в этой юрте у каждого мужа было только по одной жене, и они, повидимому, жили дружно между собой, ласково улыбались друг другу и несколько раз целовались. Целуются эскимосы не губами, как мы, а трутся носами.

Все обитатели юрты и все чужие эскимосы, толпившиеся в ней, были очень разговорчивы; хотя они сразу убедились, что приезжие не понимают ни слова на их языке, но все-таки, не переставая, говорили им что-то или болтали между собою. Один из старших членов этого общества, очевидно, пользовавшийся всеобщим уважением, объяснил, что одна часть прикочевавших в это место эскимосов пришла с юга, другая с севера, и встретились они случайно; затем он спросил у путешественников, откуда они пришли. Нансен объяснил ему знаками, что они приехали с востока, пробрались между льдинами, пристали к берегу южнее этой местности и теперь подвигаются на север. Это сообщение было принято с недоверием, и в ответ на него послышалось общее мычание, как выражение величайшего удивления.

Через несколько минут старик встал, вышел из юрты и вернулся с пучком веревок из тюленьей кожи. Он сел, взял нож, отрезал кусок веревки и подал Нансену, потом отрезал другой, такой же длины, для Дитрихсена, потом дал по куску всем остальным. Оделив гостей, он с улыбкой посмотрел на всех, очевидно, вполне довольный и собою, и всем светом. Ту же самую церемонию проделал второй мужчина, за ним третий, четвертый, пятый. Бедные люди! они дарили путешественникам, что могли и что считали для себя полезным.

Эти веревки из тюленьей кожи очень крепки, и эскимосы связывают ими гарпуны, которыми убивают тюленей.

По-настоящему, путешественникам следовало бы отдарить чем-нибудь своих гостеприимных хозяев, но, к сожалению, у них были взяты с собой только самые необходимые вещи, и они не могли отдать ни одной из них. Эскимосы и не выпрашивали ничего.

Старик притаячил какое-то старое ружье и стал показывать, что у него нет зарядов; но Нансен дал ему понять, что сам не богат порохом, и он не повторял своей просьбы.

Просидев добрый час в юрте, путешественники вышли на свежий воздух и выбрали на берегу место, где можно было разбить свою палатку. Как только они начали выгружать вещи с лодок, тотчас же им на помощь явилась целая толпа туземцев. Они бросились к лодкам и стали перетаскивать на берег все ящики и мешки. Каждая вещь возбуждала их удивление; они кричали и хохотали от восторга. Особенно понравились им жестяные ящики, в которых уложены были разные консервы. Они передавали их друг другу, вертели и осматривали со всех сторон. Разгрузив лодки, эскимосы втащили их на берег и затем огромной толпой окружили европейцев, принявшихся разбивать палатку. Устройство палатки очень заинтересовало их, быстрота и легкость, с какой она была расставлена, вызвали их восхищение. После палатки они любовались одеждой европейцев, особенно лапландцев; шубы на оленьем меху возбудили сильное любопытство: они их ощупывали, гладили мех и недоумевали, от какого он зверя: это не тюлений, не медвежий, не лисий мех,—откуда же он?

— Наверно, от собак,—догадался один из них и показал на сопровождавших его псов.

Европейцы отрицательно покачали головой, а Балто, приставив руки к голове, силился, хотя безуспешно, объяснить, что это шкура рогатого зверя—олени.

Ужинать путешественникам пришлось публично. Любопытная толпа окружала их и провожала глазами каждый кусок, который они бляли в рот.

После ужина Нансен с товарищами пошли осмотреть поселение эскимосов. Их особенно интересовали эскимосские лодки: легкие, маленькие „кайяки“ и большие „умнаки“, с кожаными бортами. Туземцы с большой охотой показывали приезжим все свои вещи и особенно гордились своими гарпунами.

Между тем солнце село, и среди наступившей темноты вся картина поселка, окруженного снежными горами, приняла какой-то фантастический вид. Темные силуэты женщин с детьми на спине мелькали среди скал; сквозь полупрозрачный занавес юрт виднелся красный свет ламп, напоминая европейцам иллюминацию садов на родине. Когда путешественники стали располагаться на ночлег и разложили на полу палатки свои мешки, их снова окружила любопытная толпа. Мужчины и женщины с одинаковым интересом смотрели, как они раздеваются; а когда они залезли в свои мешки, так что виднелось всего шесть голов, раздался общий взрыв хохота. После этого туземцы отошли от палатки и уже всю ночь не беспокоили своих гостей, которые могли спокойно выспаться. На следующее утро любопытная толпа снова окружала палатку и с нетерпением ждала пробуждения иностранцев, чтобы видеть, как они будут вылезать из мешков, одеваться, завтракать.

Нансен попробовал снять фотографию с группы туземцев, стоявших около палатки; но, как только он наставил свой фотографический аппарат, они в страхе разбежались все, точно на них навели пушку. Ему с трудом удалось снять несколько карточек с отдельных эскимосов незаметно для них, занимая их разговорами или показывая им какие-нибудь вещи.

Эскимосски видели, что лапландцы для теплоты кладут в свои сапоги особого рода сухой мох, и вот они с самыми милыми улыбками принесли европейцам несколько пучков этого мха, а взамен знаками просили иголок. Нансен объяснил им, что у него нет иголок, и подарил им пустую же-

Эскимоска с восточного берега Гренландии.

стянку из-под консервов. Это положительно привело их в восторг, и они с громким смехом убежали хвастать своим приобретением.

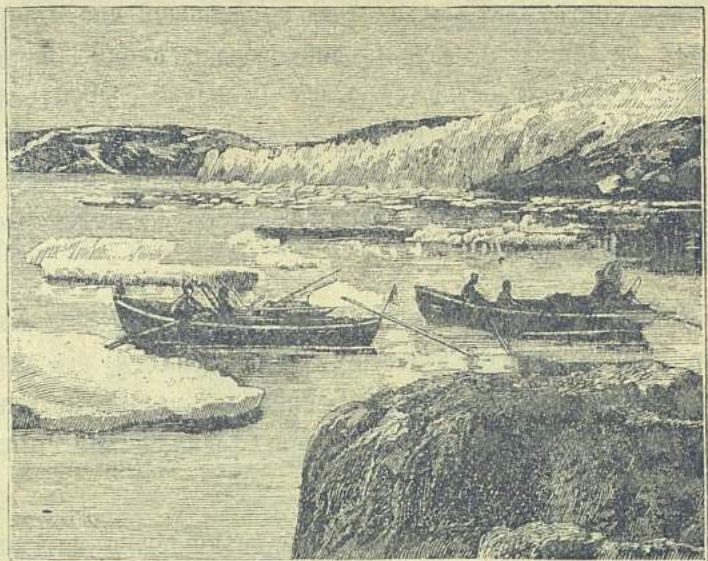
VIII.

После полудня европейцы решили пуститься в дальнейший путь. Один из эскимосов знаками спросил их, куда они отправляются, „на север или на юг“, и когда они ответили: „на север“, он выразил самую неподдельную радость. Оказалось, что он и его товарищи ехали туда же, между тем как остальные направлялись к югу.

Все эскимосы в тот же день снимались с места. В кочевье началась усиленная деятельность. Весь домашний скарб

укладывался в сундуки и мешки, юрты разбирались, и все переносилось в лодки. При этом мужчины и женщины, не переставая, болтали и смеялись, дети визжали, собаки лаяли и совались всем под ноги. Чтобы отблагодарить эскимосов за их любезный прием, Нансен раздарил им все пустые жестяные коробки, какие у него были, и они остались вполне довольны этим подарком.

Часа через три—четыре упаковка вещей окончилась; две большие, тяжело нагруженные лодки двинулись к югу, две другие к северу. Легкие кайяки остались позади и выстроились все в ряд, точно исполняя какой-то военный маневр. Оказалось, что сидевшие в них люди, так называемые „кайякеры“, прощались друг с другом пред разлукой, которая могла продолжиться несколько лет. Церемония прощанья состояла в том, что кайякеры достали свои рожки с табаком и передавали их с одной лодки на другую, угощая друг друга табаком. Эскимосы не курят и не жуют табак, но очень любят вухать его. При этой прощальной понюшке каждый несколько раз набивал свой нос и затем принимался

энергично чихать. После нескольких минут громкого чиханья часть каяйков повернула на север, остальные—на юг.

Эти путешествия на юг, в датские колонии около мыса Фарвэля, эскимосы восточного берега предпринимают довольно часто и иногда бывают несколько лет в пути. Они обыкновенно везут на юг шкуры медведей, лисиц и тюленей, а взамен получают табак, муку, горох, сухари, чай, разные железные инструменты и платье, но большей части поношенное или сделанное из весьма плохого материала. В датской колонии эскимосы остаются всего несколько дней: сделают необходимые закупки и назад, на лодки. Для жителей северной части побережья такие экскурсии занимают иногда три—четыре года, но всякий эскимос всегда с удовольствием предпринимает их.

Нансен и его товарищи очень скоро догнали большие лодки, направившиеся к северу. Они надеялись, что эскимосы хорошо знают фарватер, умеют справляться со льдинами и будут им полезны на пути. Скоро, однако, им пришлось разочароваться.

В открытом море эскимосские лодки бодро шли впереди, но, подъехав к большим льдинам, между которыми надобно было прогладывать путь, они остановились, и женщины, исполнявшие обязанности гребцов, стали знаками звать европейцев на помощь. Нечего делать, пришлось европейцам поработать и для себя и для своих добродушных, но слабосильных приятелей. С помощью багров и кольев они протиснулись между льдинами, а вслед за ними прошли и большие эскимосские лодки, за которыми следовали каяйки. После этого эскимосы уже не соглашались ехать впереди; зато всякий раз, когда европейцы прогладывали им и себе путь, они поощряли их дружным мычаньем и криками: „Питсезез, питсезез!“. Впоследствии европейцы узнали, что это слово значит: „Какие вы умные!“ или „Какие вы добрые!“

В открытой воде легонькие кайяки то догоняли большие суда, то перегоняли их. При этом кайякеры смешили европейцев своим чиханьем: они беспрестанно нюхали табак, страшно набивая себе носы, и чихали до того сильно, что можно было удивляться, как они при этом не теряют равновесия и не переворачивают свои узенькие лодочки.

К вечеру пошел мелкий дождь, небо покрылось тяжелыми тучами. Эскимосы стали энергичными жестами убеждать европейцев высадиться на берег и переждать непогоду; они показывали, что дальше на севере их ждут громадные льдины.

Нансен вышел на берег, вбежал на пригорок, с помощью подзорной трубы убедился, что путь на север не представляет никаких особенных трудностей, и распрощался со своими друзьями-эскимосами, которые никак не согласились ехать дальше: их, видимо, пугал дождь, особенно женщины, у которых были за спиной дети.

Европейцы поехали одни и под дождем и непогодой с большим трудом прокладывали себе путь среди льдин, которые часто надвигались на них и грозили раздавить их лодки. Ночью они едва отдохнули несколько часов в узеньком ущелье между двух скал, но на следующий день были вознаграждены за понесенные труды: после нескольких часов утомительного плавания среди льдов они пристали к маленькому островку, который показался им земным раем: он весь был покрыт зеленой травой, вереском, щавелем, яркими пестрыми цветами. Путешественники с наслаждением растянулись на давно невиданной мураве и, покидая этот садик, увезли по букетику цветов на память о нем.

Редко приходилось им отдыхать взглядом на таких мирных, веселых картинах природы. Перед глазами их все время возвышались или дикие голые скалы побережья, или громадные ледяные горы. Эти горы часто отличались необыкновенно красивыми формами и оттенками.

— Раз, под вечер, — рассказывает Нансен, — мы увидели вдали на горизонте удивительно белые вершины, точно остроконечные башни, возносившиеся к небу. Их очертания были так странны, что я долго не мог понять, что это такое, пока не разглядел, наконец, что это верхняя часть колоссальной ледяной горы необыкновенно фантастической формы. Я снял с нее фотографию; но никакая фотография не может дать понятия о том величественном зрелище, какое она представляет. С вершины ее поднимаются две пики, точно две стройные колокольни церкви; в отвесной стене ее проходит через всю массу льда широкий туннель, а у подножья ее море пробило широкие гроты. Внутри этих гротов изумительная игра цветов: все оттенки синего до самого темного ультрамарина. Это был какой-то плывущий волшебный дворец из сапфира; по сторонам его струились потоки, и падали каскады воды; в пещерах его эхо гулко вторило немолчному шуму волн. Своими фантастическими формами и оттенками

эти горы переносят нас в чудный, таинственный мир сказок, которыми мы пленялись в детстве.

Одна из таких гор чуть не погребла под своими развалинами смелых путешественников. Они только-что пристали к небольшому острову и в подозрные трубы осматривали местность, чтобы решить, куда лучше направить лодки, как вдруг в нескольких десятках сажень от них громадная ледяная глыба оторвалась от ледяной горы и упала в воду; от этого вся гора потеряла равновесие и рухнула с оглушительным шумом. В море произошло сильное волнение; льдины двигались, крутились и с треском насаживали друг на друга. Если бы, по счастливой случайности, путешественники не были в это время на острове, они неминуемо погибли бы.

Десять дней продолжалось их плавание к северу, с короткими остановками на берегу для отдыха. Только раз за все это время позволили они себе такую роскошь, как горячая пища. Они набрали вереска, сухой травы, разложили костер и на нем сварили себе суп.

— Наверно, никто из смертных никогда не ел более вкусного кушанья! — с восторгом вспоминает Нансен это более, чем скромное, угощение.

Два раза удалось им ночевать в хорошеньких местечках, поросших травой и зеленью, и оба раза при дневном свете они находили около своей палатки развалины эскимосских хижин, разбросанные кости, человеческие черепа. Очевидно, несчастные туземцы, жившие или во время кочевья остановившиеся на этих местах, погибли от голода или от какой-нибудь эпидемии.

Случилось им еще раз на пути встретить кочевье эскимосов. Подъезжая к одному небольшому острову, они вдруг слышали человеческие голоса и почувствовали запах тюленьего жира. На берегу виднелась юрта и толпа туземцев. Они повернули в их сторону; но, как только начали прича-

ливать, вся толпа в большом смятении обратилась в бегство. Захватив все свое имущество, одежду, посуду, шкуры зверей, они со всех ног бросились в горы и стали прятаться за уступами скал. Европейцам хотелось уверить туземцев в своих дружеских намерениях: они принялись кричать все те эскимосские слова, какие знали, и знаками приглашали их вернуться. Несколько женщин остановились: очевидно, у них любопытство пересиливало страх; но долго ни одна из них не решалась подойти ближе. Наконец, одна сделала несколько шагов навстречу чужеземцам, за ней в некотором расстоянии следовала другая, потом третья. Нансен и его спутники делали им самые дружелюбные жесты и показывали пустые жестянки. Против этого искушения женщины не могли устоять. Они робко и нерешительно, но все-таки подвигались понемногу к соблазнительным новинкам. В эту минуту на сцену явился мужчина-эскимос. Он оказался храбрее своих соотечественниц. Одетый в блузу из бумажной материи, в низкой шляпе с красным крестом, он, очевидно, был знаком с торговыми центрами южного берега и смело подходил к европейцам. Под его защитой женщины сделались смелее и подошли к самому берегу, у которого стояла лодка европейцев. Путешественники выскочили на землю; Свердруп забросил канат. Этот маневр опять испугал туземцев: но, когда они увидели, что иностранцы не предпринимают никаких враждебных действий, а в особенности, когда Нансен подарил им пустую жестянку, они совершенно успокоились: лица их засияли восторгом, они толпой окружили европейцев и каждое действие их встречали своим обычным мычаньем в знак почтения и удивления.

Оказалось, что среди скал раскинуто было довольно большое кочевье эскимосов, но Нансену не хотелось терять времени, оставаясь долго с ними, тем более, что они, повидимому, ничем особенным не отличались от своих соплеменников, которых он видел раньше.

Возвращаясь к лодкам, Нансен заметил около одной юрты висевший кусок сушеного мяса. Ему захотелось попробовать, вкусно ли оно, и он протянул руку к куску. Эскимосы поняли его желание и тотчас же поднесли ему кусок. В отплату за это он дал им большую штопальную иглу. Этот подарок так понравился им, что они притащили несколько кусков мяса, и Нансену пришлось раздать штук десять иголок. После этого они поднесли каждому из путешественников по большому куску тюленьего мяса; и путешественники к своим иглам прибавили еще несколько жестинок. Один только Равна отказался принять подарок эскимосов: он находил, что этим бедным людям, наверное, самим понадобится мясо, и что платить за него такую мелочью, как иголки, нечестно.

Эскимосы были, однако, другого мнения: европейцы уже отчалили, а они догоняли их в своих каяках, предлагая им еще и еще мяса и выпрашивая иголок.

Путь на север попрежнему представлял большие трудности; но норвежцы энергично боролись с ними: они чуть не ежедневно отмечали по карте, на каком градусе широты и долготы находятся, и знали, что при благоприятных обстоятельствах через несколько дней достигнут такого места берега, откуда можно будет пробраться на ледяное плато Гренландии. Лапландцы вовсе не разделяли этой уверенности. Они с тоской глядели на скалы и горы, окаймлявшие берег и преграждавшие всякий доступ внутрь страны; тяжелый труд и скудная пища приводили их в уныние.

— И куда это мы только едем?—ворчал Балто, когда из их глаз скрылись последние каяки провожавших их эскимосов.—Эти язычники совсем не такой гадкий народ, как говорят у нас в Финмаркене. Остались бы мы с ними, перезимовали бы тут, а там весной, может, и корабль какой-нибудь пришел бы за нами. А то это—чистая беда! Работаем, как скоты, голодаем, и конца этому мучению не видно!

Нансен пытался объяснить ему, что севернее берег станет более отлогим, что теперь они уже близко к цели, что было бы нелепо, перенеся столько трудов, отказаться от предприятия и с августа месяца останавливаться зимовать. Но Балто не слушал никаких убеждений: ему хотелось высказать все, что у него накопилось на душе.

— В три недели всего один раз пили кофе, — жаловался он, — ни разу не дадут поесть вволю, даже горячее варят через три—четыре дня! И надо же нам было связаться с такими странными людьми!

К счастью, оба лапландца были люди добродушные и выражали свое недовольство только угрюмым видом да безобидной воркотней: когда приходилось работать, они покорно исполняли свою долю труда, и хотя тяжело вздыхали при виде небольших порций пищи, отмеряемых Нансеном, но никогда не пытались воспользоваться чем-нибудь без его ведома.

То пробиваясь среди льдин, то рассекая волны открытого моря, лодки подвигались все дальше на север к тому пункту, с которого Нансен предполагал начать свою экспедицию. Иногда погода и вода благоприятствовали путешественникам, так что они могли распустить паруса и отдохнуть несколько часов, не переставая подвигаться вперед; иногда, напротив, они попадали в местность, со всех сторон окруженную ледяными горами, и должны были влезать на одну из этих гор, чтобы видеть, как выбраться из окружавшего их лабиринта. Вид с вершины этих гор, из которых многие возвышались на 200—300 фут. над поверхностью воды, открывался великолепный: во все стороны виднелись то ослепительные белые, то сиявшие всеми цветами радуги вершины, а глубоко внизу, между двумя отвесными стенами льда, катилась полоса темно-синего моря.

По ночам путешественники наслаждались чудным зрелищем северных сияний.

„Целые потоки света,—описывает Нансен,—переливались длинными волнами по небу. Лучи то вспыхивали, то гасли и безостановочно перебегали с места на место, точно толпа воинов, вооруженных огненными мечами, то отступавшая, то переходившая в нападение. Вдруг, как будто по данному сигналу, разражался залп орудий. Летела целая туча огненных стрел, и все они направлялись к одной точке около зенита. Затем все гасло, а через секунду возобновлялось с прежнею волшебною силою. У эскимосов существует хорошенькая легенда, объясняющая северные сияния: в ней говорится, что это души умерших детей играют в мячи на небе“.

IX.

Наконец, 8-го августа перед глазами путешественников ясно вырисовалась вершина горы Биатак. Недалеко от нее находился тот пункт восточного берега, с которого Нансен предполагал проникнуть внутрь страны и добраться до датской колонии Христиансхаб на западном берегу. Вид этой вершины придавал энергии даже лапландцам; цель, казалось, совсем близка, и они напрягали все силы, чтобы скорее достигнуть ее; но, как обыкновенно бывает в горных ландшафтах, зрение обмануло их, и им пришлось неутомимо работать веслами еще два дня, прежде чем достигнуть намеченного пункта.

Только вечером 10-го августа пристали они к берегу с тем, чтобы начать свое сухопутное путешествие. Лодки были разгружены, и почлег устроен с необыкновенною быстротою. Больше всех суетился и радовался Балто. Узнав, что морское путешествие вполне окончено, он вдруг совсем преобразился; то религиозное настроение, в котором он находился во все время путешествия в лодке, как-то внезапно покинуло его: он ни с того, ни сего стал передразнивать какого-то эфинмаркенского пастора, несколько раз помянул чорта и даже

возвратил Равне евангелие, которое до тех пор постоянно носил при себе.

— Вы, кажется, думаете, что все опасности уже миновали?—заметил ему Свердруп, с трудом удерживая улыбку.— А ведь до западного берега еще далеко,—не мало бед придется нам перенести!

Балто вдруг присмирел и набожно сложил руки.

В походной кухне зажжен был огонь, приготовлен горячий ужин и кофе. Сидя на голых камнях утеса, путешественники с наслаждением подкрепляли себя пищей, с наслаждением любовались окружавшей их картиной природы, хотя эта картина сама по себе имела мало привлекательного. Вокруг них возвышались серые утесы, за которыми виднелись огромные ледники, спускавшиеся к морю. В воде плавали обломки льдин. Все было подернуто пеленой тумана, сквозь который временами виднелась гора Киатак.

„Мрачный колорит пейзажа,—пишет Нансен,—не действовал на нас. Мы все время были в каком-то восторженном состоянии. Конечно, худшая часть пути была еще впереди, но все-таки у нас под ногами будет твердая земля, нам не придется отбиваться от льдин, ежеминутно грозивших раздавить наши лодки“.

На следующее утро, при ярком сиянии солнца, они ясно различали Киатак, у подножия которого океан катил свои синие волны, а на запад и на северо-запад от него необозримое снеговое поле так называемого „внутреннего льда“.

Начались приготовления к походу. Христиансен и лапландцы чистили сани и лыжи, сильно пострадавшие от сырости и соленой воды; Дитрихсен снимал план залива и окружающей местности; Нансен и Свердруп решили отправиться разыскивать среди прибрежных скал и ледников наиболее удобный путь ко внутреннему льду.

Запасшись достаточным количеством пищи, толстыми веревками, вооружившись топорами-ледоколами, отважные пут-

ники начали пробираться по склонам утесов, окаймлявших берег. Дойдя до конца их, они увидели перед собой громадный ледник, спускавшийся двумя рукавами к самому океану. Они пошли посредине между этими рукавами. Сначала лед был довольно крепок и ровен, но скоро ноги их стали вязнуть в глубоком мягком снегу, а вслед затем им начали попадаться трещины, бороздившие ледник в разных направлениях. Некоторые из этих трещин были так узки, что через них можно было перешагнуть или перескочить, другие, напротив, зияли, как широкие, бездонные пропасти. Их приходилось обходить и таким образом делать несколько верст крюка. Иногда поперек такой трещины лежала узкая полоса льда, и путники смело пользовались этими естественными мостиками. Чем дальше, тем затруднительнее становился путь:

трещины попадались все чаще и чаще; глубокий снег, в котором нога вязла по щиколку, часто лежал выступами над трещинами, так что неосторожный шаг на такой выступ мог стоить жизни. Чтобы сколько-нибудь обезопасить себя, Нансен и Свердруп связались веревкой и ощупывали дорогу палками. Широкие трещины они миновали благополучно, но в узкие несколько раз проваливался то тот, то другой. Путь их затруднялся еще тем, что им приходилось все время подниматься в гору. Перед ними на северо-запад расстился

ряд горных вершин, с которых они надеялись увидеть ясно „внутренний лед“, сплошную корою покрывающий поверхность внутренней части Гренландии. Они должны были до захода солнца достигнуть этих вершин, иначе им пришлось бы или почевать на леднике, или вернуться назад, не исполнив своей задачи. И вот они мужественно подвигались вперед, хотя ноги их, отвыкшие за время морского путешествия от ходьбы, страшно ныли, и они чувствовали сильнейшую усталость. Особенно плохо приходилось Свердрупу. Нансен шагал вперед на своих длинных ногах, а его малорослый товарищ должен был делать невероятные усилия, чтобы не отстать. К довершению неприятности, небо покрылось тучами, и пошел мелкий дождь. Чем дальше, тем подъем становился круче, а снег глубже, так что несчастные путники иногда увязали в него по колени. Несколько раз приходилось им останавливаться, чтобы перевести дух; но, наконец, все препятствия были побеждены, и они достигли вершины. Вид, открывшийся им, вполне вознаграждал их за понесенные труды. Перед ними во всем своем величии простиралось необозримое снежное поле. Насколько мог хватать глаз, оно было ровно, гладко и без трещин; спуск к нему тоже, повидимому, не представлял особенных затруднений.

— Только бы хорошенько подмерзло, чтобы не вязнуть в снегу, тогда мы отлично переправимся!—говорили они, и сами невольно рассмеялись. Желать мороза, находясь в Гренландии, да еще на высоте 3.000 ф. над поверхностью моря! Отдохнув и подкрепившись пищей, они двинулись в обратный путь. Так как цель их была найти проход на внутренний лед, то они решили, что им следует возвращаться другой дорогой, которая, быть может, окажется удобнее прежней. Солнце уже село, дождь продолжал моросить; но это не удержало их. Они двинулись по горному хребту на юг, надеясь, что южный рукав ледника скажется удобопроходимее северного.

Действительно, сначала все шло хорошо, и, несмотря на сгущавшуюся темноту, они довольно быстро подвигались вперед. Через попадавшиеся им трещины они перескакивали или проходили по естественным мостикам, иногда даже переползали на животе. Они надеялись через какой-нибудь час дойти до своей палатки, отдохнуть и, главное, освежить водой пересохшее от жажды горло. Не тут-то было! Трещины стали делаться шире; их приходилось обходить, что значительно удлиняло путь; вдоль одной из них бедным странникам пришлось идти больше часа, и, когда они достигли конца ее, наступила темная ночь. Страшная жажда мучила их. Они почти машинально подвигались вперед.

В нескольких шагах что-то чернело на снегу; они с досадой подумали, что это новая трещина, которая снова заставит их отклониться от прямого направления, но, радость! оказалось, что это ручеек холодной воды. Они быстро наполнили свои кружки и пили, пили с жадностью и наслаждением эту ледяную воду, пока зубы их не окоченели от холода. Тогда они снова наполнили кружки, отыскивали себе местечко под защитой скалы, закусили остатками взятой с собой провизии, опять напились воды и решили дождаться на этом месте рассвета, так как дождь все усиливался, и в темноте трудно было различать трещины.

С первым проблеском зари они снова пустились в путь и в пять часов утра дошли до своей палатки. Товарищи их крепко спали. Можно себе представить, с каким удовольствием усталые путники сняли с себя мокрое платье и залезли в свои теплые мешки!

Следующие дни путешественники посвятили отдыху, починке своей обуви и необходимым приготовлениям к предстоящему трудному пути.

Погода была сумрачная, сырая, и поэтому они не особенно спешили выступать; для них выгоднее было дожидаться морозов, чтобы не вязнуть в мягком снегу. Отчасти ради

развлечения, отчасти для пополнения своего провианта они стреляли морских птиц и все время питались ими. Кастрюлю заменяла им пустая жестянка.

К 15-му августа погода прояснилась, подмерзало, и решено было пуститься в путь. Лодки втащили дальше на берег, перевернули вверх дном, положили под них немножко провизии, весла, разные мелочи и между прочим эскимосский череп, найденный на одной из стоянок.

— Какие-нибудь кочевые эскимосы, может быть, найдут их,—смеялись норвежцы.—Интересно, что они подумают? Им и в голову не придет, что обыкновенные люди могли оставить такие сокровища!

Нансен в коротких словах изложил историю их путешествия до этого пункта, положил записку в пустую жестянку и тоже оставил ее под лодкой.

Так как днем солнце порядком грело, и снег таял под его лучами, то решено было идти лучше по ночам. Подъем был крутой, сани тяжелые, и путешественники очень медленно подвигались вперед. Среди ночи, когда наставала темнота, скрывавшая все трещины и неровности пути, приходилось останавливаться часа на два, на три. Трещины попадались все чаще и чаще. Связаться веревками друг с другом путешественники не могли, так как каждый из них тащил свои сани; но они привязали себя к саням, чтобы таким образом обезопаситься от провалов. Если им случалось оступаться, проходя по узеньким ледяным мостикам через бездонные пропасти, сани задерживали их и не давали им окончательно провалиться.

„Вообще,—спокойно замечает Нансен,—мы проваливались довольно редко, и то только до подмышек, так что, опираясь на свои посохи, выкарабкивались сами, не прибегая к чужой помощи“.

Особенно донимал путников дождь, мелкий, пронизывающий дождь, от которого не спасали их плащи, и который

проникал во все отверстия их одежды. Им пришлось даже целых три дня провести в палатке, так как не было никакой возможности двигаться при сильном ветре и под ливнем.

„Так как в эти дни мы ничего не делали и очень много спали,—рассказывает Нансен,—то мы уменьшили вдвое ежедневную порцию пищи. Наши лапландцы сильно роптали, но принуждены были покориться“.

Дождь оказал одну услугу путешественникам: он смыл вновь выпавший снег, и, когда после него подмерзло, сани стали легче скользить по льду. Трещины попадались все чаще и чаще; в некоторых местах они представляли целую сеть, через которую не было возможности проникнуть, и им не раз приходилось возвращаться назад и отыскивать новый путь.

Особенно мучил их недостаток в воде: они поднялись уже на высоту 3.000 ф. над поверхностью моря; ни ручейков, ни луж талой воды им уже давно не встречалось; единственное, чем они могли утолять жажду, был снег.

Останавливаясь на ночлег, они оттаивали его на своей спиртовой кухне, кипятили, заваривали чай и с наслаждением пили его. Но разводить огонь более, чем один раз в сутки, они не позволяли себе, так как их запас спирта был очень невелик. В остальное время они добывали себе воду для питья таким образом: набивали снегом жестянки и прятали их под одежду, иногда даже на голое тело, чтобы собственной теплотою растапливать снег. Иногда жажда до того мучила их, что они не могли дожидаться, пока снег окончательно растает, и с жадностью сосали каждую капелку воды.

Они поднимались все выше и выше. Подъемы были очень крутые; нередко им приходилось запрягаться по-двое, по-трое в одни сани и, втащив их на крутизну, возвращаться за другими. Они давали себе очень мало времени для отдыха и все-таки уходили в сутки на 4, на 5 миль, не

больше. Веревка саней резала им плечи, которые горели, как в огне; все тело ломило, ноги беспрестанно натывались на острые, крепкие льдинки.

— Надобно быть просто сумасшедшим, чтобы лезть на такие мученья!—вырвалось один раз у Христиансена, который вообще отличался большою выносливостью.

Х.

Отправляясь в экспедицию, путешественники взяли с собою только самое необходимое и в самом ограниченном количестве; между тем переноска багажа была так затруднительна, что они решили оставить часть вещей. Надобно было только хорошенько обдумать, без чего им можно будет обойтись в пути. Балто первый подал голос и предлагал бросить индейские лыжи, так как это совершенно ненужная вещь.

— Вы послушайте, что говорит Равна,—убеждал он:— он старый лапландец, он ведь уже прожил сорок пять лет в горах, и он говорит, что никогда не носил такой обуви. И я тоже говорю, а уж лучше нас, лапландцев, никто не знает снега.

— Очень много вы, лапландцы, о себе думаете,—смеясь, заметил Нансен,—Помните, как вы уверяли, что очки, это—ни к чему ненужная дрянь, а теперь увидели, как они полезны.

— Очки—другое дело,—спорил Балто,—а уж эти башмаки мы, конечно, никогда не наденем на ноги!

Нансен был другого мнения: индейские лыжи были бесполезны на гладком, скользском льду; но он считал их незаменимыми при мягком, рыхлом снеге. Решено было оставить лыжи и пожертвовать непромокаемыми чехлами от спальных мешков, так как путники дошли до такой высоты, на которой им нечего было бояться дождя. Бросить чехлы так, просто, было жаль,—решили употребить их вместо топлива. Расположившись в палатке на ночлег, путники разрезали одно из

покрывал на куски, положили эти куски на железную лопату и зажгли, а сверху приспособили жестянку со снегом, игравшую роль котелка. Непромокаемая ткань отлично загорелась красным пламенем и осветила стены палатки и 6 человеческих фигур, любовавшихся давно невиданным зрелищем весело горевшего костра. Увы, удовольствие их оказалось непродолжительным! Покрывало не только горело, но и сильно дымило, и через несколько минут вся палатка наполнилась смрадным дымом, который ел глаза и щипал горло. Путники поспешили залезть в свои мешки и закрыться с головой.

На следующее утро они сожгли второе покрывало, но на этот раз поступили благоразумнее и развели огонь на открытом месте; благодаря этому, они не только сварили себе овсяный суп, но и растопили много снега, так что могли целый день не мучиться жаждой.

„Странный вид представляли мы в этот день при солнечном свете,—пишет Нансен.—Наша кожа, довольно чисто обмытая ветром и дождем, совершенно преобразилась. На некоторых местах слой сажи был так толст, что его можно было соскребать ножичком. Все морщинки и углубления наполнились сажой, которая густыми слоями залегла на всех выдающихся частях лица: на носу, на бровях, на подбородке; волосы наши стали совершенно черными; чистыми оставались только белки глаз и зубы, которые как-то злоеюще блестели среди общей черноты. Это нас не особенно смущало, так как сажа сама по себе не противна. Люди обыкновенно моются, чтобы не казаться другим грязными; а мы не ожидали никого встретить в течение многих дней. Поэтому мы предоставили времени восстановить чистоту наших лиц, и, действительно, мало-по-малу сажа сошла с них“... „Опрятные читатели,—продолжает Нансен,—может быть, назовут нас свиньями, если я скажу, что с тех пор, как мы сошли с „Язона“, мы вообще ни разу не мылись. В оправдание

наше приведу, во-первых, что когда мы находились внутри страны, у нас было очень мало воды, а всякий человек, страдающий от жажды, конечно, скорей выпьет свою небольшую порцию, чем употребит ее на умыванье; во-вторых, не очень приятно мыться, когда пальцы коченеют от холода, и мокрое лицо быстро обмерзает; в третьих, днем солнце немилосердно жгло нам кожу; его лучи палили не только сверху, но и снизу, отражаясь от гладкой ледяной поверхности; кожа лупилась, трескалась; делались даже нарывы, а при этом всякая сырость очень вредна“.

Вследствие недостатка в воде и приготовление пищи путешественников не отличалось чистотой. Они совсем не мыли своей посуды и обыкновенно готовили в одной и той же жестянке и гороховый суп, и овсянку, и шоколад. Пищу они разливали по чашкам и делили на равные порции, а, окончив еду, обыкновенно предоставляли Балто чистить жестянку в виде награды за то, что он помогал стряпать. Балто очень усердно исполнял это дело с помощью пальцев и языка. Но так как жестянка была длинная и узкая, то ни пальцы, ни язык не хватали до дна ее, и на этом дне лежали в полной неприкосновенности остатки мясного бульона, перемешанные с остатками горохового супа, с кусочками шоколада и с листьями спитого чая. В том месте и в том положении, в каком находились путешественники, прихотничать не приходилось: они ели только для того, чтобы утолить голод, который часто давал себя чувствовать. Припасов у них было взято столько, что при большой расчетливости их должно было хватить до конца пути, если не встретится на дороге новых задержек; но вполне досыта они никогда не могли наесться. Главное, в чем они чувствовали недостаток, были жирные, маслянистые вещества; все их консервы были сухие, лишенные жирных частиц. Масло, взятое ими с собой, они делили так, что каждому доставалось по полфунту в неделю, и каждый мог съесть свою порцию, как и когда

хотел. Обыкновенно они ели маленькими кусочками после обеда, и это составляло для них величайшее лакомство. Но не все они могли аккуратно распределять свою долю на целую неделю. Христиансен, например, по большей части съедал все свое масло в первый же день и мучился остальные шесть дней недели.

„Тяжелую жизнь приходилось нам вести, — пишет Нансен, — но чудная красота ночного неба вознаграждала нас за все. Когда северное сияние освещало горизонт своим волшебным блеском, мы забывали большую часть понесенных трудов и лишений. Когда всходила луна и медленно двигалась среди звездного неба, а лучи ее блестели на каждом ледяном холмике и заливали всю мертвую, мерзлую пустыню потоком серебристого света, мы переносились в какое-то дивное царство мира и красоты. Я убежден, что ночи, проведенные нами на льду, оставили сильное, неизгладимое впечатление в душах всех нас“.

Скоро, однако, им пришлось отказаться от путешествия по ночам. Они достигли такой высоты, на которой холод становился мучительным. Днем солнце сильно грело, так что верхний слой снега слегка подтаивал; но, как только оно садилось, наступал мороз, который ночью доходил до 40 и более градусов.

— Часто, когда мы раздевались, ложась спать, — рассказывает Нансен, — толстые носки и чулки, которые были у нас надеты, представляли одну крепкую, смерзшуюся массу.

Чтобы немного облегчить тасканье тяжелых саней, Нансен вздумал приделать к ним паруса и пользоваться помощью попутного ветра. Когда он рассказал свой проект товарищам, Равна с самым удрученным видом покачал головой, а Балто шумно высказал свое неодобрение.

— Никогда в жизни не видал я таких сумасшедших людей! — горячился он. — Ездить на парусах по снегу! Надо же выдумать такую нелепость! Вы говорите, что лучше нас

правите лодкой; ну, пожалуй, и еще в чем-нибудь вы знаете побольше нашего, но уж снег-то мы хорошо знаем, и знаем, что вы затеяли прямо глупость!

Разглагольствований Балто никто не слушал. Связали вместе двое саней, потом остальные трое, вместо парусов употребили куски парусины, и дело пошло на лад: управлять сани было гораздо легче, чем тащить их, и путникам удалось пройти вдвое больше, чем обыкновенно. И все-таки они слишком медленно подвигались вперед. Нансен предпочитал сначала спуститься на западном берегу около Христиансхаба, т.-е. пройти Гренландию не поперек, а наискось. Теперь он все больше и больше убеждался, что в виду позднего времени года следует отказаться от этого плана и держать путь не на северо-запад, а прямо на запад, к селению Готхаб. Когда он сообщил свои соображения товарищам, они с большим удовольствием приняли это изменение плана, так как оно сокращало путь на несколько десятков миль.

После двух—трех дней снежной метели поверхность покрылась толстым слоем рыхлого снега, так что Нансен, Свердруп и Дитрихсен решили попробовать индейские лыжи. Первые опыты оказались неудачными, и они несколько раз падали, к великому удовольствию Балто, который продолжал уверять, что никакой разумный человек не наденет на ноги такую нелепость; но мало-по-малу ловкие норвежцы применились к новой обуви, и часа через два они так легко шагали по глубокому снегу, что лапландцы стали с любопытством присматриваться к их лыжам, и Балто несколько раз спрашивал:

— А что, разве в самом деле удобно идти в них?

Дня через два снег стал тверже, и тогда все путники один за другим надели свои норвежские лыжи.

„Без их помощи нам ни за что бы не дойти до конца пути, — пишет Нансен: — мы наверно умерли бы дорогой от истощения. Тащить сани на лыжах было гораздо менее уто-

нительно, чем без лыж, потому что с ними мы не поднимали ноги, а скользили. Целых 19 дней с раннего утра до позднего вечера мы были на лыжах и прошли пространство не менее 240 миль“.

31-го августа они в последний раз увидели кусочек земли, не покрытый льдом. Войдя на высокий холм, они заметили утес, голая вершина которого выставлялась из-под снега. Мало-по-малу и он исчез. На необозримой снежной равнине ослепительно белого цвета они сами являлись единственными темными пятнами. День за днем подвигались они все дальше по ледяной пустыне; слегка волнистая почва продолжала постепенно подниматься; каждый день начинался и кончался совершенно так же, как предыдущий, без всякого разнообразия.

„Кто не испытал такого однообразия, тот с трудом поймет, насколько оно утомительно,—пишет Нансен.—Днем мы видели только солнце, снежную равнину и самих себя. Мы представляли маленькую темную черточку, слабо нарисованную на бесконечном белом пространстве. Ничто не изменялось на нашем горизонте, глазу не на чем было остано-

виться; не было никакой точки, по которой мы могли бы направлять свой путь. Нам приходилось беспрестанно прибегать к указаниям компаса, наблюдать движение солнца и поглядывать назад на длинный след, который караван наш оставлял на снегу. Мы до некоторой степени знали, где находимся, и знали, что нам еще долго придется переносить это однообразие“.

Почти все время, пока они шли по внутреннему плато, небо стояло безоблачное, и солнце ярко светило. В полдень оно сильно грело и, играя всеми цветами радуги на бесконечной снежной равнине, ослепляло глаза путников. Им приходилось идти не иначе, как в очках, а лица закрывать вуалями; без этого кожа лупилась, являлись опухоли и нарывы. Зато вечера были хороши. Заходящее солнце окрашивало пурпуром и золотом легкие облачка; а, когда яркий свет его лучей потухал, рядом с ним появлялись ложные солнца, соединенные дугами радужных цветов. Почти каждый вечер повторялось это явление, и путники не уставали любоваться им.

Дорога продолжала идти все в гору, хотя крутых подъемов уже не было. С этим вместе возрастал и холод, особенно по ночам. Бороды и волосы путников нередко покрывались ледяными сосульками; усы их замерзали до того, что они не могли раздвинуть губы. Термометр, положенный ночью под подушку, показывал утром около 40° мороза, и это в палатке, где спало 6 человек, и где вечером варилось кушанье на спиртовой лампе! Как низко опускалась температура на открытом воздухе, они не могли знать, так как их термометр не показывал более 40°. Делать при таком холоде метеорологические и другие наблюдения было крайне трудно: инструменты нельзя было держать в перчатках или рукавицах; приходилось действовать голыми руками и рисковать отморозить пальцы. Несмотря на это, все научные наблю-

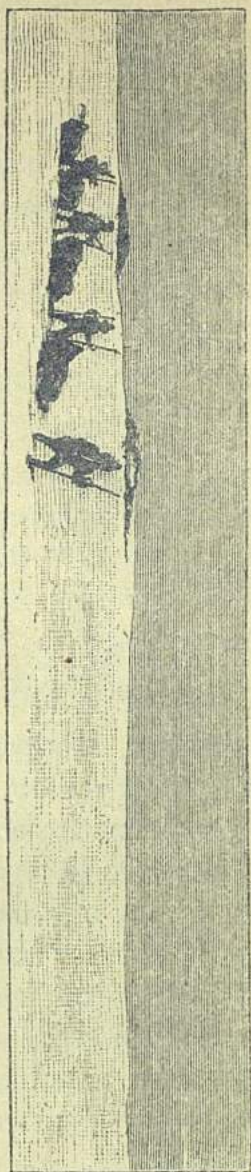

дения производились безостановочно во все время пути и аккуратно записывались в дневник.

Холод становился особенно чувствительным, когда к нему присоединялся ветер. Вот что пишет Нансен от 4 сентября:

„К вечеру небо прояснилось, мороз крепчал, прямо в лицо нам дул сильный ветер. Итти против ветра было страшно тяжело; мы постоянно рисковали отморозить себе что-нибудь. Сначала нос у меня затвердел; но, к счастью, я во-время заметил это, и мне удалось оттереть его снегом. Я успокоился, как почувствовал резкий холод под подбородком, горло мое оцепенело и онемело. Я растер его, обвязал шею рукавицами да какими-то тряпками, и мне стало лучше. Но последнее нападение мороза было самое худшее: ветер пробрался через платье к моему желудку и причинил мне невыносимые боли. Чтобы избавиться от них, я привязал к животу теплую войлочную шапку. Свердруп мучился так же, как я; что испытывали остальные, мы не могли видеть, так как они шли сзади нас: но, несомненно, их положение было нелучше нашего“.

На следующий день ветер стих, но 6 сентября разразилась настоящая буря. Шел такой сильный снег, что на двадцать шагов ничего нельзя было разглядеть, и Нансен с Свердрупом, обыкновенно шедшие впереди партии, должны были

несколько раз останавливаться и поджидать остальных. С большим трудом удалось им укрепить палатку; развести огонь и варить кушанье оказалось совершенно невозможно, так как снег проникал во все щели и отверстия палатки. Путешественникам пришлось довольствоваться сухою пищею, которую они съели, уже лежа в своих мешках и укрывшись с головой. Всю ночь бушевала буря. Одна из веревок, поддерживавших палатку, лопнула, и ветер грозил унести всю палатку. Нансен уже начал соображать, как им быть в случае такого несчастья.

— Ну, что ж, — решил он с своим обычным хладнокровием, — будем лежать в мешках, — пусть нас засыпает снегом.

К утру метель стихла, и Нансену, исполнявшему должность повара, удалось зажечь спиртовую лампу, сварить похлебку и заварить чай. Все с удовольствием позавтракали, не вылезая из мешков. После этого Балто выполз из палатки, вход в которую был завален снегом; но через минуту вернулся, задыхаясь, весь покрытый снегом.

— Нельзя идти! — с трудом проговорил он.

Нансен высунул голову за дверь и убедился, что он прав: снег мело и крутило так, что в нескольких шагах расстояния ничего нельзя было разглядеть. Пришлось оставаться в палатке и постараться устроиться как можно лучше. С помощью лыж и мешков укрепили стены палатки, с большим трудом откопали из-под снега сани и достали провизию, напились горячего кофе, который употреблялся ими изредка, в виде лакомства, и залезли в мешки, так как сидеть в палатке было слишком холодно. Метель продолжалась, снег проникал внутрь палатки и наваливался на ее стены извне.

— Что же, это недурно! — рассуждал Нансен: — через снег ни мороз, ни ветер не проберутся к нам!

— Но, пожалуй, мы и сами не выберемся из-под него! — заметил Дитрихсен.

— Э, полноте! разве может быть, чтобы шесть таких молодцов, как мы, не справились со снегом!—отвечал Нансен.

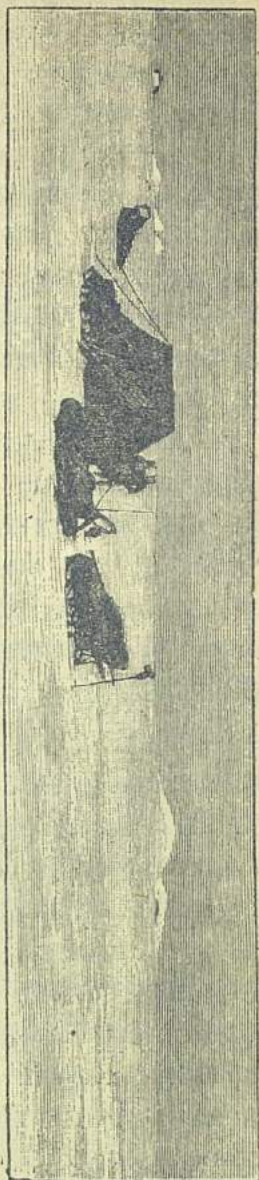
И норвежцы принялись весело разговаривать, уверяя и друг друга и самих себя, что им превосходно лежать в мешках, прислушиваясь к вою бури. Лапландцы не разделяли их бодрости. Особенно Равна совсем упал духом.

— Я старый лапландец, я 45 лет жил среди снегов, я знаю, что значит метель в сентябре месяце в горах,—жалобным голосом причитал он,—никому из нас не придется увидеть конца бури!

Однако, грустные предсказания бедного лапландца не оправдались, и на следующий день путешественники могли двинуться дальше, хотя им пришлось очень долго освобождаться из-под снега: палатку замело до того, что виднелся только кончик ее, а сани трудно было отыскать в снегу.

После этого короткого и мало приятного перерыва снова потянулись прежние однообразные дни. Путники достигли высоты 7200 фут, и пред ними по-прежнему расстилалась гладкая, слегка волнистая поверхность бесконечного, безмолвного снежного поля.

Каждое утро, просыпаясь, они чувствовали, что голова их окружена льдом и инеем: это пар от их дыхания осел на оленьем меху мешка и замерз; все

стены палатки были покрыты длинными ледяными сосульками. Начиналось зажигание спиртовой кухни; это была неприятная операция, так как дотрогиваться до металла голыми руками при такой температуре было мучительно, а между тем следовало все делать очень аккуратно; нельзя было зажигать слишком сильного огня: это была лишняя трата спирта, — ни слишком слабого, так как кушанье не могло бы свариться. Должность повара исполнял обыкновенно Нансен. Когда завтрак был готов, он будил остальных; они пили чай или шоколад, не вылезая из мешков, и затем поспешно готовились к выступлению: чистили полозья саней и лыж, упаковывали багаж и одевались как можно теплее. Когда все было готово, привязывали лыжи, впрягали себя в сани и двигались в путь. Нансен и Свердруп шли обыкновенно впереди, указывая дорогу. В течение дня останавливались раза три, при чем только один раз позволяли себе разводить огонь и утолять жажду чаем, в остальное же время довольствовались сухой пищей. В день проходили от 6 до 15 миль, смотря по состоянию снега, и часов в 8—9 вечера разбивали палатку.

„Эти вечера в палатке, — говорит Нансен, — когда мы, тщательно отряхнув снег, сидели все кружком на своих мешках с платьем, были, несомненно, самыми светлыми моментами нашего существования в то время. И тяжелая дневная работа, и усталость, и смертельная стужа — все забывалось в те минуты, когда мы, сидя вокруг своей печки, смотрели на слабые лучи света, бросаемые лампой, и нетерпеливо ждали ужина. Право, немногие часы своей жизни я вспоминаю с таким удовольствием! А когда суп, похлебка или вообще наше кушанье было готово, когда каждый получал свою порцию, и мы зажигали огарок свечи, чтобы видеть, что едим, тогда мы окончательно приходили в веселое настроение, и я уверен, все мои товарищи думали так же, как и я, что на свете стоит жить“.

XI.

Подходила половина сентября, и путешественники надеялись скоро достигнуть западного берега. Подъем вверх прекратился, начинался спуск, правда, очень отлогий, волнообразный, мало заметный простым глазом. По вычислениям, которые очень аккуратно делал Дитрихсен, им оставалось до берега не более 120 миль, хотя они все еще находились на высоте более 8000 ф. над поверхностью моря.

— Завтра, наверно, увидим землю, — утешали они сами себя, ложась спать; но и завтра и после-завтра пред ними тянулась все та же необозримая снежная равнина без малейших признаков какой-либо перемены.

Лицо Равны начало вытягиваться.

— Я старый лапландец, — заявил он наконец, — старый, глупый человек, но я уверен, что мы никогда не доберемся до берега!

— Это правда, Равна, — совершенно серьезно отвечал Нансен: — вы старый, глупый человек.

— Что? это правда, что я глупый, старый? — переспросил Равна и разразился громким смехом; повидимому, он принял подтверждение своих слов за комплимент...

В другой раз Балто спросил нетерпеливо:

— Почему вы можете знать, сколько нам осталось, и сколько всего миль от одного берега до другого, когда никто никогда здесь не ходил?

Ему трудно было объяснить, каким путем производятся вычисления; но когда ему показали карту страны, он как будто начал несколько понимать, в чем дело.

17 сентября вечером термометр не спустился до нуля, — признак, что путешественники уже далеко оставили за собой вершины плато. В этот день они были обрадованы появлением птички, этого первого вестника близости земли, не покрытой снегом. Почва заметно понижалась, ветер был по-

путный, и они решили ускорить путь, опять привязав к саням паруса. Нансен, Свердруп и Христиансен соединили вместе свою пару саней, другая пара предоставлена была остальным, пятые сани им давно пришлось бросить на дороге, так как они оказались слишком тяжелыми. Пока сани связывали и прикрепляли к ним парус, они увязли в снегу и, несмотря на довольно сильный ветер, натягивавший парус, не могли сдвинуться с места. Тогда путешественники впряглись в них и потащили их. Сани сдвинулись, ветром их погнало вперед, еще минута—все три возницы были опрокинуты и лежали на снегу. Они без труда поднялись и повторили ту же попытку во второй раз,—результат оказался тот же. Тогда они решили устроиться таким образом: Свердруп на своих лыжах должен был бежать перед санями, держась за шест, прикрепленный к саням на подобие оглобли, а Нансен и Христиансен бежали тоже на лыжах, держась за сани сзади.

Христиансен бросил сани, находя, что безопаснее не прицепляться к ним, и Нансен один держался за них.

„Наше судно, — пишет Нансен, — бежало по снежным волнам и рывинам так быстро, что дух захватывало. Сани скрипели и, казалось, готовы были развалиться на буски, перелетая с одного ухаба на другой. Мне было очень трудно держаться за них и бежать на лыжах. Почва стала вдруг круто понижаться. Сани летели все быстрее и быстрее: казалось, они едва касаются земли. Прямо предо мной торчал конец лыжи, которая была привязана к саням, чтобы соединить их вместе. Я никак не мог отодвинуть от себя этот конец, а между тем он постоянно задевал за мои лыжи. Долго боролся я с этим злополучным концом, между тем как Свердруп весело бежал впереди, воображая, что мы спокойно пристроились на задке саней. Наше судно летело необыкновенно быстро; клубы снега поднимались вокруг нас и окружали нас точно облаком, скрывая от нас товарищей.

Вдруг топор, лежавший наверху нашего багажа, отвязался и грозил свалиться. Я подвинулся вперед и старался уложить его; но в эту минуту торчавший конец лыжи попал мне под ноги, и я упал, беспомощно глядя на наше парусное судно, летевшее вниз по наклонной плоскости и скрывавшееся за снежными клубами. Весьма неприятно было наблюдать, как быстро уменьшалось оно. Я чувствовал, что нахожусь в очень глупом положении, лежа таким образом на снегу; впрочем, я скоро оправился и бодро пустился вперед по следам саней, которые уже скрылись из виду“.

Скоро ему стали попадаться разные вещи, которые вывалились из саней, и этих вещей набралось так много, что он не мог удержать их в руках. Ему пришлось сесть на снег и терпеливо ждать, когда подойдут остальные товарищи. Со вторых саней вывалилось также не мало вещей; надо было возвращаться разыскивать их, и прошло добрых два часа, пока вся компания снова соединилась. Свердруп рассказывал, что ему было очень легко и приятно бежать впереди саней. Парус мешал ему видеть, что делается сзади; он был уверен, что его товарищи спокойно сидят в санях, и удивлялся только, что не слышит их голосов. Он стал окликать их, заговаривать с ними, но не получал ответа. Это молчание встревожило его; наконец, он повернул сани против ветра и обошел кругом, чтобы посмотреть, что сделалось с его спутниками. Оба они исчезли бесследно: вдали, среди снежной равнины виднелась только какая-то небольшая черная точка—и ничего больше. Свердруп спустил парус, что было делом нелегким при сильном ветре, и уселся ждать. Долго пришлось ему просидеть таким образом, сильно волнуясь за судьбу товарищей пока они, наконец, подошли к нему.

После этого сани хорошенько связали, скрепили багаж, закусили и снова отправились в путь. Хотя Свердруп находил роль возницы очень приятною, но она представляла не-

малую опасность. Стоило человеку не удержаться на ногах и упасть, — тяжело нагруженные сани наехали бы на него и раздавили бы его. Решено было, что этой опасности будут подвергаться все поочередно; остальные держались за веревки, привязанные к задкам саней, и таким образом быстро неслись вперед. Почва продолжала спускаться длинными террасами; сильный ветер подгонял сани. Под вечер вдруг раздался голос Балто:

Спуск с горы.

— Земля! Земля!

И действительно, сквозь снежную пыль слабо вырисовались к западу очертания темной гряды гор. Можно себе представить, как обрадовались наши путники! Та цель, к которой они стремились, была, наконец, у них в виду.

Они повернули несколько на север и направились в ту сторону, где виднелась земля. Впрочем, снег скоро скрыл ее от их глаз. Ветер подгонял сани вперед, и они быстро двигались, ничего не различая, кроме снега и снега со всех сторон. Солнце село, вечер был довольно теплый. Нансен управлял первыми санями. Они неслись с пригорка на пригорок, как вдруг Нансен заметил что-то черное в нескольких

шагах от себя. Он принял это сначала за простую яму в снегу; но, пробежав еще несколько шагов, быстро повернул в сторону и поставил сани против ветра; то, что он принимал за яму, оказалось широкою пропастью, куда свободно могли провалиться и сани, и все люди.

После этой первой трещины стали часто попадаться и другие. Свердруп снова запрягся в сани, а Нансен с шестом в руках шел на своих лыжах впереди, осматривая и ощупывая дорогу. Поздно ночью, изнеможенные усталостью до того, что не могли развести огонь и приготовить себе пищу, остановились путники на ночлег. Взошла луна, и при ее свете они снова увидели ту же цепь гор, теперь уже гордо поднимавшую к небу свои вершины.

На следующее утро, когда они выглянули из палатки, глазам их открылась вся местность к югу от бухты Готхаба; это была гористая страна, изрезанная глубокими долинами и темными ущельями.

„Мы сидели, смотрели на нее и радовались, точно дети, — пишет Нансен. — Мы всматривались в причудливые очертания долин и напрасно искали глазами моря. Пред нами расстился красивый ландшафт, дивный и величественный, вроде западного берега Норвегии. На вершинах сверкал свежесвыпавший снег, между горами чернели ущелья. За этими горами скрывались фьорды, которые мы пока видели только воображением. Дойти до Готхаба по этой стране казалось нам пустяком“.

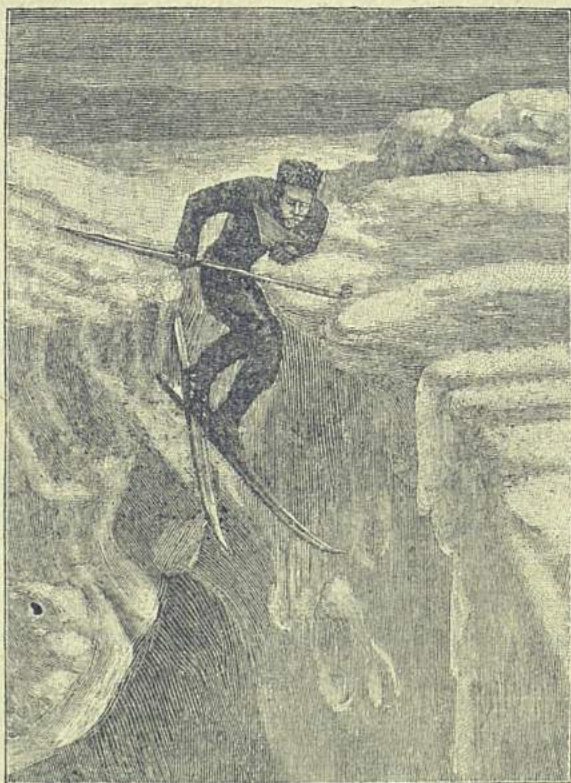
А между тем следующие дни пути были несколько не легче предыдущих. Беспредостанно попадались трещины; ветер сметал снег с некоторых скатов, так что они были страшно скользки, и намет целые сугробы в других местах. Вечером, на другой день после того, как им открылась земля, они вдруг попали на маленькое озерко воды. После целого месяца жажды, которую они могли утолять лишь несколькими

глотками талого снега, найти настоящую воду и пить ее, сколько угодно,—это было истинное наслаждение.

„Мы припали к озерку, — говорит Нансен, — и пили до того, что чувствовали, как желудки наши раздулись“.

Они направили свой путь прямо к бухте Амералигу. Почва была неровная, трещины попадались на каждом шагу и иногда представляли такую сплошную сеть, через которую невозможно было пробраться. Приходилось возвращаться назад и искать обхода.

Нансен в трещине ледника.

Обыкновенно Нансен и Свердруп бежали на своих лыжах вперед разведывать дорогу, а остальные подвигались за ними, то привязывая к саням паруса, то таща их на себе.

В один из этих дней, когда цель казалась близкою, почти достигнутою, Нансен едва не погиб; он не заметил трещины, которая сверху была прикрыта рыхлым снегом. Ноги его с привязанными к ним лыжами провалились, и он повис над бездною, удерживаясь локтями и хватаясь за шест, который успел положить поперек провала. Свердруп убежал вперед, остальные товарищи были далеко позади, — никто не мог подать ему помощи. С невероятными усилиями удалось ему подняться на локтях и достать ногой до выступа, на котором могла устояться лыжа.

ХІІ.

24 сентября путники достигли, наконец, твердой земли. Утром Нансен, отправившись впереди отряда, первый вбежал на откос, с которого открывался вид на красивое горное озеро, покрытое слоем льда, и на ущелье, по которому бежала речка, вытекавшая из озера. Вся партия собралась и с восторгом приветствовала видневшуюся землю. Спуск с откоса был очень крут; но все были так радостно настроены, что не замечали трудностей и весело бежали вперед со своими саними. Вскоре они очутились на замерзшем озере, и „внутренний лед“ остался позади них. Перебежав озеро, лед которого трещал под тяжестью саней, они очутились в долине, на берегу речки.

„Словами нельзя описать тех чувств, которые волновали нас, — говорит Нансен, — когда мы снова ощутили под ногами землю и камни, того блаженства, с каким мы ступали по мягкому ковру вереска и вдыхали чудный запах трав и мху. „Внутренний лед“ лежал позади нас; холодное, серое ледяное поле спускалось к озеру; перед нами расстилалась плодородная земля. Насколько хватал глаз, мы видели холмы и пригорки, покрытые зеленью. По этой земле лежал наш путь до самого фиорда“.

Мрачное лицо Равны сияло радостью. Он, бедняга, давно уже отказался от всякой надежды ощущать под ногами твердую почву.

Пообедав и доставив себе удовольствие полежать на мягком вереске, путешественники уложили часть багажа в сани, тщательно укрыли его брезентом и поставили в укромном местечке под скалой. Остальные наиболее необходимые вещи они разделили на шесть равных частей, навьючили себе на спины и отправились вниз по долине. Хотя вьюки были тяжелые, а дорога каменистая, неровная, но они бодро шагали вперед.

— Как здесь чудно пахнет!—несколько раз с восторгом замечал Равна:—точно у нас в Финмаркене на хороших оленьих пастбищах!

В этот вечер, остановившись на ночлег, путешественники развели у входа в палатку большой костер из сухого вереска и наслаждались ярким блеском огня, при свете которого весело поужинали.

После ужина те из них, которые курили, набили свои трубочки, за неимением табаку, травой, и закурили их; все растянулись на земле вокруг костра. Сознание, что цель достигнута, что „внутренний лед“ пройден, наполняло сердца их гордою радостью. Пламя костра поднималось к небу, на котором играло северное сияние; полный месяц медленно выплывал из-за горы. Воздух был теплый, точно летнею ночью. Свердруп уверял, что никогда в жизни не видал такого чудного вечера, никогда не чувствовал себя таким счастливым. И все испытывали то же. Даже мрачный Равна разговорился.

— Мне нравится западный берег,—толковал он. Старому лапландцу хотелось бы пожить здесь: тут должно быть много оленей,—это место совсем как наши финмаркенские горы.

Действительно, подвигаясь дальше на запад, путники встречали несомненные следы оленей. Вскоре им стали попа-

даться разные птицы, а в кустах пробежали зайцы. Они занялись охотой и с наслаждением ели свежее мясо взамен тех сухих консервов, которыми принуждены были так долго питаться. Чем дальше на запад они подвигались, тем растительность становилась богаче и разнообразнее. Берега рек, вдоль которых они шли, были покрыты кустами ольхи и ивы вышиной в человеческий рост. Ольха сохраняла еще зеленую листву, а листья ивы пожелтели и сморщились, вероятно, вследствие ранних ночных морозов. Озера, встречавшиеся им на пути, были покрыты более или менее крепкой ледяной корой; но погода стояла днем теплая, даже жаркая, а ночью свежая, как у нас в сентябре. Наконец, после трехдневного пути, с тяжелыми выюками на спине, путники с вершины одного пригорка увидели синие воды бухты, неширокого залива, глубоко врезававшегося в землю. В этот залив впадала неглубокая речка с большими песчаными отмелями около устья. Следуя по ее течению, они подошли близко к бухте и нашли очень удобное местечко для стоянки. С востока большая скала защищала их от холодного ветра, дувшего с ледника; лужайка густо поросла вереском и мхом, и в нескольких шагах находилось небольшое озеро.

С наслаждением сбросили они с себя тяжелую ношу и, растянувшись на мягкой земле, стали обсуждать, как продолжать путь. Готхаб должен был лежать милях в 50 от того места, где они находились, на северной стороне бухты, но добраться туда сухим путем было невозможно, так как береговая полоса, насколько они могли осмотреть ее с горы, вся состояла из крутых скал и нагроможденных камней. Надобно было построить лодку и попробовать водяной путь.

О сооружении большой лодки, которая сдержала бы всех их да еще и багаж, нечего было думать: решили разделить на две партии. Нансен и Свердруп должны были отправиться в маленькой лодочке, и приехав в Гот-

хаб, устроить переправку остальных; а эти остальные брались перенести к месту стоянки багаж, оставленный ими на пути, и ждать на этом месте вестей из Готхаба.

Свердруп с помощью Балто немедленно принялся мастерить лодку. Он сделал остов ее из ветвей ивы, а под ними натянул парусину, прежде заменявшую пол в их палатке. Весла он устроил из бамбуковых палок, к которым крепко-на-крепко привязал вилообразные сучья деревьев с парусиной, натянутой между вилами. Вся лодка имела около трех с половиной аршин длины, до двух аршин ширины и вершков четырнадцать глубины.

Лапландцы с Дитрихсенем и Христиансенем отправились за багажем, прежде чем постройка этого суденышка была окончена. Нансену и Свердрупу предстоял не малый труд спустить его на воду и провести по речке к бухте. Оказалось, что речка была покрыта песчаными отмелями, так что в конце-концов не лодка везла путешественников, а они сами должны были тащить ее, шагая по песчаному дну.

Целый день они провозились таким образом, пока, наконец, спустили лодку в воду залива. Лодка оказалась мало вместительным и довольно валким суденышком с необыкновенно неудобными сиденьями из бамбуковых тросточек. Долго потом Нансен не мог без содрогания вспомнить о том, как мучительно было сидеть на этих тросточках по нескольку часов под ряд. Кроме того, вода пробивалась сквозь парусинное дно лодки, и ее постоянно приходилось вычерпывать большой ложкой, за неимением более подходящего черпака. Несмотря на это, друзья весело плыли к устью залива, утешаясь тем, что снова видят пред собой открытое море, и скоро, очень скоро вернутся в общество людей. Около прибрежных скал летало множество чаек, и у путешественников текли слюнки при виде этой дичи. Долго не удавалось им застрелить ни одной птицы. Но когда Нансен попал, наконец, в одну из чаек и она упала, к ней слете-

лась целая стая других: чайки очень любопытные птицы, — им, вероятно, хотелось исследовать, почему упала их подруга; но это исследование стоило жизни многим из них, и путешественники сделали значительный запас свежего мяса.

„Трудно описать словами, — рассказывает Нансен, — наслаждение двух дикарей, которые сидели в этот вечер на северном берегу фьорда Амералика, запускали руки в горшок с варившимся мясом, вытаскивали оттуда птицу и отправляли ее по кусочкам в свои голодные желудки. Огонь нашего костра казался почти бледным при свете чудного северного сияния. Все небо было объято пламенем с южной и северной стороны; волны света то надвигались, то снова отступали; вдруг по небу проносился словно какой-то вихрь, гнавший перед собой пламя прямо к зениту, — там вспыхивал настоящий пожар, который почти ослеплял глаза зрителя. Затем буря как бы прекращалась, свет медленно погасал; оставалось лишь несколько неясно очерченных огненных пятен, которые плавали по небу, усеянному звездами. А там, под нами, лежали холодные, бесстрастные волны фьорда, темного и глубокого, опоясанного стеною крутых скал и грозных гор“.

Следующий день им почти весь пришлось отдыхать, так как поднялся сильный ветер, и они не решились бороться с бурным морем в своей утлой лодочке.

1 октября погода прояснилась. С раннего утра они усердно работали веслами, а после полудня устроили себе такой обед, о котором долго потом не могли вспомнить без смеха. В том месте берега, к которому они пристали, было очень много ягоды водяники. Поев вареных чаек и горохового супа на бульоне из тех же птиц, они набросились на ягоды с жадностью людей, не видавших много недель никакой свежей растительной пищи.

„Сначала, — рассказывает Нансен, — мы ели ягоды стоя; потом, когда устали стоять, мы ели их сидя; наконец, когда

и это поза показалась нам утомительной, мы разлеглись и продолжали их есть лежа. Пока мы обедали, поднялся сильный северный ветер, и нам невозможно было продолжать путь. Поэтому ничего больше не оставалось, как лежать и есть ягоды. Под конец нам стало уже лень срывать их руками, мы поворачивали головы и срывали их губами, пока не уснули. Мы проспали до вечера, а когда проснулись, большие, черные, сочные ягоды висели около самых наших ртов, так что мы опять стали есть их, пока снова не уснули. Я до сих пор не могу понять, как такое обжорство прошло нам даром, как оба мы не заболели расстройством желудка. На самом же деле мы чувствовали себя прекрасно, и в час ночи, когда ветер спал, с усиленной энергией взяли за весла. Мы плыли вдоль совершенно темных берегов. Вода сияла фосфорическим блеском, таким ярким, какой редко встречается даже в тропических морях. Лопасты наших весел светились точно расплавленное серебро, и прикосновение их к темной воде оставляло за собой след—длинную, блестящую полосу, тянувшуюся за нашей лодкой“.

ХІІІ.

3 октября, огибая небольшой полуостров, на южной стороне которого должен был находиться Готхаб, они вдруг слышали человеческие голоса. Это были голоса женщин и детей, которые переговаривались и что-то кричали друг другу. Путешественники не могли разобрать слов и, несмотря на все старания, никого не видели. Впоследствии они узнали, что это были туземцы, собиравшие ягоды на горе, к востоку от Готхаба. Они заметили путешественников и кричали друг другу, что видят двух людей, едущих на половине лодки, что это должно быть какое-то колдовство. Такой лодки никто никогда не видывал, и на нее страшно смотреть.

Несколько дальше путешественники встретили двух эскимосов, сидевших в своих байяках и занятых рыбною лов-

лею, а еще дальше перед ними открылось целое селение, состоявшее из эскимосских хижин, среди которых возвышалось какое-то длинное здание с башней. Они повернули к берегу, и в ту же минуту целая толпа эскимосов прибежала туда же. Эскимосы кричали, громко разговаривали, суетливо переходили с места на место и жестикулировали так же странно, как жители восточного берега. Они вообще мало отличались от этих последних: такие же малорослые, некрасивые, такие же веселые и добродушные. Они помогли путешественникам пристать к берегу, привязать и разгрузить лодку и при этом все время болтали и смеялись, указывая друг другу на странных чужеземцев. Эти чужеземцы стояли над своими вещами в довольно затруднительном положении: они не понимали ни слова из того, что болтали туземцы, и не знали, куда им направиться.

— А, вон, наконец, европеец!—вскричал Свердруп, и действительно, через несколько минут к ним подошел молодой человек, одетый по-европейски, и, несомненно, не туземец.

— Говорите вы по-английски? Вы англичане?—обратился он к приезжим, любезно раскланявшись с ними.

Узнав, что это не англичане, а норвежцы, и услышав фамилию Нансена, он вскричал:

— О, в таком случае позвольте мне поздравить вас! Вы получили степень доктора.

Нансен был поражен и едва удержался от смеха. Он получил степень доктора до своего отъезда из Европы, после того он так много пережил и перенес, что это казалось ему каким-то отдаленным, полузабытым событием, и вдруг первые европейские слова, какие он слышал, перерезав всю Гренландию,—поздравление со степенью доктора.

Молодой человек, по имени Бауман, оказался очень любезным датчанином, служащим в Гренландии и занимающим место помощника губернатора датской колонии Готхаб. Он

объяснил, что губернатор в отъезде, что селение, которое они видят перед собою, не Готхаб, а Гернгут, одна из станций, основанных в Гренландии германскими миссионерами. Вскоре к ним подошел сам миссионер, г. Фогель, и зазвал их к себе.

Он жил в единственном большом доме поселка, в длинном здании с башней, в котором помещалась и церковь. Миссионер и жена его встретили путешественников с самым искренним радушием. После четырех месяцев жизни сначала на судне тюленепромышленников, потом в палатке и под открытым небом, Нансену и Свердрупу было как-то странно очу-

Готхаб.

титься снова в обстановке цивилизованных людей. Комната, в которой их принимал миссионер, отличалась полнейшей простотой, но им она представилась в высшей степени роскошною. Сидеть на стуле, за столом, покрытым белою скатертью, употреблять нож и вилку, пить вино, курить сигары—все это было для них так непривычно и так приятно.

Пока они обедали, из Готхаба пришел священник и доктор. Известие о появлении иностранцев уже дошло до них, и они спешили приветствовать гостей. Путешественникам пришлось ответить на бесчисленные вопросы о том, как они

попали в Гернгут, где они оставили товарищей и т. п. После этого священник и доктор проводили их пешком в Готхаб, до которого было всего несколько верст.

Готхаб оказался небольшим селением, состоявшим главным образом из эскимосских хижин, среди которых возвышалась церковь и четыре-пять домов европейцев. На улице толпился народ, вышедший посмотреть на таинственных чужеземцев, приехавших с востока на половине лодки. Едва они подошли к первым домам, как раздался ружейный выстрел, за ним второй, третий и т. д. Это был приветственный салют со стороны туземцев. У каждого дома стояла кучка женщин и детей, встречавших и провожавших приезжих добродушными, веселыми улыбками и слегка удивленными взглядами. В середине селения путешественников встретили четыре дамы, представительницы Европы в колонии. Странно было видеть их модные платья рядом с кожаными куртками и панталонами гренландских красавиц. Когда путешественники дошли до дома губернатора, ружейные выстрелы прекратились, и стрелки приветствовали их громкими криками. Жена губернатора пригласила их к себе на обед; а пред обедом г. Бауман провел их в свою комнату, где они могли придать себе более приличный вид. Здесь они имели давно неиспытанное удовольствие хорошенько вымыться и надеть чистое белье.

К обеду собралась вся небольшая европейская колония. Все мужчины и дамы были одеты очень нарядно, все старались строго соблюдать правила европейских приличий.

Теперь у Нансена явились две заботы: во-первых, узнать, будет ли им возможно в скором времени вернуться на родину; во-вторых, найти средство доставить в Готхаб товарищей, оставленных на пути. Относительно переправы домой ему сказали, что последнее европейское судно ушло из Готхаба два месяца тому назад, и больше никаких сообщений ни с Европой, ни с Америкой до весны не предвидится. Миль за 300 от Гот-

хаба у берега стояло, правда, торговое судно „Фокс“, но оно должно было уйти в половине октября. Нансен немедленно написал письмо капитану „Фокса“, убедительно прося его заехать в Готхаб; но переслать куда следует это письмо было не легко. Сношения между прибрежными селениями производятся обыкновенно не иначе, как морем; а между тем стояла бурная погода, и море сильно волновалось. Только на следующий день выискался смельчак-эскимос, взявшийся на своем кайяке доставить письмо до ближайшего селения, откуда другой эскимос должен был везти его дальше.

К товарищам Нансен послал сначала двух кайякеров с письмами и провизией, а потом, уже дней через пять, когда погода стихла, большую, крепкую лодку с опытными гребцами. Этими гребцами были женщины, по обычаю эскимосов: мужчины считают для себя унижением плавать иначе, как в кайяках.

Гостеприимные обыватели Готхаба постарались как можно удобнее поместить приезжих: Свердрупу нашлась квартира в доме местного плотника и кораблестроителя, а Нансену Буман уступил свою собственную комнату. О пище им тоже не приходилось заботиться, так как все европейцы непрерывно приглашали их к себе и завтракать, и обедать, и ужинать.

Среди эскимосов, отличающихся вообще пылким воображением, ходили самые фантастические слухи о приключениях путешественников внутри страны. Рассказывали, что они встретили там племя великанов, которые ростом вдвое больше обыкновенных людей, и другое племя крошечных карликов, живущих в пещерах скал вдоль фиордов. Говорили, что они обладают некоторыми сверхъестественными силами, и что их переход через внутренний лед совершился не без помощи колдовства. Как только Нансен или Свердруп появлялись на улице, их тотчас же окружала толпа любопытных. Особенное внимание обращали на Нансена вследствие его высокого роста. Свердрупа туземцы прозвали „Акорток“, что значит: „Тот,

кто управляет судном“, а Нансена — „Ангисорсуан“, т.е. „Большой человек“ и еще „Умитормют налагак“ — „Предводитель длиннородых людей“.

Кайякеры, ездившие с письмами к Дитрихсену, вернувшись в Готхаб, подробно описывали свою встречу с чужестранцами.

— Там, — рассказывали они, — два человека из длиннородого племени и два похожие на нас, только очень странно одетые.

И эскимосы ждали прибытия этих незнакомцев почти с таким же нетерпением, как Нансен и Свердруп.

Наконец, 12-го октября по селению разнеслась весть, что из Амераликфиорда идет большая лодка. Множество кайяков тотчас же выехало встречать ее, и Нансен с Свердрумом, выйдя на берег, скоро увидели медленно приближавшуюся лодку, за которой длинным хвостом тянулись кайяки. Вся европейская колония и целая толпа эскимосов вышла навстречу и приветствовала их самым радушным образом. На лапландцев гренландцы смотрели с особенным вниманием; они сначала приняли их за женщин; длинные куртки показались им похожими на кофты европейских дам; а панталоны из оленьей шкуры носят обыкновенно эскимосские женщины. Балто принимая все оказываемые ему любезности, как нечто должное. Он очень много болтал, рассказывал всем и каждому свои приключения и вскоре стал в самые дружественные отношения к туземцам. Равна, по своему обыкновению, молчал. Он подошел к Нансену, кивнул ему головой и протянул руку; маленькие глазки его блестели от радости и самодовольствия.

Когда вся партия собралась, ей прежде всего надобно было подумать о квартире. Губернатор гостеприимно предложил в своем доме помещение для Нансена, Свердрупа и Дитрихсена, остальным трем предоставлено было нежилое здание,

так-называемый „старый докторский дом“, где они могли свободно устроиться, сами хозяйничать, и сами себе готовить кушанье.

Приезжие долго продолжали возбуждать интерес гренландцев. В „дом доктора“ беспрестанно являлись посетители; там шли разговоры с раннего утра до поздней ночи, и иногда затевалась карточная игра.

Балто разыгрывал роль любезного хозяина. Он говорил с почтительно слушавшими его гренландцами то на ломаном норвежском языке, с примесью датских слов, то на каком-то невозможном эскимосском. Свои речи он сопровождал такими выразительными жестами, что его понимали. Он то рассказывал о путешествии через внутренний лед: толковал о том, как норвежцы умудрились найти дорогу среди страшной снежной пустыни, какие лишения приходилось переносить, когда даже не было кофе, а трубку табаку позволялось выкуривать только по воскресеньям; то описывал страшные опасности плаванья среди ледяных глыб, когда „норвежцы ели сырое мясо, а они, лапландцы, чуть не струсил“. Но особенно нравились гренландцам рассказы Балто о жизни лапландцев, о том, как, „мы, лапландцы, ездим на оленях“ и „какие одежды и сапоги шьем мы, лапландцы“.

Христиансен, от природы молчаливый, охотно ступшевывался и предоставлял первую роль Балто, но в карточной игре он также принимал участие. Равне все эти гости сильно надоедали.

— Мне неприятно, что весь этот народ ходит к нам, — жаловался он Нансену.

Когда комната была наполнена табачным дымом и шумом голосов болтающих и играющих в карты гренландцев, Равна или молча сидел в углу, или уходил к кому-нибудь из эскимосов. Его везде принимали очень радушно. Он садился на скамью, сидел несколько часов подряд, не говоря

ни слова, и затем уходил. Никто не мог понять, какое удовольствие находил он в этих посещениях, и почему эскимосы принимали их за особенную честь себе.

В первое воскресенье по приезде путешественников в Готхабе устроились танцы в местном клубе, т.-е. в мастерской бочара. Все путешественники, за исключением Равны, присутствовали при этом и пришли в восторг от того оживления, той естественной грации, с какими пляшут эскимосы. У них нет своих национальных танцев: они танцуют польку, вальс и разные национальные танцы, завезенные к ним китоловами из Англии и Америки, но они танцуют их по-своему, с самым заразительным одушевлением. Нансен и его товарищи не могли равнодушно смотреть на это веселье и захотели сами принять в нем участие. Эскимоски очень обрадовались этому и тотчас же увлекли их в свой веселый хоровод.

Все они считали за большую честь танцевать с европейцами, но, несмотря на это, немилосердно осмеивали всякое их неловкое движение или ошибку в танцах.

„Долго спустя,—рассказывает Нансен,—мы, проходя по селению, встречали молоденьких насмешниц, которые на потеху собравшейся публике представляли как мы танцуем, представляли настолько верно, что мы без труда узнавали самих себя. У этих гренландцев удивительная способность подмечать во всем смешную сторону.“

Норвежцы оказались способными учениками и скоро стали танцевать так хорошо, что заставили умолкнуть насмешниц. Особенно отличались Нансен и Датрихсен. Балто, напротив, был совершенно неспособен к танцам. У лапландцев вообще не существует никакой пляски. Равна до конца не соглашался даже ходить на танцевальные собрания. Балто очень охотно посещал их, но не мог научиться ни одному па, ни одной фигуре. Он скакал и брыкался, а гренландцы помирали со смеху, глядя на него. Это, впрочем, нимало не смущало его; он очень скоро взял на себя роль

распорядителя праздника: командовал какой начинать танец, где кому становиться, и был вполне доволен как сам собой, так и окружающими.

Вообще путешественники проводили время в Готхабе очень приятно: и датчане, и эскимосы наперерыв старались развлекать и угощать их; они с интересом присматривались к жизни неизвестного им до тех пор народа, и вполне отдыхали от всех трудностей, перенесенных в пути.

К последним числам октября вернулись кайякеры, посланные к капитану „Фокса“, и привезли письмо, в котором капитан сообщал, что заезд в Готхаб в такое позднее время года слишком опасен, и он не может рисковать жизнью пассажиров, находящихся на его судне. Приходилось помириться с мыслью зазимовать в Гренландии. Нансен и Свердруп были довольны хоть тем, что капитан „Фокса“ взялся отвезти их письма в Европу, что родные получают от них вести и успокоятся. Письма эти были доставлены в Норвегию в ноябре, и тотчас же во всех газетах стали появляться известия о благополучном окончании экспедиции, которую до тех пор многие считали безумием. Нансен и его товарищи прославлялись как герои: в иллюстрированных журналах появлялись их портреты, о них писали целые статьи; а они, не подозревая ничего подобного, мирно проводили время среди эскимосов, с каждым днем все более и более свыкаясь с этим добродушным, веселым народом. Они скоро научились говорить по-эскимосски и могли перевести „поэму“, которую сочинил по случаю их приезда местный поэт, и которая была напечатана в Гренландской газете. Вот эта „поэма“:

„Шестеро человек пустились в путь из Норвегии; четверо были норвежцы, двое были лапландцы; они ехали на норвежском корабле, они высадились на восточном берегу и понесли на себе все свои пожитки“.

„Они пошли через внутренний лед и много бед перенесли на пути; у них был небольшой запас пищи и всего

одна смена платья; скоро кончился весь их кофе, а затем и табак; но все же они перешли через внутренний лед и достигли западного берега.

„Двое из них приехали в Готхаб из Амераликфиорда; была у них лодка удивительно странного вида. Четверо остались на пути. Мы узнали, что среди них были лапландцы, и нам сильно хотелось увидеть их.

Эскимосы из Готхаба.
Женщина.   Мужчина.

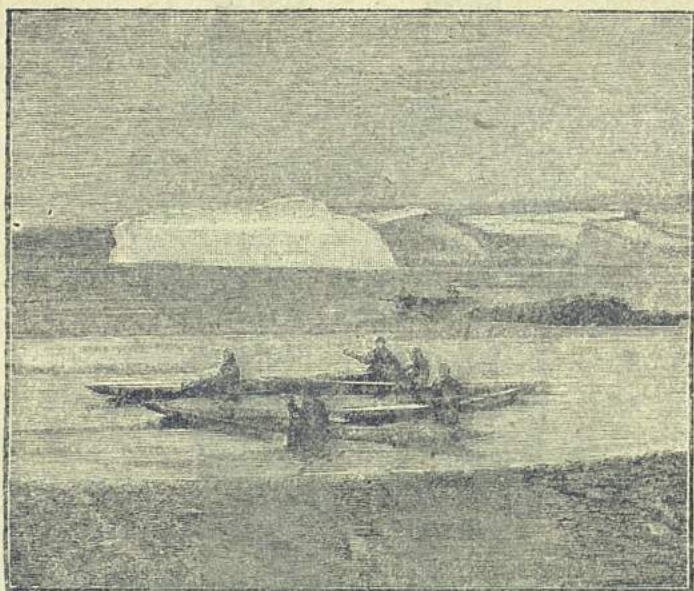
„Наконец они приехали: и лапландцы, и двое других. Мы, как всегда, вышли на берег встречать их. Один из лапландцев немного прихрамывал; он был маленького роста и носил высокую остроконечную шляпу“.

„У другого, у высокого лапландца, шапка была четырехугольная; у него были надеты панталоны и шуба. Он был очень добр и очень разговорчив,— вот почему все маленькие гренландцы скоро полюбили его“.

XIV.

Эскимосы Готхаба и окрестных селений живут исключительно рыбной ловлей и охотой на морских птиц. Заниматься земледелием они не могут, так как ни одно хлебное

растение не дозревает в их суровом климате: самое большее, если им удастся вырастить в огороде немного капусты, моркови да гороху. Главным кормильцем их является море, и они с ранних лет приучаются удивительно ловко ездить в своих каяках. Эскимосские каяки возбуждали особенный интерес европейцев. Нансен не мог успокоиться, пока не приобрел себе такую же лодку. Это очень длинное и очень узкое одновесельное суденышко, с узким носом и узкой бор-

мой, в котором помещается обыкновенно всего один человек. Нужен большой навык, чтобы, сидя в нем, не потерять равновесия.

— Когда я, наконец, просунул ноги сквозь узкое отверстие и уселся, где следовало, меня толкнули в воду,—рассказывает Нансен,—и я сразу почувствовал, что нахожусь в опасном положении. Моя лодочка наклонялась то на одну сторону, то на другую, и каждую минуту грозила перекувырнуться. Мне казалось, что я никогда не научусь управлять ею, и я с завистью смотрел на эскимосов, которые свободно скользили по воде в таких же суденышках и сидели в них совершенно спокойно, точно на полу своего дома.

Нансен очень скоро приобрел необходимый навык и сделался весьма недурным „кайякером“. Его примеру последовал Свердруп, и Балто не захотел отстать от них. Напрасно и Нансен, и Свердруп представляли ему, что это дело не легкое и опасное: он уверял, что отлично умеет управлять лапландскими санками, запряженными оленями, и кайяк ему нисколько не страшен. Подвезли кайяк Свердрупа; по обыкновению собралась целая масса зрителей—эскимосов. Нансен в своем кайяке держался около берега, чтобы, в случае надобности, подать помощь. Балто уселся в кайяк как можно удобнее и завернулся в свою большую шубу. Он имел совершенно спокойный вид и, очевидно, намеревался показать присутствующим, как может быть ловок лапландец, если только захочет. Усевшись, он схватил весло обеими руками и смело дал знать, чтобы его толкнули. Но едва лодка коснулась воды, самоуверенность его начала пропадать. Впрочем, он еще укрепился и даже помогал сталкивать лодку. Но когда она очутилась в воде, и лодка начала качаться со стороны в сторону, храбрость окончательно оставила его; лицо его выражало ужас: он делал какие-то неопределенные движения веслом в воздухе, хотел произнести какое-то проклятие, но запнулся на первом слове; еще секунда—и лодка переверну-

Лась вверх дном. Балто исчез, и только большая четырехугольная шляпа его виднелась на поверхности воды. Нансен поспешил подъехать; но, к счастью, тут было так мелко, что Балто руками мог упереться в дно, и так близко от берега, что зрители без труда вытащили на землю и каяк, и злополучного каякера. Присутствовавшие, в особенности девушки, встретили Балто громким смехом. Он вылез из лодки и стоял на берегу, растопырив руки и ноги; а вода ручьями текла с его широких одежд.

— Я, кажется, промок! — проговорил он, растерянно оглядываясь по сторонам, и затем прибавил с полным убеждением. — И я должен сказать, что эти каяйки, просто дьявольские штуки!

После этого Балто долго не решался сесть в каяк. Он повторил свой опыт более скромно и с большим успехом уже после того, как и Дитрихсен и Христиансен обзавелись каяйками и научились весьма недурно управлять ими. К концу зимы все путешественники, кроме Равны, могли уже выезжать вместе с туземцами на охоту за морскими птицами.

Эскимосы западного берега сохранили множество языческих понятий, обычаев и верований, но они все-таки христиане, и миссионеры, живущие среди них, заботятся о том, чтобы они почитали христианские праздники. Приготовления к празднованию Рождества начинаются обыкновенно в Готхабе за несколько месяцев. Женщины завалены работой: им приходится шить новые платья для себя, для мужей и для детей; вся одежда семьи, не исключая сапог, — дело их рук. Особенно щеголяют молодые девушки; богатые семьи заранее выписывают из Копенгагена шелковые материи, и девушки готовят себе из них костюмы, стараясь перещеголять друг друга пестротой отделки. Мужчины-эскимосы заботятся о том, чтобы наготовить к празднику побольше всякой провизии для угощения гостей. Богатые не жалеют для этого своих сбережений, бедные продают разные необходимые в хозяйстве

вещи, чтобы только не отстать от других. Главное, всякий старается припасти побольше кофе—любимого напитка гренландцев.

Губернатор колонии устраивал у себя в доме елку. За неимением подходящего дерева навязали ветви гренландского можжевельника на большой деревянный кол, игравший роль ствола. Жена его, с помощью Свердруп и Дитрихсена, клеила корзиночки и пакеты из цветной бумаги. В сочельник елку убрали. В два часа производился в церкви экзамен детей по закону Божию, и эскимосы с большим интересом присутствовали при этом. По окончании экзамена губернатор сделал каждому из учеников по маленькому подарку. Они отнесли подарки домой и затем вернулись в квартиру губернатора на елку. Там собралась целая толпа ребятишек всех возрастов; малюток, которые еще не могли ходить сами, приводили или приносили матери. Детей угощали и оделяли разными безделушками и гостинцами; они от души веселились, а еще больше радовались их матери.

Вечером в церкви было торжественное богослужение, за которым хор туземцев пел немецкие гимны, переведенные на эскимосский язык.

Ночь на Рождество жители Готхаба проводили почти без сна. Молодые люди ходили по улицам, останавливались у каждого дома и славил Христу. Хозяева зазывали их к себе и угощали. Везде были приготовлены разные закуски, вино, кофе. Балто ухитрился в эту ночь выпить 25 больших чашек кофе и кроме того изрядно закусил.

В первый день праздника все эскимосы и эскимоски Готхаба считают своим долгом сделать визиты европейцам, живущим в колонии. Они пожимают каждому руку и желают веселого праздника. Приличие требует ответить на это пожелание одним словом „итлидло“, т.-е. „и вам того же“. Затем туземные аристократы: церковнослужитель, типограф, служащие в управлении и тюленепромышленники были при-

глашены вместе с женами к губернатору, который угощал их шоколадом, кофе и печеньем. Они пришли в своих самых нарядных костюмах, поздоровались с хозяином и хозяйкой и затем скромно уселись около стен. Только выпив чашки по две шоколаду или кофе, они стали немного развязнее и начали разговаривать друг с другом и с евреями. Посидев часа два, они все сразу поднялись с места, распрощались с хозяевами и отправились в другой дом, где их опять ждало угощение.

На третий день праздника губернатор устроил в свободных комнатах больницы большой обед для служащих в управлении и для тюленепромышленников. Гости пришли со своими тарелками, ложками и кружками. Им подавали гороховый суп, копченое мясо, соленую оленину и компот из яблоков, кроме того, вино, пуш, кофе и сигары. Чего обедающий не мог доестъ из своей порции, то он прятал и нес после обеда жене и детям, а иногда жены являлись сами, чтобы тут же получить свою долю.

Танцевальные вечера назначались несколько раз во время праздников; но очень многие кавалеры, наугощавшись в течение дня в разных домах, к вечеру не совсем твердо стояли на ногах и не могли принимать участие в танцах.

После Рождества Нансен стал ездить в селения, соседние с Готхабом. Он прожил целый месяц в Сардлоке, в хижине эскимоса, почти совершенно занесенной снегом; спал в одной комнате с хозяевами, ел то же, что они, привык находить вкус в таких лакомствах, как китовый жир, сырая мороженая рыба, мороженые ягоды водяники с прогорклым китовым жиром и т. под. Он вместе с эскимосами ездил на охоту за морскими птицами и на рыбную ловлю. Особенно увлекала его ловля громадной рыбы из породы палтусов, так как эта ловля была сопряжена с большой опасностью. Рыбу ловят с каяка на уд, лесой которой служит канат в несколько сот футов длины. При малейшей неосторожности ловца,

сильная рыба может перевернуть лодку и увлечь за собой каякера на дно моря. Притом, прежде чем рыба хватит приманку, приходится иногда ждать несколько часов, сидя неподвижно в лодке при 30—40 градусном морозе.

— Я и не заметил, как один раз отморозил себе при этом обе щеки,—спокойно замечает Нансен.

В другом селении, в Кангеке, его восхищало удивительное искусство каякеров, которым не страшно было самое бурное море, и которые смело бросались на своих суденышках в средину разъяренных волн. Везде эскимосы встречали его с самою искреннею приветливостью, и он чувствовал себя превосходно в их обществе.

— Их незлобивый, беспечный характер,—говорит он,—их скромное довольство жизнью, как она есть, их доброта делают их в высшей степени привлекательными; при них невольно стихают всякие мятежные порывы, всякое недовольство судьбою.

Несмотря на то, что путешественники чувствовали себя очень хорошо в Готхабе, с наступлением весны они стали нетерпеливо ждать появления судна, которое должно было отвезти их на родину.

15-го апреля земля около Готхаба была еще покрыта снегом, дул холодный ветер, и они решили, что в такую погоду корабль не придет, как вдруг весь поселок огласился криками:

— Умиарсуит! Умиарсуит! (Корабль, корабль!).

Действительно, в водах залива виднелось судно, быстро приближавшееся к берегу. Путешественники вскочили в свои каяки и отправились навстречу ему. Это был датский корабль „Hvidjörnen“ (Белый Медведь) под командой лейтенанта Гарде. Когда путешественники подъехали к нему, он салютовал им выстрелом из пушки и поднял норвежский флаг.

Сборы в обратный путь были непродолжительны; тем более, что „Белый Медведь“ должен был заехать еще в несколько портов Гренландии и не мог долго стоять в Готхабе.

Не без грусти расстались путешественники с местечком, в котором они приятно провели всю зиму. Их эскимосские друзья выказывали неподдельное сожаление, прощаясь с ними. Один из этих друзей, в доме которого Хансен часто бывал, с грустью сказал ему:

— Вот ты опять уезжаешь в тот великий мир, откуда приехал к нам; ты встретишь там много людей и много нового и, может-быть, скоро забудешь нас. А мы никогда не забудем тебя!

21-го мая „Белый Медведь“, после вполне благополучного плавания, бросил якорь на рейде Копенгагена. Прошел слишком год с тех пор, как Хансен на пути в Гренландию завернул в Копенгаген для последних приготовлений к экспедиции. Тогда на него смотрели как на смельчака, задумавшего рискованное, почти безнадежное предприятие; теперь его приветствовали, как отважного путешественника, пользующегося всемирною известностью, героя, достигшего раз намеченной цели.

В честь его произносили речи, давали обеды и ужины; все считали за честь увидеть его, пожать ему руку, поговорить с ним. Его задержали в Копенгагене на целую неделю, и только 30-го мая добрался он, наконец, до родины.

Въезд экспедиции в фьорд Христиании был настоящим триумфальным въездом. Погода стояла чудная, деревья только-что оделись молодой листвою, отовсюду сыпались цветы, раздавалась музыка, везде развевались флаги. Впереди плыло несколько военных судов, как почетный конвой, затем пароход „Мельхиор“ с членами экспедиции, а вокруг и сзади него целая флотилия миноносек, парусных судов, лодок и лодочек.

Нансен стоял вместе с прочими членами экспедиции у борта парохода, в той самой серой одежде, в которой совершил свое знаменитое путешествие. Он был сильно взволнован; все его товарищи тоже; даже Равна не мог остаться равнодушным. Когда они подъезжали к пристани, и глазам их открылась набережная и старый крепостной вал, сплошь усеянный зрителями, Дитрихсен обратился к нему с вопросом:

— А что, Равна, ведь приятно видеть такую толпу людей?

— Да, приятно, очень приятно!—отвечал лапландец:— но было бы еще приятнее, если бы это были олени!

XV.

Публика приветствовала Нансена, как отважного путешественника, как человека, не отступившего ни пред какими трудностями для достижения раз намеченной цели; люди науки видели в нем добросовестного ученого, исследования которого бросали новый свет на страну, скрывавшуюся от глаз любопытных за недоступной ледяной оградой. До Нансена слезано было несколько попыток проникнуть внутрь Гренландии.

Благодаря исследованиям отважных мореплавателей последнего двадцатилетия, известно было, что это громадный остров, самый большой из островов на земном шаре, вдвое больше Швеции и Норвегии, взятых вместе. Длина его от мыса Фарвэль на юге до северной оконечности—захватывает 23° северной широты, т.-е. имеет около 2.500 верст, ширина его значительно меньше, около 1.300 верст в самом широком пункте. Дикая, скалистая береговая полоса окаймляет остров со всех сторон, то суживаясь, то расширяясь, но нигде не достигая 200 верст в ширину. Что лежит за этой полосой—долго оставалось тайной. Воображение туземцев-эскимосов населяло внутренность страны разными фантастическими чудовищами, и они не осмеливались проникать в нее.

Первый европеец, которому удалось взойти на внутреннее ледяное пространство Гренландии, был датский купец, Ларс Делагер, живший в колонии Фредериксхаб, на южном берегу. В сентябре 1752 г. он в сопровождении нескольких эскимосов, поднялся на высокую окраину плато и влез на высокую, торчавшую из льда, скалу, чтобы оттуда взглянуть на внутреннее пространство Гренландии. Глазам его представилось ровное снежно-ледяное поле, и он не решился вступить на него, во-первых, за неимением достаточного провианта, главным же образом вследствие нестерпимого холода.

После этого прошло сто лет, прежде чем повторена была попытка добраться до внутренних областей острова. В 1860 г. американский путешественник Гейс с пятью товарищами взобрался на плато и прошел по нему несколько десятков верст, но принужден был вернуться вследствие сильной снежной бури. В 1878 г. Иенсен с тремя спутниками совершил две экскурсии внутрь страны.

Наибольший успех имел знаменитый исследователь севера Норденшельд. Он два раза пытался проникнуть внутрь Гренландии: первый раз, в 1870 г., ему удалось пройти только на 50 верст от границы плато; но во второй раз, в 1873 г., он прошел около 120 верст, а сопровождавшие его лапландцы пробежали на лыжах еще верст сто. Со всех сторон перед ними отрывался ледяное поле, покрытое тонким, рыхлым снегом, и Норденшельд не решился углубиться дальше в это неведомое пространство, тем более, что постоянно приходилось подниматься в гору, и люди были крайне утомлены. Почти такое же пространство прошел в 1886 г. и американский путешественник Пирри. Честь первому пройти Гренландию, насквозь от восточного берега к западному, принадлежит Нансену. Благодаря этому путешествию, было окончательно уничтожено предположение, разделявшееся до тех пор весьма многими, что внутри Гренландии, среди снежных пустынь, существует несколько оазисов, покрытых зеленью. На-

блюдениями Нансена установлено, что над всем островом, за исключением узкой береговой полосы, лежит толстый ледяной покров, представляющий как бы выпуклый щит, понижающийся по мере приближения к берегам. В некоторых местах щит этот спускается к береговой полосе громадными ледниками, которые иногда доходят до самого моря и хотя медленно, но постоянно сползают вниз. Поверхность материкового льда всюду снежная, а не ледяная; этот слой снега Нансен и его товарищи всюду могли пробить своими шестами; шесты уходили в него до конца, т.-е. на 5 аршин, и не доставали до ледяной коры. Летом, среди дня верхние слои снега слегка подтаивают, но затем снова замерзают ночью. Уменьшается ли ледяная кора вследствие сползания ледников в море или, напротив, утолщается, вследствие падающего на нее снега и дождя, Нансен не мог с достоверностью сказать, но он сообщил множество фактов, касающихся самого построения материкового льда, его движения, толщины, таяния, особенностей краевой полосы, образования ледяных гор, полярных течений и плавучих льдов вдоль берегов Гренландии, относительно климата и температуры этой страны.

Ученые всей Европы обратили внимание на его исследования и спешили выразить ему свое уважение. Немедленно по возвращении он получил почетное звание куратора (попечителя) университета Христиании; Шведское Общество Антропологии и Географии наградило его медалью „Вега“, которую до него получили только пять человек, все знаменитые путешественники; Лондонское Королевское Географическое Общество прислало ему медаль „Виктории“, которая тоже дается только за особенно выдающиеся ученые заслуги; Христианийское Общество Наук и Парижский университет избрали его своим членом; шведское и датское правительства прислали ему ордена.

Ни эти знаки отличия, ни всеобщее внимание, обращенное на него, нисколько не изменили Нансена. Он остался

таким же простым, неприхотливым, неутомимо деятельным человеком, каким был раньше. Работы у него сразу явилось множество. Он читал лекции и сообщения о Гренландской экспедиции в разных городах Норвегии, Швеции, Дании и Англии; он приводил в порядок и приготавливал к печати свои заметки об этой экспедиции, писал о ней целые книги; кроме того, продолжал свои занятия в Бергенском музее. Среди этих научных работ он находил время посещать общество, возобновлять старые знакомства, заводить новые, и в одну осеннюю ночь 1889 г. удивил свою старшую замужнюю сестру, явившись к ней в два часа и объявив, что он женится.

Невеста Нансена, Ева Сарс, была младшей дочерью известного норвежского естествоиспытателя, профессора Сарса; очень умная, веселая, хорошо образованная девушка, она отличалась музыкальным талантом. Муж ее старшей сестры, известный певец и учитель музыки, Ламмерс, положил начало ее музыкальному образованию, которое она затем продолжала в Берлине. Она обладала таким сильным и приятным голосом, что могла бы с успехом петь в опере; но сцена не манила ее. Возвратившись на родину, она стала давать уроки пения и решила выступать перед публикой только в благотворительных концертах. Ева Сарс была не только певицей, но и искусным лыжебежцем. Вероятно, это последнее качество особенно и пленило Нансена. После свадьбы она сопровождала мужа и в его зимних экскурсиях по горам Норвегии, и в его летних катаньях на лодке; по своей смелости и неутомимости она была вполне подходящим ему товарищем.

„Она никогда не устает! — с восторгом рассказывал о ней Нансен друзьям. — Только раз в жизни видел я ее утомленной, и она всегда сердится, когда я вспоминаю об этом. Это было в 1891 г., в первый день нового года. Мы с ней решили, ради праздника, подняться на лыжах на Нора Фьельд

(гора в 5.000 ф. высоты). В три часа солнце село, а мы еще не достигли вершины. Но жена ни за что не хотела вернуться назад. Уже стемнело, а мы все продолжали подниматься. Подъем был такой крутой, а снег такой твердый, что лыжи не могли держаться на нем; мне пришлось свять лыжи и концами их пробивать во льду ступеньки. Два часа

Нансен и его жена.

проработал я таким образом, пока мы, наконец, достигли вершины. Стало совсем темно, дул резкий ветер, когда в 10 часов мы добрались до хижины на противоположном склоне горы. Тут какая-то старушка угостила нас молоком и пригласила отдохнуть; но жена объявила, что несколько не устала и может пройти еще час до того домика, где мы предполагали ночевать.

„Мы отправились дальше; было так страшно темно, что концы наших лыж несколько раз задевали за стволы деревьев, и мы падали; нам приходилось беспрестанно перегибаться, чтобы не отстать друг от друга. Наконец, уже за полночь, мы добрались до маленького домика и, войдя в ворота, я пошел разыскивать хозяев и хлопотать о ночлеге. Возвращаясь, вхожу в комнату—и что же? Жена очутилась там раньше меня: она сидит на стуле и спит. Да как спит! Самым крепким сном! Мы пробовали будить ее, — нет, не просыпается! Так мы и оставили ее“.

Такая женщина была самой настоящей подругой для предприимчивого, неустрашимого Нансена! Оба они не любили городской жизни, и вскоре после свадьбы Нансен придумал выстроить себе свой собственный домик в нескольких верстах от Христиании. Этот домик, названный по имени Гренландского поселка, так гостеприимно приютившего путешественников, Готхаб, лежит на небольшом мысе, вдающемся в Христиансфиорд. Перед ним лужайка с большими деревьями, сзади него лес, кругом никакого жилья, а из окон открывается широкий вид на море. Нансен сам следил за постройкою этого домика, сам делал рисунки разных украшений его в древне-норвежском стиле. Он с такой любовью устраивал его, точно намеревался прожить в нем безвыездно всю жизнь счастливым семьянином. На самом деле это было не так.

При первом знакомстве с арктическими льдами на „Вингте“ у него уже зародилась мечта о путешествии к северному полюсу. Во время Гренландской экспедиции мечта эта принимала все более и более определенный характер. Шагая со Свердрупом по материковому льду, он подробно развивал ему свой план и увлек его до того, что Свердруп тогда же обещал непременно ехать вместе с ним.

Святаясь за Еву Сарс, он поставил условием, что ни один из них ни в чем не должен стеснять другого. Сделав-

шись его женой, она будет продолжать давать уроки, петь в концертах, заниматься своим любимым искусством.

— А я,—сказал Нансен,—я поеду к северному полюсу!

— Как это вы не отговорили мужа от такого опасного предприятия?—спрашивали у нее впоследствии.

— Разве это возможно было? — отвечала она. — Ведь это была его давнишняя мечта! Я знала, что он не будет счастлив, пока не достигнет своей цели!

СРЕДИ НОЧИ И ЛЬДА.

Среди ночи и льда.

I.

Северный Ледовитый океан с давних пор привлекал смелых мореплавателей. Начиная с X века, норвежские удалыцы неутомимо боролись с полярными льдами; они открыли Исландию, пробились сквозь льдины к берегам Гренландии и населили ее. Китоводы и тюленепромышленники, ради собственных практических целей, исследовали северные моря и положили пути ученым путешественникам, которые отправлялись в страны вечных льдов исключительно из любознательности, из стремления расширить область человеческих знаний. Негостеприимно встречал Север непрошенных гостей: необозримые ледяные поля заграждали их путь; громадные льдины с шумом и треском надвигались на их суда; мертвящий холод уничтожал всякую жизнь вокруг них; полярная ночь окутывала их тьмою; корабли затирало льдами; люди гибли от холода, голода и болезней. Но это не останавливало смельчаков, и на смену павших жертв постоянно являлись новые борцы.

Исследования Ледовитого океана велись с двух сторон: с запада, у северных берегов Америки, и с востока, у берегов Сибири. На западе Байлот и Баффин открыли Баффинов залив в конце XVI-го века, а несколько лет спустя Гудзон открыл пролив, названный его именем; но только во второй половине нашего столетия исследован был архипелаг, окружающий с севера материк Америки, и найден так назыв. «Северозападный проход», т.-е. ряд проливов, соединяющих

Атлантический океан с Ледовитым. С другой стороны, в XVI веке открыта была Новая Земля. В конце XVII-го века Беринг первый проехал по проливу, названному его именем и соединяющему Северный океан с Восточным; а Челюскин достиг самого северного пункта азиатского материка, мыса Челюскина. В 1873-м году экспедиция, снаряженная австрийским правительством на военном корабле *Тегетгоф*, открыла Землю Франца-Иосифа; а 5 лет спустя знаменитый шведский мореплаватель Норденшельд обошел вдоль всего северного берега Сибири и через Берингов пролив спустился в Тихий океан, установив таким образом сообщение через Северо-восточный проход.

Северный полюс с неудержимой силой манил к себе отважных исследователей. С начала нынешнего столетия из разных пунктов предпринимались экспедиции для открытия его. Правительства не щадили средств на эти экспедиции, частные лица жертвовали на них громадные суммы; десятки и сотни людей гибли мучительною смертью вдали от родины, среди вечных льдов и мрака арктической ночи; а цель все еще оставалась далеко впереди. В 1875 г. капитан Нэрс добрался на своем судне *Алерт* до $82^{\circ}24'$, где и остановился на зимовку; а весной один из спутников Нэрса, Маркэм добрался по льду до $83^{\circ}20'$ северной широты. Наконец, лейтенант Локвуд, участник несчастной экспедиции Грили, большинство членов которой погибло во время зимовки на севере Гренландии, в 1884 г. водрузил звездное знамя Северо-Американских Штатов на широте $83^{\circ}24'$.

Это был самый северный пункт, до которого касалась нога человека, когда в начале 1890 г. Фриттиоф Нансен прочел в Норвежском Географическом Обществе свой план новой полярной экспедиции. План этот поразил всех своею смелостью и оригинальностью. Сделав обзор предшествовавших полярных экспедиций, Нансен указал в них один общий недостаток: все оне стремились пробиться через льды, что

совершенно невозможно даже при современных усовершенствованных машинах; все они боролись с силами природы, вместо того, чтобы пользоваться ими. Та сила природы, которую он намеревался употребить в свою пользу, было морское течение. По его убеждению, существовало постоянное и довольно сильное течение, которое от Берингова пролива и Восточно-Сибирских островов направлялось к полюсу, а оттуда сворачивало к югу или юго-западу, проходило между Шпицбергом и Гренландией, отгибалось южную оконечность ее и сворачивало в Дэвисов пролив.

Вот какие факты привели его к этому убеждению. В 1881 г. пароход *Жаннета*, отправившийся к северному полюсу, был затерт льдами около Земли Врангеля; два года подвигался он со льдами на с.-з. и погиб к северу от Ново-Сибирских островов. Три года спустя несколько вещей с этого парохода принесло на плавающих льдинах к южному берегу Гренландии. В Гренландии же найден на берегу метательный снаряд, употребляемый эскимосами Аляски у берегов Берингова пролива. Кроме того, безлесная Гренландия продовольствуется исключительно тем лесом, который море прибывает к берегам ее; а весь этот лес, несомненно, принадлежит к сибирским породам. Во время своих плаваний по Датскому проливу между Исландией и Гренландией Нансен несколько раз замечал на плавающих льдинах густой слой ила. Он собирал этот ил и, по тщательном исследовании, оказалось, что он происходит из сибирских рек. Пользуясь этим-то течением, Нансен и надеялся достигнуть полюса или, по крайней мере, близких к нему областей.

Он предполагал выстроить небольших размеров, но очень крепкое судно, которое могло бы противостоять напору льда, было бы снабжено сильною машиною и могло бы ходить в то же время и под парусами. На таком судне Нансен думал начать путешествие от Берингова пролива или от Ново-Сибирских островов, стараясь подняться, на сколько возможно

дальше, на север. Судно, по всей вероятности, попадет в то течение, которое несло *Жаннету*, и застрянет во льдах. Тогда надобно укрепить его среди наиболее подходящих для этой цели льдин и предоставить им увлекать его дальше. Течение понесет его сначала на север, к полюсу, затем на юг, в Гренландию или Шпицбергену. Там судно встретит открытое море и будет иметь возможность вернуться домой. Если судно погибнет под напором льдин, люди перенесут багаж и провиант на крепкую льдину, раскинут на ней теплую палатку и предоставят льдине нести себя. Когда она вынесет их в открытое море, они пересядут в лодки и уже в них будут продолжать путь. Вся экспедиция должна занять два года; но на всякий случай следует запастись провиантом на 5 лет. Нансен допускал, что течение, уносившее *Жаннету*, идет, может быть, не прямо через полюс, а наискось, между полюсом и Землей Франца-Иосифа; но это нимало не смущало его.

— Мы вовсе не имеем в виду, — говорил он, — отыскать непременно ту математическую точку, которая образует северную оконечность земной оси, так как достижение этой точки само по себе не представляет большой важности; цель наша заключается преимущественно в исследовании великой, неизвестной части земного шара, окружающей полюс. Такие исследования будут иметь огромное научное значение, все равно, пройдет ли наш путь через математический полюс земного шара или на некотором расстоянии от него.

После этого Нансен прочел свой план экспедиции, еще более подробно выработанный и снабженный еще большим количеством научных данных, в Лондонском Географическом Обществе. Оригинальность его проекта и та слава, которою он уже пользовался за свой отважный переход через Гренландию, собрала на заседания Общества многих знаменитых путешественников и исследователей арктических морей. Нансен, по обыкновению, говорил просто, ясно, увлекательно; его слу-

шали с напряженным вниманием, но когда он кончил, против него поднялась целая буря возражений. Опытные моряки, посевшие в борьбе со льдинами и волнами, находили, что молодой мореплаватель слишком легко глядит на предстоящие ему препятствия и опасности.

— Выслушанный нами доклад по справедливости можно назвать самым фантастическим, самым сказочным из всех когда-либо представлявшихся на обсуждение нашего Общества, — говорил старый адмирал М. Клинток. Этот адмирал находил, что если даже существует то полярное течение, о котором говорит Нансен, и если судно попадет в него, оно непременно будет раздавлено льдами. Другой адмирал вовсе отрицал существование полярного течения; третий находил, что было бы крайне опасно пускаться в путь от Ново-Сибирских островов. Делали возражения против формы судна, проектируемого Нансеном: говорили, что невозможно построить судно, способное выдержать напор льдов, что экипаж не может жить в продолжение двух-трех лет среди ледяной пустыни и не погибнуть от холода, болезней, всевозможных лишений. Особенно же возражали против того, что Нансен хочет предоставить себя на произвол течения и несколько не заботится обезопасить себе отступление на случай, если его расчеты окажутся ошибочными.

Нансен горячо возражал на все эти замечания и предостережения. Он был вполне готов принимать всякия практические указания, но ни на йоту не отступил от своего плана.

— Адмирал Нэрс находит, — в заключение сказал он, — что каждая арктическая экспедиция должна обезпечить себе надежный путь отступления; а я держусь как раз противоположного мнения. Гренландская экспедиция доказала, что возможно добиться успеха и не заботясь об отступлении. Мы тогда сожгли за собой все корабли и все-таки прошли через Гренландию. Надеюсь, что счастье не покинет нас, и на этот раз, когда мы ломаем за собою все мосты.

Нансен прочел несколько рефератов о задуманном им путешествии в Ледовитый океан в различных городах Европы и всюду находил внимательных слушателей; на ряду с суровыми критиками, считавшими план его неудобноисполнимым, являлись восторженные поклонники, заражавшиеся его верою в успех предприятия.

Норвежский парламент (*стортинг*), по предложению короля, решил выдать ему на его экспедицию 200.000 крон (крона—около 50 коп.); частные лица открыли подписку и собрали остальную необходимую сумму, всего 447.340 крон. Из разных государств Европы, из С.-А. Соединенных Штатов, даже из Австралии приходили к Нансену письма от лиц, желавших принять участие в экспедиции.

Но он решил взять с собой всего 12 человек и, понятно, отдал предпочтение своим соотечественникам. Все это были люди, известные ему своим мужеством и выносливостью, большая часть—опытные, привычные моряки. Первым из них являлся Отто Свердруп, много лет плававший в качестве капитана, товарищ Нансена по Гренландской экспедиции, давнишний поверенный его задушевной мечты. Никому не доверил бы Нансен так охотно командование своим судном, как именно ему. Следующими членами экспедиции были: 1) Сигурд Скотт-Гансен, первый лейтенант норвежского флота, 2) Генрих Гreve Блессинг, врач и ботаник, 3) Теодор Клаудиус Якобсен, штурман, с 15 лет плававший по морю, 4) Антон Амундсен, машинист, 25 лет служивший во флоте, 5) Адольф Юэль, 15 лет бывший шкипером на разных судах, 6) Ларс Петерсен, ученый кузнец и машинист, несколько лет служивший в норвежском флоте, 7) Фридрих Хиальмар Йогансен, лейтенант резерва, согласился исполнять должность кочегара, чтобы только принять участие в экспедиции, 8) Педер Леонард Гендриксен, 14 лет ходивший на судах в Ледовитом океане как гарпунщик и шкипер, 9) Бернгард Нордаль, с ранних лет служил на разных кораблях, кроме того

работал по проведению электрического освещения, 10) Ивар Отто Иргенс Могштад, был раньше лесничим, затем надзирателем в приюте душевно-больных, искусный охотник, хороший механик, 11) Бернт Бентсен, много лет плывал штурманом в Ледовитом океане.

Для осуществления плана Нансена прежде всего нужно было построить судно, которое способно было бы противостоять свирепому натиску ледяных глыб. Ему посчастливилось найти опытного судостроителя, Калина Арчера, который отлично понял, что нужно Нансену, и с полным знанием дела отнесся к своей задаче. Нансен помогал ему своими указаниями и рисунками, и они вместе построили корабль, не отличавшийся красотой и быстроходностью, но в высшей степени прочный, устойчивый, приспособленный не к тому, чтобы прорываться сквозь льдины, а к тому, чтобы выдерживать напор льда. Бока судна были сильно покаты и так округлены, что льдины не могли надавливать на них, а должны были подходить под киль и приподнимать судно. Длина его по верхней палубе была около 20 саж., ширина около 6 саж., высота около $2\frac{1}{2}$. Большая часть корпуса его была сделана из крепкого итальянского дуба и американской сосны. Обшивка была тоже дубовая, тройная, так что стенки его имели больше аршина толщины; нос и корма покрыты были железною броней. Жилые помещения были устроены на нижней палубе. В середине общая каюта-салон, служившая столовой, по бокам 6 кают-спален. Все стены были обиты просмоленным войлоком, слоем пробки, обшивкой из елового дерева, еще толстым слоем войлока, затем линолеумом, не пропускавшим сырости, и, наконец, дощатой обшивкой. Потолок салона и кают состоял из подобных же слоев и имел около $\frac{1}{2}$ аршина толщины. Пол был устроен таким образом: на доски положен слой пробки, затем толстые деревянные доски и линолеум. Палубное окно было защищено от холода тройными рамами; в спальнях окон не было.

Перед салоном находилась кухня, и по обеим сторонам ее устроен был ход на верхнюю палубу. Для защиты от холода на каждой из лестниц по сторонам кухни устроены были по четыре маленькие, толстые двери из нескольких слоев дерева и войлока. Наверху, над кухней, помещалась еще одна небольшая рабочая каюта. Все судно освещалось электричеством.

Лодок на судне было восемь. Две очень большие, в которых, в случае гибели судна, мог бы плыть весь экипаж; четыре поменьше, того сорта, который употребляется тюлене-промышленниками; один маленький челнок и один бот с керосиновым двигателем.

В конце 1892 г. судно было спущено на воду. Из Христиании собралось множество приглашенных присутствовать при этом торжестве. Утро было холодное, туманное. Гости, приглашенные на торжество, собрались на промысловом судне, стоявшем в гавани. На берегу, обращенный кормою к морю, стоял новый, широкий корабль, выкрашенный внизу черной, а повыше белой краской. На палубе его возвышались три флагштока: на двух уже развевались флаги, на третьем должен был подняться флаг с именем корабля. Тысячи людей собрались вокруг верфи ¹⁾ Арчера и вскарабкались на окружающие ее скалы. На подмостки, устроенные около носа корабля, поднялся Нансен с женою. Она подошла к носу корабля, сильным ударом разбила о него бутылку с шампанским и произнесла громким, ясным голосом:

— *Фрам* (Вперед) имя ему!

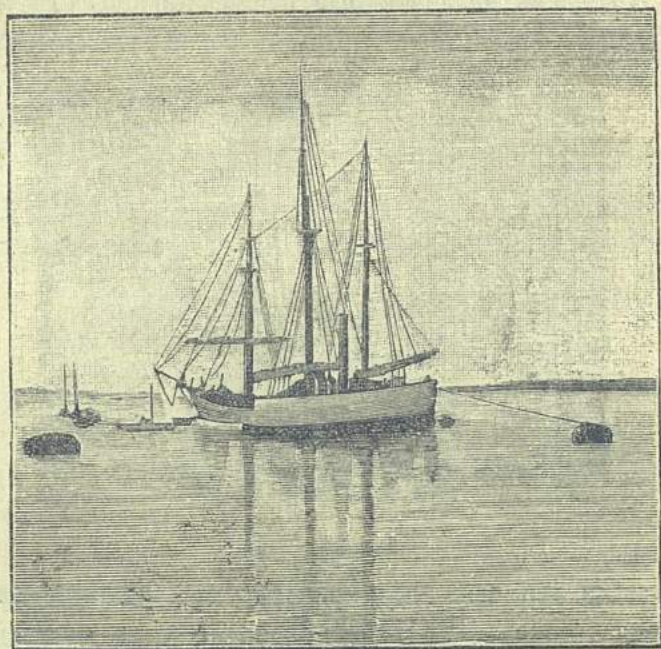
В ту же минуту на пустом флагштоке взвился красный флаг с именем корабля; быстро обрубili канаты и подпорки; тяжелое судно начало скользить по наклону сначала медленно, затем все быстрее, коснулось кормою воды и стало садиться все глубже и глубже. Одну минуту всех охватил страх, как бы оно не пошло ко дну или не село на мель. Но как только нос судна коснулся воды, оно выпрямилось, корма под-

1) Сооружение для постройки и починки судов.

нялась, и корабль плавно двинулся вперед. С берега раздались салюты орудий и дружное „ура“. Фритноф Нансен продолжал стоять на подмостках рядом с женой; а корабль спокойно, уверенно неся по серебристым волнам моря.

Приготовления к экспедиции продолжались. *Фрам* нагружали запасами, рассчитанными на пять лет плавания: каменный уголь, керосин и минеральное масло для топлива, масса всевозможных пищевых консервов, хлеба, морских су-

Фрам.

харей, муки, крупы, масла, чая, сахару, кофе, табаку и пр., приборы для производства научных наблюдений, инструменты для всевозможных работ, какие предполагалось производить на корабле, приспособления для ловли животных и собирания растений, запасные доски и бревна и проч. и проч., все это в течение зимы и весны свозилось на судно и размещалось на нем. Каюты меблировали не роскошно, но

удобно; по стенам развесили картины, устроили очень недурную библиотеку из книг, присланных разными книгопродавцами, и из собственных книг членов экспедиции.

От'езд был назначен на 24-ое июня. Утро было пасмурное, хмурое, шел мелкий дождь. *Фрам* стоял на якоре в гавани Христиании, готовый к отплытию. Почти все члены экспедиции собрались на нем с раннего утра. Маленькие пароходики и лодки, проезжая мимо него, салютовали ему; пассажиры с них махали зонтиками и шляпами в знак прощания.

В 11 часов назначен был от'езд. Корабль окружила целая флотилия всевозможных лодов, ботов, гичек, яхт и па-

Дом Нансена.

роходов; все эти суда были разукрашены цветами и ветвями серебристого тополя. На набережной собралось несколько тысяч зрителей. Все было готово к отплытию, не было только Нансена; он прощался с родным домом, с любимой женою, с крошкою-дочерью и, очевидно, не легко ему было оторваться от них, быть-может, на вечную разлуку!

„Одиноко прошел я в последний раз через сад на набережную, около которой уже стоял маленький паровой бот *Фрама*,—пишет он в своем дневнике.— За мной оставалось все, что мне было дорого в жизни. А что ждало меня впереди?.. И сколько пройдет лет, прежде чем я снова увижу

все это? Чего бы ни дал я в эту минуту, чтобы иметь возможность вернуться! Наверху в огне сидела Лиф, моя дочурка, и хлопала в ладоши. Счастливое дитя! она не подозревает, как удивительно сложна и изменчива жизнь!“

Стрелой пронесся маленький пароходик к гавани, и Нансен перешел на *Фрам*. Он был так страшно бледен и взволнован, что друзья, собравшиеся на корабле проводить его, несколько минут не решались заговаривать с ним.

Подняли якорь, и тяжело нагруженное судно медленно двинулось вдоль бухты. На набережной толпа народа махала шляпами и платками; несколько яхт и паровых катеров провожали судно. *Фраму* пришлось проехать мимо того мыса, на котором стоял дом Нансена.

„В подзорную трубу я заметил белую фигуру, чуть-чуть выделявшуюся на скале под елкой,—говорит Нансен.—Это была самая тяжелая минута во всем моем путешествии“.

II.

Медленно рассекая волны, двинулся *Фрам* вдоль берега Норвегии; ему пришлось зайти в несколько портов, где груз его был увеличен еще разными необходимыми вещами, и выдержать довольно сильный шторм, так что только 21-го июля, почти через месяц по отплытии, экспедиция сказала последнее прости родине. От порта Варде *Фрам* пошел на северо-восток, к Новой Земле. Сильный туман помешал пристать к острогу и поохотиться на нем, как рассчитывал Нансен; пришлось направить судно на юго-восток, к Югорскому проливу. Туман все не рассеивался, „этот бесконечно тягучий туман Ледовитого моря“, как его называет Нансен.

Когда он опускает свою завесу и скрывает от глаз синеву небес и синеву моря, и когда изо дня в день ничего не видишь кругом, кроме серого, мокрого тумана, тогда приходится напрягать все душевные силы, чтобы противодействовать его давящим, холодным об'ятиям. Туман и только

туман, куда бы мы ни обращали взгляды! Туман садится на такелаж и капает с него на палубу. Он ложится на наши платья и насквозь пронизывает их сыростью. Он ложится на душу и ум, и все кажется сырым в этом сыром тумане.

На другой день к этому присоединились еще значительные массы льда, среди которых *Фраму* приходилось лавировать, и только 30-го июля путешественники вдали увидели остров Вайгач, а затем и низкий берег материка. Здесь Нансену надобно было остановиться. Приготовляясь к экспедиции, он решил, что не худо на всякий случай запастись эскимосскими собаками.

В конце 1892 г. С.-Петербургская Академия Наук снарядила экспедицию на Ново-Сибирские острова и побережье Ледовитого океана, под начальством барона Толя. Нансен обратился к барону с просьбою закупить для него хороших ездовых собак и поместить их в каком-нибудь прибрежном пункте Сибири. Посоветовавшись с опытными людьми, барон Толь нашел, что таким пунктом всего удобнее избрать местечко Хабарово на Югорском Шаре, так как мимо него *Фраму* во всяком случае придется пройти. Он поручил закупку и доставку собак Тронтейму, много путешествовавшему по Сибири и от души сочувствовавшему предприятию Нансена. Тронтейм еще зимой закупил собак в Березове и с нетерпением ждал *Фрама*.

Заметив на море пароход, он взял самоедскую лодку и отправился на встречу ему. Когда он подъехал к пароходу и назвал свое имя, его тотчас же приняли на палубу, и к нему подошел высокий, энергичный на вид человек в замасленной рабочей куртке. Тронтейм подумал, что это один из матросов, и очень удивился, узнав, что это сам Нансен. Нансен принял его любезно, расспросил о состоянии льда в Карском море и тотчас же отправился вместе с ним на берег осматривать собак.

Хабарово—село на берегу пролива; в нем немного постоянных жителей, но туда обыкновенно приезжают русские купцы, ведущие торговлю с туземцами, и прикочевывают самоеды для промена звериных шкур и мехов на водку и разные жизненные припасы. *Фраму* пришлось простоять около Хабарова несколько дней, поджидая норвежскую шбуну *Уранию*, которая должна была подвезти запас угля. Нансен воспользовался этим временем, чтобы сделать экскурсию на своем паровом катере и лично ознакомиться с положением льда в проливе. При этом он не упустил случая поохотиться и пособирать минералы на берегу.

„Мы пристали,— рассказывает он,—к маленькой бухте, вытащили лодку на берег, а сами отправились с ружьями за плечами внутрь страны к холмам, которые раньше заприметили. По равнине расстился темнозеленый ковер из мха и травы, переплетенной удивительно красивыми цветами. Во время долгой, холодной сибирской зимы огромные массы снега накаплиются на поверхности тундр. Солнце еще не успеет справиться с ними, как уже сквозь рыхлый слой снега пробивается множество маленьких северных цветков, стыдливо открывающих свои чашечки под лучами летнего солнца, которое заливают ярким светом равнину. Большие цветы камнеломы, беловато-желтый полевой мак виднеются целыми блестящими группами; там и сям выглядывают голубые незабудки и белые цветочки морошки. На некоторых болотистых местах растет какая-то пушистая трава, образующая пуховый ковер; на других возвышаются рощицы синих колокольчиков, тихо качающихся на своих тонких стебельках. Все это незидные цветочки, некоторые поднимаются всего на один-два дюйма от земли, но тем милее кажутся они, и в такой обстановке красота их особенно привлекательна. Здесь, где глаз напрасно ищет на поверхности бесконечной равнины чего-нибудь, на чем он мог бы отдохнуть, застенчиво выглядывающие чашечки цветов улыбаются ему и приговывают его к себе“.

Собаки, закупленные Тронтгеймом, оказались здоровыми, сильными животными; они были на привязи в огороженном пространстве в некотором расстоянии от села и производили раздражающий уши гам. Некоторые собаки были настоящие сибирские, с длинною, ослепительно-белою шерстью, стоячими ушами и острым рылом, другие черные или пятнистые. Все оне с жадностью глотали сырую рыбу и при этом страшно дрались.

Решено было попробовать, как они ходят в упряжи. Тронтгейм выбрал десять собак и запряг их в самоедские сани, которые в этой местности служат и летним экипажем. Собачья упряжь очень проста: толстая веревка или ремень обвязывается вокруг спины и живота животного и прикрепляется сверху бечевкой к ошейнику. Возжи подвязываются под животом и проходят между ног животного. Вот как описывает Нансен свое первое катанье на собаках:

„Едва мы были готовы, и я успел сесть в сани, как наша свора увидела какую-то несчастную пришлую собаку, подошедшую слишком близко, и тотчас же бросилась на нее, забывая о саниах, в которых находилась моя драгоценная особа. Произошла адская сумятица. Все десять собак бросились на одну, точно волки, стараясь растерзать ее. Кровь лилась, и провинившаяся отчаянно визжала в то время, как прибежавший со всех ног Тронтгейм колотил своею длинною палкою направо и налево. Самоеды и русские сбежались с криками со всех сторон; а я сидел в саниах, как зритель, онемев от ужаса. Прошло не мало времени, прежде чем я сообразил, что и для меня найдется дело. Тогда я с диким криком бросился на некоторых главных забияк, схватил их за шиворот и таким образом дал грешнице возможность спастись бегством. Наша упряжка совершенно запуталась во время битвы, и пришлось долго возиться, чтобы привести ее снова в порядок. Наконец, все было готово к отъезду. Тронтгейм ударил бнутом, крикнул: „Пррр! пррр!“ — и мы бешено помчались

через траву, глину и камни пока, наконец, нам не стала угрожать опасность, попасть в воду, в устье реки. Тогда я уперся ногами в землю, чтобы задержать бег собак, но они поволокли меня за собой. С большими усилиями удалось мне и Тронтгейму остановить собак, как раз у самой воды, хотя наши крики „зас, зас!“ (стой, стой) раздавались по всему Хабарову. Наконец, мы повернули собак в другую сторону, и они пустились бежать так скоро, что мне приходилось заботиться об одном, как бы усидеть в саних. Это было удивительное катанье, и мы прониклись уважением к силе собак, увидев с какою легкостью они везли двух человек по этой, мало сказать, скверной дороге. Довольные вернулись мы на судно, узнав на опыте, что езда на собаках требует, по крайней мере, в начале, порядочного терпения“.

Между тем на *Фраме* шла деятельная работа: чистка котлов, исправление труб, починка катера с керосиновым двигателем, машина которого сломалась во время рекогносцировочной поездки Нансена, перегрузка угля из трюма в каюгарную. Эти работы исполнялись всеми членами экспедиции без различия между простым матросом и капитаном; и Нансен, и доктор принимали равное участие в общем труде.

„Я навсегда уронил свою репутацию в глазах русских и самоедов этой области,—шутливо замечает по этому поводу Нансен. — Некоторые из них приезжали на корабль и видели меня в рубашке, работающего изо всех сил, в поте лица, выпачканного машинным маслом и разною другою грязью.

Я после говорили Тронтгейму, что невозможно, чтоб я был важным господином, когда я тружусь на судне, как простой работник, и выгляжу, как бродяга. Тронтгейм, к сожалению, ничего не мог привести в мое оправдание, так как трудно спорить против очевидности“.

Урания все не приходила, и Нансен решил двинуться в путь, не ожидая ее, так как запасов угля было на пароходе и без того достаточно, а ветер дул благоприятный.

Скотт-Гансен. Блессинг.
Могштад. Якобсен, Юэль.
Амундсен. Иогансен. Нордаль.
Гендриксен. Петерсен.

УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ

3-го августа перевезли собак на пароход и привязали их на палубе; члены экспедиции распрощались с Тронтеймом и норвежцем Христофорсеном, провожавшим их до этого пункта, и послали свои последние письма к родным и знакомым. В 12 часов ночи *Фрам* дал отходный свисток и направился к выходу в открытое море. Нансен ехал впереди на паровой шлюпке, чтобы делать промерку глубины и вывести пароход из пролива. Туман часто был так густ, что с *Фрама* не различали шлюпки, а с шлюпки не видели *Фрама*. Машина шлюпки действовала плохо, и шлюпка несколько раз останавливалась. Нансен стал смазывать машину маслом; но в это время шлюпку подняло волной, масло разлилось и загорелось. В один момент вся кормовая палуба, на которой и раньше пролито было не мало масла, превратилась в сплошной огонь. Платье Нансена тоже загорелось. Он побежал на нос, чтобы потушить его, а в это время загорелось ведро, до краев наполненное маслом. Нансен схватил его и вылил горящее масло в море, причем, конечно, сильно обжег себе руки. После этого он стал заливать водою палубу, и ему удалось погасить огонь, прежде чем он успел причинить большой вред судну.

В 4 часа утра *Фрам* вступил в Карское море и направился к полуострову Ялмалу. В море было много льда, но вблизи берегов находился открытый проход, по которому *Фрам* довольно свободно подвигался сначала на юго-восток, затем на север. Берег Ялмала плоский и низменный; охотникам удалось подстрелить на нем несколько бекасов и уток; но кроме этого никаких ни птиц, ни зверей в этой печальной пустыне они не видели. На песке заметны были следы оленей, вероятно, ручных, принадлежащих пригочевывающим сюда самоедам.

Пока *Фрам*, задержанный густым туманом, стоял около берегов полуострова, к нему подъехали на лодке два статных самоеда. Они старались знаками объяснить, что кочуют не-

далеко от этого места где-то на севере. Их радушно угостили, одарили, и они уехали вполне довольные. Это были последние люди, с которыми виделся экипаж *Фрама*.

У северного берега Ялмала полоса льда несколько отодвинулась, и пароход мог взять курс прямо на север. Впрочем, это продолжалось недолго. Перед носом парохода снова появилась ледяная стена; приходилось подвигаться на восток, лавируя между нею и берегами разных небольших островов, рассеянных в этой части моря. Некоторые из этих островов были отмечены на картах прежних путешественников, но большинство являлось для экспедиции настоящим сюрпризом. Один из островов назван был островом Свердруп, так как Свердруп первый заметил его, высматривая моржей на льдинах; группа из семи небольших островов получила название островов Скотт-Гансена; один остров Нансен назвал в честь президента Английского Географического Общества, Мэркюма, другой—в честь норвежского профессора Мона, и проч. Большинство этих островов были очень низки и имели круглую форму, но некоторые представляли скалистые берега, изрезанные фиордами. Ни одна из карт, составленных исследователями, ранее посещавшими эти страны, не могла служить для них указанием; все оказывались неверными. Да и не удивительно: туман, тот „тягучий туман Ледовитого океана“, на который раньше жаловался Нансен, почти все время заволакивал небо и спускался густою пеленою на всю окрестность. Изредка прорывались сквозь него лучи солнца, изредка можно было с вахтенной бочки *) окинуть глазом широкий горизонт. Противный ветер, не раз переходивший в настоящий шторм, задерживал движение судна, и оно медленно подвигалось вперед; не мало искусства требовалось, чтобы безопасно лавировать между полосой льда и разными островами, нередко обруженными отмелями.

---

*) Клетка, привешиваемая наверху самой высокой мачты. В этой клетке сидит часовой, или вахтенный.

Единственным утешением среди этого трудного и скучного плаванья являлась для членов экспедиции охота. Нансен, как страстный охотник, не упускал случая пополнить свежим мясом запасы провизии, имевшиеся на *Фраме*. Проезжая к югу от Кьельманских островов, открытых Норденшельдом, они заметили группу мелких островов, не отмеченных на его карте, и на одном из них вахтенный увидел целое стадо оленей. Тотчас решено было бросить якорь и подъехать к берегу на лодках. На острове, действительно, оказалось не одно, а несколько стад оленей; но они были крайне пугливы и при малейшем шорохе быстро перебежали с места на место. Наконец, охотники выследили одно стадо, мирно пасшееся по равнине, и решили, образовав длинную цепь стрелков, осторожно подвигаться вперед, чтобы окружить его.

„Море лежало передо мной прекрасное и спокойное, — описывает Нансен. — На горизонте солнце только что скрылось в волнах. Небо зарделось, и я невольно приостановился: среди такого великолепия человек продолжает свое разбойничье преследование зверей!“

Но, несмотря на это рассуждение, страсть охотника овладела им. От того места, где он стоял, шла неглубокая рывтина, по которой можно было незаметно подкрасться к оленям. Он спустился в нее и пополз по ней сначала на четвереньках, а когда она стала еще мельче, прямо на животе. Дно рывтины состояло из мокрой глины, вода просачивалась сквозь одежду его, он был весь залеплен грязью; но не это смущало его, а то, что по мере приближения его олени все больше удалялись; приходилось ползти все дальше и дальше, а между тем сумерки быстро сгущались. Наконец, он подполз к оленям настолько близко, что мог дать выстрел: опять беда! темнота помешала ему прицелиться, он промахнулся, и олени отбежали в сторону. Опять приходилось ползти на животе, теперь уж прямо по дну ручейка, встретившегося на пути. Из цепи стрелков раздался выстрел, но он тоже не задел

олений, и они благополучно спаслись бегством. Товарищи скоро ушли к лодкам, но Свердруп остался с Нансеном, и они всю ночь вдвоем выслеживали и преследовали оленей, с трудом преодолевая усталость и сонливость. Только к утру удалось им, наконец, застрелить двух оленей. В это время к ним подошли Иогансен и Гендриксен, которым между тем удалось подстрелить медведя. Надобно было доставить добычу на пароход и скорей двигаться дальше, пока погода была хороша. Свердруп поспешил на *Фрам* готовить его к отплытию, а Нансен с Гендриксеном и Иогансеном остались, чтобы перевезти убитых зверей. Оказалось, что это было почти труднее, чем поймать их. Когда они с тяжелыми шкурами и кусками мяса на плечах подошли к своей лодке, начался прилив, а вместе с тем усилился и бурун. Лодка лежала на боку и была наполнена водой. Все пожитки охотников, их ружья, хлеб, взятый ими с собой,—все было в воде. Не мало труда стоило повернуть лодку, вылить из нее воду и втащить в нее мясо и шкуры; но грести против ветра и течения было еще тяжелее. Они гребли так, „что пальцы чуть не лопались у нас“,—говорит Нансен,—и едва подвигались на несколько шагов. Казалось, *Фрам* стоит совсем близко, а между тем они едва добрались до него.

Фрам продолжал то под парами, то под парусами двигаться на северо-восток, при чем ему беспрестанно надо было обходить острова и льдины, на которых лежали целые стада тюленей. Зима быстро надвигалась. Около Таймырова острова Нансен со Свердрупом сошли на берег, чтобы поискать оленей. Земля была покрыта гладким толстым слоем снега, по которому легче было бы пробираться на лыжах, чем пешком. Перелетные птицы почти все уже улетели, незаметно было следа ни одного животного. Грустно было видеть, как миновало короткое северное лето.

9-го сентября лед к северу от материка сделался рыхлее, так что *Фрам* под парами и парусами мог пробиться через

него и пойти быстрым ходом по открытой воде. К вечеру он дошел до самой северной оконечности материка и утром миновал, наконец, мыс Челюскин.

„Я сидел вечером на палубе—рассказывает Нансен—и смотрел на север. Страна была плоская и пустынная. Солнце давно уже закатилось в море, и вечернее небо озарилось золотистым сиянием. Как было пустынно и тихо над водой! На небе виднелась одна только звезда; она стояла как раз над мысом Челюскиным и ярко, но как-то грустно блестела на бледных небесах. Она как-будто следовала за нами. Я не мог не смотреть на нее,—она странно притягивала мои взоры и успокаивала меня. Не была ли это *моя* звезда, очи родины, следящие за нами и улыбающиеся мне теперь?.. К утру мы достигли пункта, считающегося самым северным мысом. Мы поплыли к земле, подняли флаги и употребили три патрона для салюта, далеко разнесшегося в море. В этот самый момент взошло солнце“.

Вечером на *Фраме* был праздник в честь мыса Челюскина. В ярко освещенном салоне подали фрукты и сигары; Нансен провозгласил тост: „За здоровье присутствующих и Челюскина!“ Затем занимались музыкой и веселыми разговорами.

III.

От мыса Челюскина Нансен решил идти прямо к Ново-Сибирским островам; но ему опять-таки пришлось держаться около берега, так как на некотором расстоянии от него шла широкая полоса крепкого старого льда, через который *Фрам* не мог пробиться. Между этой полосой и материком был довольно широкий проход, по которому судно двигалось беспрепятственно. На льду часто попадались моржи, и путешественники не упускали случая поохотиться за ними.

„Около шести часов, — записывает Нансен в своем дневнике, — меня разбудил Гендриксен известием, что на льдине у самого судна лежит множество моржей. Я вскочил и в одну

минуту был уже одет. Стояло чудное утро, прекрасная, тихая погода. Можно было издали расслышать сопение моржей. Звери лежали вместе на льдине; за ними блестили на солнце голубые горы. Гарпуны были наточены еще раньше, ружья и патроны готовы; Гендриксен, Юэль и я отправились. Дул слабый южный ветер, и мы стали грести к северу, чтобы обойти зверей и подплыть к ним с подветренной стороны. По временам животное, стоявшее на страже, поднимало голову, но, кажется, не видело нас, и мы плыли дальше. Скоро мы подошли так близко, что должны были грести очень осторожно. Юэль сидел на руле, Гендриксен стоял впереди наготове, с гарпуном в руках, а я позади него с ружьем. Как только сторожевое животное поднимало голову, мы переставали грести и оставались неподвижными, а затем, когда голова животного опускалась, снова принимались за весла и двигались вперед. Звери лежали очень плотно друг к другу, на маленькой льдине, старые и малые, в одной куче. Тут были настоящие мясные колоссы. Изредка какая-нибудь самка помахивала хвостом и затем снова успокаивалась, лежа на спине или на боку. Мы подвигались все осторожнее; я держал ружье наготове, а Гендриксен крепко сжимал рукоятку гарпуна. В тот самый момент, как лодка коснулась льдины, гарпун засвистал в воздухе, но попал слишком высоко и отскочил от упругой кожи зверя. Все общество зашевелилось. Десять - двенадцать отвратительных голов сразу обратились в нашу сторону; горы мяса поворачивались с удивительною быстротой; моржи, с поднятыми головами и глухим ревом, переваливаясь, подошли к краю льдины, у которой мы находились. Я прицелился и выстрелил в одну из самых больших голов. Зверь зашатался и упал вперед, в воду. Затем и второму зверю была послана пуля в голову; он также свалился, но еще некоторое время продолжал, хотя с трудом, барахтаться в воде. Тогда все общество бросилось в воду, так что брызги разлетелись во все стороны. Все это произошло в продолжение нескольких

секунд. Скоро звери снова показались вокруг лодки. Головы, одна другой отвратительнее, высывались из воды; детеныши были тут же. Звери стоймя стояли в воде, ревели и шумели так, что воздух дрожал; бросались из стороны в сторону, кричали и оглашали пространство новым ревом. Они кружились и исчезали в воде со страшным шумом, а затем снова появлялись на поверхности. Вода пенилась и точно кипела кругом на большом пространстве, как-будто безмолвным до сих пор ледяным миром внезапно овладел припадок бешенства. Каждую минуту можно было опасаться, что глык одного или нескольких моржей прорежет лодку или поднимет ее и подбросит на воздух“.

К счастью, ничего подобного не случилось, и охотники благополучно вернулись на *Фрам* с богатой добычей.

15-го сентября полоса льдин, загромождавшая до сих пор вход в открытое море, оказалась менее сплошной; лед, составлявший ее, был более рыхл, и *Фраму* удалось пробиться сквозь него. Три дня шел он без всякой задержки на северо-восток; льда нигде не было видно, погода стояла довольно теплая.

18-го числа Нансен писал в своем дневнике:

„Наступает решительная минута. В 12 час. 15 мин. мы берем курс на северо-запад. Теперь должно определиться, верна ли моя теория, т.-е. найдем ли мы несколько севернее отсюда течение, направляющееся дальше к северу. До сих пор все шло лучше, чем я ожидал. Мы находимся под 75°30' северной широты, и к северу, и к западу от нас открытая вода и темное небо. Странное чувство испытываешь, плывя темною ночью в неизведанные страны, по волнующемуся морю, по которому еще никогда ни носилось ни одно судно, ни одна лодка“.

Следующие два дня путешествие шло также благополучно. То течение, о котором мечтал Нансен, и попутный

ветер быстро гнали *Фрам* на северо-запад; льда нигде не было видно. У экипажа явились самые радужные надежды.

— Дома, в Норвегии, и не подозревают, что мы идем в открытом море прямо к полюсу! — с восторгом говорил Гендриксен.

Свердруп вспоминал, что читал где-то об открытом полярном море, окружающем полюс, и уверял, что существование такого моря вполне правдоподобно.

Разочарование настало слишком скоро. 20-го сентября день был туманный. Нансен сидел у себя в каюте и, рассматривая карту, соображал удастся ли им также благополучно дойти до 78° широты, как вдруг судно неожиданно повернуло в сторону. Он бросился на палубу, перед ним, просвечивая сквозь туман, лежало широкое, сплошное ледяное поле. Пришлось повернуть на запад и плыть вдоль окраины льдов. 21-го числа целый день лежал густой туман, скрывавший от глаз всю окрестность. 22-го туман рассеялся, выглянуло солнце, и при его свете путешественники увидели, что и на север и на запад от них тянется сплошной лед; на юге тоже виднелся лед, а вокруг судна плавали отдельные ледяные глыбы.

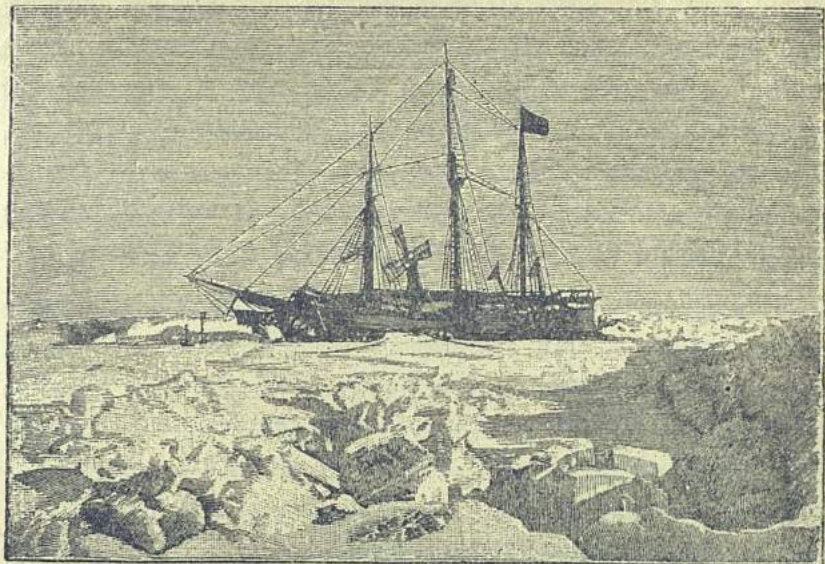
Прежние арктические путешественники всегда считали необходимым держаться вблизи какого-нибудь берега. Но для Нансена этого было не нужно; так как он хотел попасть в среду плавучих льдов и двигаться вместе с ними, то для него было важно зимовать в таком месте, где море было глубоко, и где ничто не задерживало движения льдов. На таком именно пункте находился *Фрам*, и потому решено было прикрепить судно к большой крепкой льдине, спустить паруса, остановить машину и ждать, что пошлет судьба.

Между тем льдины, плававшие сначала около судна отдельными глыбами, стали соединяться; между ними появился слой рыхлого снега, который крепчал с каждым днем. Скоро сплошной лед окружил со всех сторон *Фрам*, и сделалось вполне очевидно, что судну не освободиться от него. Полярная

зима наступала: солнце с каждым днем стояло все ниже и ниже над горизонтом, по ночам морозы доходили до 25°.

Экипаж начал готовиться к зимней стоянке. Руль подняли наверх, чтобы его не раздавило напором льда, вычистили котлы, убрали уголь, разобрали по частям машину, вычистили ее и смазали маслом. Над этим больше всех трудился Амундсен; он возился с машиной, точно с ребенком, с утра до поздней ночи просиживал он около нее, ухаживая за ней. Когда другие подсмеивались над ним, он полуворчливо говорил:

Фрам, затертый льдами.

„Болтайте себе, что хотите, — мне все равно; а лучше нашей машины нет на свете, и нам было бы стыдно и грешно не заботиться о ней!“

Все прочие арктические экспедиции, которым приходилось проводить долгую зимнюю ночь закованными среди льдов, страдали, кроме голода, холода и болезней, от невыносимой скуки; вследствие этой скуки являлись ссоры, взаимные обвинения, общее недовольство. Ничего подобного нельзя было ожидать на *Фраме*: здесь у каждого было свое дело, то, к

которому он был наиболее способен; некоторые же работы отправлялись сообща, при чем никто не гнушался никаким трудом, и Нансен, Свердруп, Блессинг таскали уголь из трюма в кочегарню так же усердно, как Петерсен и Гендриксен. На судне устроили разные мастерския: столярную, механическую, кузнечную; а когда оказался недостаток в канатах, то на льду завели большую канатную мастерскую. Затем приступили к постройке ветряной мельницы, которая должна была приводить в движение машину, доставлявшую электрический свет. Мельница была помещена на верхней палубе, около большого люка, и устройство ее заняло несколько недель времени; а когда она, наконец, была готова, приходилось опять-таки не мало возиться с нею, управлять ею, ставить ее по ветру и т. п. Если ветер усиливался, кому-нибудь надобно было влезать наверх и спускать ее крылья, что при зимних холодах было далеко не приятное занятие.

В кузнице работал Ларс Петерсен, который занимался и жестяными работами. Амундсену беспрестанно приходилось изготовлять то тот, то другой инструмент; Могштад взял на себя главную заботу о собаках, кроме того, он проверял и чистил термометры и часы; Юэль был поваром; научные наблюдения делали Нансен, Скотт-Гансен и Йогансен. Особенный интерес возбуждали астрономические наблюдения, посредством которых Скотт-Гансен определял, на какой широте находится судно. Во время этих наблюдений большая часть экипажа толпилась в его каюте: всякому хотелось поскорей узнать, как далеко подвинулось судно со своими льдинами, и в какую сторону увлекает его течение. Если оказывалось, что оно хотя медленно, но движется на север, все радовались и мечтали о том, как далеко могут они уйти в течение зимы; при всяком повороте на юг—лица вытягивались.

Всего меньше работы по своей специальности находил доктор, так как на *Фраме* все пользовались отличным здоровьем. Со скуки он принялся лечить собак, а людей только

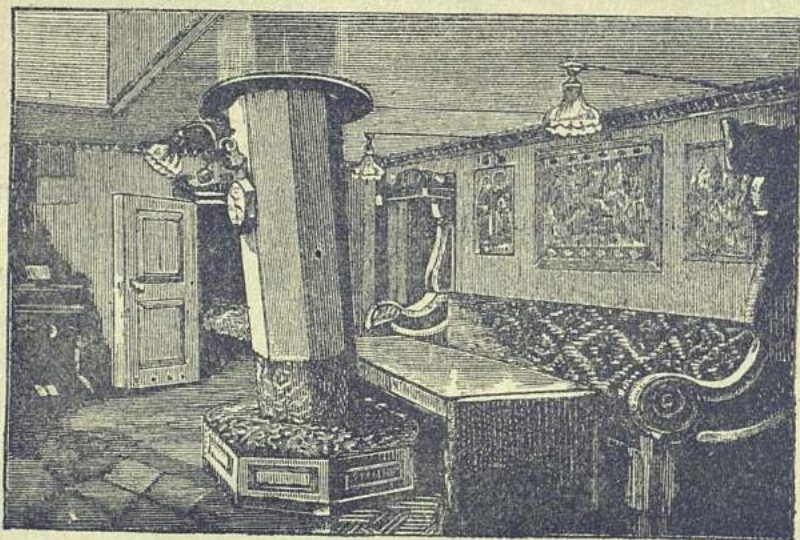
взвешивал раз в месяц, да делал наблюдение над их кровью; эти наблюдения также очень занимали всех: всякому хотелось знать, не ослабел ли его организм, не грозит ли ему скорбунт, мучительная болезнь, которой до сих пор не избежала ни одна из полярных экспедиций.

Время проходило на *Фраме* довольно однообразно: в восемь часов все вставали и завтракали; завтрак состоял из чая, кофе или шоколада, к которым подавали сухари, сыр, консервы ветчины, солонины, баранины и т. под., а в виде десерта овсяный хлеб с желе или мармеладом. Три раза в неделю был свежеспеченный хлеб, иногда какие-нибудь пироги. После завтрака члены экспедиции, взявшие на себя заботу о собаках, несли им корм, состоявший из половины трески для каждой собаки и из собачьих пирогов. Остальные занимались каждый своей работой. Все поочередно дежурили в кухне, помогая повару. Некоторые ходили на льдины погулять на свежем воздухе и в то же время исследовать состояние льда. В час все собирались к обеду, за которым подавалось три кушанья: суп, мясо или рыба и десерт. К мясу подавался обыкновенно картофель или какая-нибудь зелень. После обеда курильщики отправлялись в кухню, так как табак в каютах допускался только в торжественных случаях. После небольшого послеобеденного отдыха все снова принимались за работы. В шесть часов дневной труд считался поконченным, и подавался ужин. Ужин был приблизительно такой же, как завтрак, но в виде напитка за ужином подавался чай. Курить опять ходили в кухню, а в салоне проводили время за чтением книг, которыми *Фрам* был достаточно снабжен. Часу в 9-м появлялись карты или затевалась какая-нибудь другая игра, которая иногда затягивалась до полуночи. Кто-нибудь играл на гармонiuме, или Иогансен приносил свою гармонику и наигрывал на ней разные пьески. Около 12 часов все отправлялись по своим койкам, исключая вахтенного. Каждый обязан был простоять час на вахте. Вахтенный

должен был производить метеорологические наблюдения, вы-
сматривать медведей и вести дневник всего, что случалось
во время его дежурства.

29-го сентября однообразие жизни было прервано празд-
ником: это был день рождения доктора Блессинга, и кроме
того, в этот день наблюдения показали, что *Фрам* находится
на 79° северной широты. В честь этих двух событий к обеду
приготовлено было лишнее кушанье, за обедом играла музыка,
после обеда подавался кофе и десерт, за ужином было земля-
ничное мороженое и грог из лимонного сока со спиртом.

Салон на *Фраме*.

Провозглашали тосты за новорожденного и за 79° широты,
высказывали пожелания, чтобы этот первый градус, пройден-
ный *Фрамом* с помощью льдов, был первым из числа многих
других.

С самого отъезда из Хабаровова собаки оставались при-
вязанными на палубе парохода и вели очень печальное
существование. Во время шторма волны обгачивали их и
бросали из стороны в сторону: они страдали морской болез-
нью, чуть не задыхались в своих ошейниках и должны были,

как в хорошую, так и в дурную погоду, лежать на одном месте, без всякого движения, кроме беганья взад и вперед, насколько позволяла цепь. Когда *Фрам* окончательно засел во льду, решено было спустить собак с судна. Они просто обезумели от радости: бегали взад и вперед, с громким лаем прыгали по льду, барахтались в снегу. Лыдина, недавно казавшаяся такой пустынной и уединенной, вдруг ожила, наполнилась гамом, визгом, лаем. Решено было перевести собак с судна и поселить их на льдине; но так как они могли замерзнуть, оставаясь без движения, то их по временам спускали с цепи и предоставляли им свободно бегать. Это было для них величайшею радостью; но, к сожалению, они плохо пользовались свободой. Одичалые животные беспрестанно затевали друг с другом ожесточенные драки, при чем иногда все набрасывались на одну. Одну собаку загрызли до смерти, другая спаслась только тем, что, вся ископанная, прибежала на судно под защиту людей.

Большая лыдина, к которой был прикреплен *Фрам*, имела как раз против середины судна выступ, которым она могла бы сильно давить судно в случае, если бы лед стал сдвигаться. Поэтому решено было попробовать передвинуть судно немного назад. Работа была нелегкая. Приходилось помощью топоров, ледоболов и острог, употребляемых для охоты на моржей, пробивать толстый слой льда и через образовавшийся канал шаг за шагом проводить судно. Зато после этого *Фрам* занял вполне удобное положение. С левой стороны его находилась большая лыдина, на которой устроен был собачий лагерь; эта лыдина была обращена к судну низким краем и не представляла никакой опасности; с правой стороны была тоже плоская, невысокая лыдина; с обеих сторон между судном и лыдинами находился гладкий слой вновь образовавшегося льда. Такой же точно слой образовался под дном *Фрама*, так что он стоял точно на хорошей подстилке.

Дня через два после окончания работ по перестановке судна экипаж сидел после обеда в каюте и мирно беседовал, как вдруг раздался оглушительный грохот, и все судно задрожало. Все выбежали на палубу. Оказалось, что лед пришел в движение, и грохот происходил от того, что громадные льдины надвигались одна на другую и с треском разваливались. Новообразованный лед, окружавший *Фрам*, сдвигался и направлялся под судно, приподнимая его иногда на несколько футов, и затем с треском разламывался под ним. Нансен и его спутники не без тревоги ожидали, как выдержит их судно этот первый натиск врага, против которого их предостерегали все путешественники, испытавшие его сокрушительную силу. Напор льда возобновлялся с новою яростью в течение нескольких дней. Обыкновенно сначала слышался легкий треск и как-будто стон, постепенно усиливающийся; раздавался громкий, жалобный вой, потом грохот и, наконец, какое-то ворчанье, после которого судно начинало подниматься. Шум все усиливался, судно дрожало, шаталось и поднималось то скачками, то медленно, постепенно. Но *Фрам* не обманул возлагавшихся на него надежд. Лед разламывался о бока его, и распавшиеся льдины кучами продвигались под его корпус, затем мало-по-малу шум затихал, судно опускалось в прежнее положение, и опять наступала тишина.

Через два-три дня лед нагромодился вокруг *Фрама* в виде длинных стен и высоких холмов. Собачья льдина выдержала страшный напор. Около нее поднялась целая ледяная гора, которая обрушилась на нее. Льдом засыпало сани и доски, стоявшие на льдине, а также якорь, удерживавший корму. Собаки подвергались опасности, и пришлось ночью перевести их на судно. Льдина, к которой был прикреплен *Фрам*, треснула, и судно пришлось несколько продвинуть назад. Напор льда начинался около четырех, пяти или шести часов утра и возобновлялся в те же часы вечера; после него вокруг корабля являлись большие пространства открытой воды.

Так продолжалось дней 8—9. Затем все снова успокоилось, только на льду появились в разных направлениях новые трещины, которые, впрочем, скоро затянулись вновь образовавшимся льдом. Через несколько дней напор снова повторился и повторялся много раз в течение зимы. Мало-по-малу обитатели *Фрама* так привыкли к этому, так твердо верили в прочность своего судна, что слыша приближающийся шум и треск льдин, продолжали спокойно сидеть в каюте, не прерывая ни своих работ, ни разговоров.

IV.

29-го сентября экипаж *Фрама* праздновал прохождение 79° северной широты и с самыми радужными надеждами смотрел на будущее. Предсказания Нансена сбывались: льдины несли судно на северо-запад и должны были донести его до полюса или до какой-либо ближайшей области. Но скоро наступило разочарование: с октября месяца начал дуть северный ветер, — движение льдин приняло направление обратное прежнему, и 16-го октября *Фрама* оказался на 78°5' широты, т.-е. меньше, чем в три недели он почти на целый градус ушел назад!

23-го октября сделаны были новые наблюдения, показавшие, что судно снова хотя медленно, но движется к северу. Ветер дул благоприятный. Все лица прояснились. Между тем солнце почти не поднималось над горизонтом, и 26-го октября в полдень показалась только половина его диска над краем льдов; от него исходил какой-то матовый, красноватый свет и никакого тепла. Настала страшная полярная ночь, которая наводила такое уныние на все прежние арктические экспедиции. На *Фраме* не было и следа уныния; корабль, несомненно, двигался на север; ветряная мельница была готова; электрическая машина действовала отлично, и, взамен солнечного света, вся внутренность судна осветилась яркими электрическими лампами. При свете этих ламп отпразднован был 26-го октября день рождения *Фрама*, тот день, когда он

был спущен на воду и получил свое имя. Ради праздника устроена была стрельба в цель на призы, вкусный обед из четырех блюд, с тостами за здоровье *Фрама*, которому все от души желали многих лет; после ужина подан был земляничный и лимонный пунш и последовала торжественная раздача призов за стрельбу. Призы были шуточные, и раздача их вызвала разные остроумные шутки. Наиболее отличившийся получил деревянный крест ордена „*Фрам*“, который должен был носиться на шее на белой полотняной тесьме. Наименее отличившемуся досталось зеркало, в котором он мог любоваться на физиономию неудачника.

Ледяная пустыня, среди которой стоял *Фрам*, не была вполне необитаема: несколько раз лисицы подбегали так близко к судну, что их можно было убивать прямо с палубы; медведи беспрестанно рыскали в окрестностях, рылись в кучках отбросов с судна и нападали на собак.

Скотт-Гансен устраивал палатку для своих метеорологических наблюдений на льду, в нескольких саженьях от судна. Блессинг и Иогансен помогали ему. В то время, как они были усердно заняты этим делом, вдруг показался медведь недалеко от них, около носа судна.

— Тише! Не шевелитесь, чтобы не испугать его! — сказал Гансен.

— Да, да! — Они притаились и стали смотреть на медведя.

— Не попробовать ли мне пройти на судно и сказать им о медведе? — предложил Блессинг.

— Что же, это хорошо! пройдите! — согласился Гансен.

Блессинг выбежал из палатки на цыпочках, чтобы не встревожить зверя. Между тем медведь осмотрелся, обнюхал воздух, и чутье показало ему, куда идти: он заметил Блессинга, пробиравшегося на судно, и пустился за ним следом. Блессинг остановился в нерешимости, но затем сообразил, что в такую минуту лучше быть втроем, чем одному, и по-

тому пустился со всех ног бежать назад к другим, в палатку. Медведь следовал за ним скорым шагом.

Гансен решил прибегнуть к хитрости, которою, как он вычитал где-то в книге, можно прогнать медведя. Он выпрямился во весь рост, стал размахивать руками и кричать изо всех сил, в чем ему помогал и Иогансен. Но медведь отнесся совершенно равнодушно к этому маневру и продолжал приближаться. Положение становилось опасным. Гансен вооружился дубинкой для скалывания льда. Иогансен взял топор, Блессингу ничего не досталось. Затем они все трое бросились бежать к судну с громкими криками:

— Медведь! медведь!

Медведь подошел к палатке, внимательно обнюхал все, что там находилось и, убедившись, что все это вещи не съедобные, быстро направился к судну по следам бежавших людей. В эту минуту Нансен услышал крик вахтенного, схватил ружье и выбежал на лед. Неожиданное появление его заставило медведя остановиться. Нансен приблизился к нему на расстояние выстрела; медведь повернул немного голову, и меткая пуля в затылок уложила его на месте.

После этого члены экспедиции не решались спускаться на лед без оружия.

Несколько дней спустя двое больших медведей пробирались к собакам, привязанным на льду. Собаки подняли страшный лай и вой; с корабля их слышали. Скотт-Гансен и с ним еще три человека бросились к собачьему лагерю, убили одного хищника и тяжело ранили другого. Две собаки при этом исчезли: неизвестно было, убежали ли они с испугу, как только почуяли медведей, или были съедены.

Даже когда собаки бывали привязаны на палубе, медведи не боялись подбираться к ним. К счастью, люди были недалеко, и всегда находился кто-нибудь, кому удавалось или уложить на месте хищника, или прогнать его. Но одно нападение медведей окончилось трагически для собачьей стаи и

едва не стоило жизни человеку. Как-то вечером, когда весь экипаж *Фрама* сидел после ужина в каюте и развлекался карточной игрой, собаки, привязанные на палубе, вдруг подняли страшный шум. Могштад пошел посмотреть, что случилось, и вернувшись, рассказал, что все собаки, которые могли достать до борта судна, вспрыгнули на него и лают по направлению к северу.

— Наверное, они чуют какого-нибудь зверя, — закончил он, — но кругом так темно, что ничего нельзя разглядеть.

Нансен думал-было выпустить нескольких собак и отправиться с ними по льду к северу; но было слишком темно, так что невозможно было разглядеть зверя.

Ночью собаки продолжали волноваться, и Нансен из своей каюты слышал какой-то странный звук, точно по палубе таскали ящики. Утром Петер Гендриксен и Могштад пошли покормить собак и перевести их на лед. При этом они заметили, что трех собак не хватает. Петер взял фонарь, чтобы хорошенько осмотреть, нет ли следов животных. Он заметил на льду несколько капель крови, а затем несомненные следы медведя. Он пошел вместе с Могштадом в ту сторону, куда направлялись следы; собаки бежали впереди них. Они отошли недалеко от судна, как вдруг огромный зверь, окруженный собаками, бросился в их сторону. Увидев, в чем дело, они быстро повернули и побежали назад к судну. Могштад был в парусинных башмаках и прибежал раньше. Гендриксен не мог бежать слишком скоро в своих деревянных башмаках, — в испуге он запнулся за льдину и упал; он быстро вскочил и, когда уже подбежал к судну, вдруг заметил, что кто-то двигается прямо на него справа. Он подумал было, что это собака; но зверь бросился на него и укусил его в бок. У Гендриксена не было с собой ни ружья, ни ножа; но он не потерял присутствия духа и фонарем ударил медведя по голове с такою силою, что фонарь разлетелся вдребезги. Ошеломленный медведь приподнялся и тотчас же набросился на

бежавшую мимо собаку; а Гендриксен бросился со всех ног на корабль, вбежал в каюту и задыхающимся голосом прокричал:

— Ружье! ружье! Медведь укусил!

Нансен тотчас же схватил ружье и вместе с Гендриксеном бросился на палубу. У левой стороны судна слышался лай собак и голоса людей. Медведь лежал у самого судна и рвал собаку, а прочие собаки окружили его с громким лаем. Возле них стоял Якобсен и никак не мог вырвать пыж, который печально всунул в дуло.

— Стреляйте! стреляйте! у меня ружье не действует! — кричал Якобсен.

Нансен стал быстро заряжать свое ружье, но никак не мог вытащить пыжи из дула; Моштад махал своим незаряженным ружьем; Скотт-Гансен пробовал достать патроны через щель в двери рубки, которую нельзя было отворить, так как в дверях лежала собака. К счастью, прибежал Погансен и пустил в медведя несколько зарядов, так что тот бросил собаку. Нансену удалось тоже зарядить свое ружье и, для большей безопасности, он пустил еще пулю в голову медведю. Пока медведь шевелился, собаки с громким лаем теснились к нему; но когда он упал мертвый, они боязливо отпрянули. Они, должно-быть, думали, что это новая хитрость их врага.

Пока сдирали шкуру с убитого медведя, Нансен пошел искать пропавших собак. Его сопровождала собачья стая, и, почуяв след, направлявшийся на север, повернула туда. Чем дальше, тем боязливее подвигались они вперед; некоторые стали даже отставать, но потом как-будто устыдились своей трусости и тихонько поплелись за хозяином. Приходилось идти по нагроможденным гудам льда и иногда пробираться положительно на четвереньках. Но вот что-то зачернело на льду. Нансен подошел ближе и увидел сначала одну собаку, а потом и другую. У одной была отъедена голова, от дру-

гой остались только одни кости. Дальше между льдинами виднелись следы медвежьих лап, и лежала еще одна загрызенная собака.

Медведь, очевидно, взобрался на судно, оттолкнул стоявший тут ящик, схватил ближайшую собаку и утащил ее. Утолив свой первый голод, он вернулся за новой добычей. Если бы во-время не подоспели люди, он мог бы таким образом перетаскать еще несколько собак.

— Вот увидите, что сегодня у Квик будут щенки!—заявил Юэль, слыша, как Нансен и другие горевали о погибшем собаках.—У нас на судне все так: после неприятности всегда бывает радость.

Действительно, в тот же вечер, когда вся компания сидела после ужина в каюте, Могштад объявил, что у Квик родились щенки.

„Квик“ была гренландская собака, которую подарил Нансену один из его знакомых путешественников, и которая сопровождала экспедицию с самого отъезда из Европы. Она принесла сразу 13 щенков. Оставить всех было невозможно, так как она не могла бы выкормить всех, поэтому пять штук убили, а восемь оставили. Щенкам устроили постель в каюте, в ящике, обложенном мехом, чтобы они не страдали от холода, и Квик оказалась очень заботливою матерью: она почти не отходила от своих детей, и можно было надеяться, что она хорошо выкормит их.

Нансен и его спутники часто предпринимали прогулки по льду во все стороны, иногда пешком, иногда на лыжах. Нансену вздумалось прокатиться в саних на собаках. Он запряг шесть собак в самоедские санки, уселся в них и закричал: „Пррр! пррр!“ Собаки быстро помчались по льду; но вот им встретила большая льдина, которую надобно было объехать. Только что Нансен хотел повернуть их в сторону, как они повернули назад и во весь дух помчали к судну; там они стали бегать от одной вучи отбросов к другой, и не

было никакой возможности отогнать их оттуда. Если Нансен отгонял их от левой стороны судна и кнутом заставлял идти на лед, они тотчас же поворачивали и обегали кругом кормы на правую сторону и наоборот. Напрасно он дергал вожжи, кричал, бранился; напрасно он вылез из саней и попробовал удержать их; собаки рванули, и он полетел вверх ногами на лед. Они остановились, добежав до глыбы льда, а затем снова вернулись к судну. Так продолжалось, пока эта игра не надоела им самим, и они не решили ради разнообразия пробежаться по той дороге, по которой их направлял возница. Они устремились, как вихрь, по плоской льдине; но только что Нансен задержал их на минуту, они снова повернули назад по прежней дороге. Он кричал на них, стегал их кнутом, а они тем быстрее неслись по избранной ими дороге. Наконец ему удалось остановить сани, упершись ногами в снег между полозьями и воткнув в лед крепкий крюк. Собаки остановились на минуту, но затем снова помчались, выбросили Нансена из саней и волочили его несколько времени по снегу. Как он ни старался, одичалые животные никак не хотели покориться ему. Он потерял доску для сидения, потом кнут, перчатки, шапку. Два раза пробовал он бежать перед собаками и заставить их повернуть, угрожая им кнутом. Но они только метались из стороны в сторону и неслись еще быстрее. Наконец, он запутался ногами в вожжах и упал плашмя в сани, а собаки точно бешеные примчали его обратно к судну.

„Это был мой первый опыт катанья в санях,—замечает Нансен,—и я не могу сказать, чтобы очень гордился им; одно меня радовало: никто не видал моих героических подвигов!“

Зима все больше и больше входила в свои права; мороз крепчал и по ночам доходил до 40°; напоры льда слышались вдали, но почти не достигали Фрама, так как лед, окружавший судно, превратился в плотную массу, достигавшую

5 сажень толщины. Однообразие полярной ночи прерывалось чудными атмосферными явлениями. Иногда вдруг огненный шар прорезывал небосклон и разливал голубовато-белый свет. После него на небе оставалась несколько минут светящаяся дуга и сияние в виде какой-то светящейся пыли. Иногда на небе появлялась против луны очень красивая лунная радуга; в другой раз около самой луны замечались то ложные луны, то светлые кольца. Когда луна стояла так низко, что кольца ее касались горизонта, появлялось яркое светлое пространство в том месте, где горизонт пересекал кольцо. Весь горизонт имел сначала желтый цвет, потом красный и, наконец, голубой. Такие же цвета наблюдались и при ложных лунах. Иногда появлялись два больших концентрических кольца, и тогда можно было видеть четыре ложные луны*). Особенным же блеском и красотой отличались северные сияния. Они появлялись не только ночью, но часто даже днем, и представляли такое чудное зрелище, что Нансен и его товарищи никогда не могли вдоволь наглядеться на него. Чем бы они ни были заняты, как бы ни были легко одеты, но при первом известии, что сияние начинается, они выскакивали на палубу и, как очарованные, следили за ним, не замечая, что члены их коченеют при 35° мороза. Вот как описывает Нансен в своем дневнике эти сияния.

„Вечером я вышел на палубу в несколько унылом настроении, но в ту же минуту остановился, точно приговоренный. Вот оно, это сверхестественное явление—северное сияние неподражаемой силы и красоты, сверкающее на небесах всеми цветами радуги. Редко, пожалуй, даже никогда не видел я таких чудных красок. Преобладающий цвет был сначала желтый, сквозь него пробивался зеленый, а на нижнем конце, на нижней поверхности дуги, проступала яркая, рубиново-

---

*) Такие кольца вокруг солнца и луны являются вследствие преломления лучей света в крошечных ледяных кристалликах, плавающих в воздухе.

красная окраска. Но вот, от далекого горизонта на западе, вверх по небу, протянулась, извиваясь, огромная змея, она становилась все ярче и ярче, затем разделилась на три сверкающие части. Южная часть змеи сделалась рубиново-красной с желтыми пятнами, средняя—желтой, а северная приняла зеленовато-белый цвет. По бокам змеи выступали лучи, которые двигались точно гонимые ураганом; они то появлялись, то исчезали, становились то ярче, то слабее; змеи извивались вокруг них до самой середины неба“.

В другой раз Скотт-Гансен, стоявший на вахте, вбежал в каюту с известием, что началось очень красивое северное сияние. Все побежали наверх.

„Палуба была ярко освещена,—описывает Нансен,—и отражение света везде играло на льду. Все небо сверкало, особенно на юге, откуда массы огня распростирались высоко вверх. Огненные массы разделились на блестящие разноцветные полосы, распространявшиеся по небу на юге и на севере и переплетавшиеся друг с другом. Лучи сверкали, отливая чистыми и прозрачными, как кристалл, цветами радуги, преимущественно фиолетово-красным или карминовым и светло-зеленым. Иногда лучи дуги на концах принимали красный цвет, переходящий повыше в ярко-зеленый; еще выше они становились темнее и переходили в голубой или фиолетовый цвет, и затем исчезали в синеве неба. Иногда же лучи в той же самой дуге превращались из ярко-красных в светло-зеленые и колыхались из стороны в сторону, точно гонимые ветром. Это была бесконечная игра ярких красок, превосходящая все, что только можно вообразить. Временами зрелище достигало такой красоты, что у нас захватывало дыхание, и нам казалось, что должно совершиться нечто необыкновенное: по крайней мере, рушиться небо. Вдруг лучи света померкли, быстро пробежав по всем оттенкам цветов, и все явление стало исчезать, а мы стояли в напряженном ожидании, затаив дыхание. Но только что мы намеревались

удалиться, под влиянием 35° мороза, как лучи снова загорались, и появлялись такие чудные краски, что мы оставались и стояли до тех пор, пока не почувствовали, что у нас отморожены уши и носы. В конце сияния был такой удивительный фейерверк всевозможных цветов, со всех сторон загоралось такое пламя, что мы каждую минуту ожидали появления его на льду, так как на небе для него уже более не оставалось места“.

V.

Приближалось Рождество, но снегу не было. Лед сверкал холодным блеском под лунным светом, и снежное покрывало нигде не смягчало резких очертаний нагроможденных льдин. Иногда с неба падала крепкая, колючая крупа, которая несколько не походила на мягкие снежинки. *Фрам* достиг 79°11', северной широты, и экипаж его готовился весело справлять рождественские праздники. 23-го декабря, когда в Норвегии празднуется так называемый маленький сочельник, путешественники устроили себе первое рождественское развлечение: взрыв льда посредством гремучей ваты. При помощи большого железного бурава пробуровили во льду дыру и положили туда, на глубине одного фута от поверхности, заряд с электрической проволокой. После того, как все отошли подальше, кнопка была нажата, послышался глухой треск, и в воздухе разлетелся куски льда и брызги воды. Хотя взрыв произведен был на расстоянии 30 саженей от судна, но толчек был так силен, что оно все задрожало. Взрыв произвел отверстие во льду глубиной в два аршина и, кроме этого, вокруг образовавшейся дыры произошли маленькие трещины.

О сочельнике Хансен пишет в своем дневнике:

„Сверкающий лунный свет и бесконечное безмолвие арктической ночи. Я совершил уединенную прогулку по льду. Первый сочельник, проведенный так далеко от родины!.. На судне господствовало какое-то особенное, приподнятое на-

строение. Каждый в душе был занят мыслями о родине, но не хотел показать это товарищам; поэтому шутки и смех раздавались громче и чаще обыкновенного. Мы зажгли все лампы и фонари, какие только были на судне, и осветили блестящим образом каждый уголок во всех каютах. Разумеется, в этот день наше продовольствие отличалось особенною изысканностью, так как у нас это был единственный способ справлять наши праздники. Обед был превосходный, а также и ужин, после которого на стол была подана целая гора рождественских печений, над изготовлением которых Юэль трудился несколько недель. Затем мы наслаждались грогом и сигарами: в этот день разрешалось курить в салоне.

Особенное удовольствие доставили всем рождественские подарки, которые неожиданно принес Скотт-Гансен. Эти подарки были приготовлены его матерью и невестой, которые поручили ему спрятать их и раздать товарищам в сочельник. Все это были мелкие вещицы: трубочка, перочинный нож и т. под.; но они принимались со слезами радости на глазах, как привет с далекой родины. После этого на сцену появился новый номер газеты *Frømsjaa* (Обзор Фрама). Ее составлял доктор, и большая часть составлявших ее статей принадлежала его перу. В ней помещались стихотворения, песни, юмористические рассказы о всем, что делалось на судне, шутки и остроты, безобидные насмешки над членами экипажа, над доктором, напрасно поджидающим пациентов, над ненавистником карт и карточной игры Амундсеном, над „Странствующим часовщиком“, который не любит возвращать часы, взятые в чингу, и т. под. По прочтении газеты началась музыка и пение. Компания поздно ночью разошлась по своим каютам.

Первый день праздника тоже был отпразднован особенно вкусным обедом; вот какие кушанья подавались за ним: 1) суп из бычачьих хвостов, 2) пудинг из рыбы с картофелем и растопленным маслом, 3) жареная оленина с горошком, французскими бобами, картофелем и клюквенным вареньем,

4) морошка со сливками (консервы), 5) пирожное и марципаны. В течение вечера подавали кофе с ананасными конфетами, медовыми пряниками и разным сухим пирожным, винные ягоды, миндаль и изюм. Все были так сыты, что даже не захотели ужинать. Решено было на время святок прекратить все работы, кроме самых необходимых, да еще научных наблюдений. Для развлечения устраивали стрельбу в цель с призами, делали прогулки по льду, много читали. Новый напор льдов открыл широкую расщелину около судна. Ночью эта расщелина покрылась льдом, и заметно было легкое давление.

„Замечательно, как равнодушно мы относимся теперь к таким напорам льда, которые, наверно, сильно встревожили бы многих из прежних полярных исследователей! — пишет Нансен. — Мы не сделали никаких приготовлений на случай несчастья, даже не вынесли на палубу ни припасов, ни палатки, ни платья. Это, пожалуй, можно назвать легкомыслием, но на самом деле нам нечего было бояться, что напор льда причинит нам вред: мы знаем, что может вынести *Фрам*! Гордые своим великолепным, крепким судном, мы стоим на палубе и наблюдаем, как лед трещит и разламывается о бока судна и продвигается вниз, под его дно, между тем как новые ледяные массы надвигаются в темноте и, в свою очередь, подвергаются той же участи. Там и сям поднимается с оглушительным грохотом огромная масса, грозно кидается на бока судна и затем внезапно опускается по примеру остальных льдин. Однако, временами, когда среди обычного безмолвия ночи раздается вдруг гул страшного напора, нельзя не вспомнить несчастий, которые не раз причиняла эта неукротимая сила“.

31-го декабря Нансен отмечает в своем дневнике:

„Лучшего кануна нового года не могло быть. Северное сияние переливается чудными красками и полосами света по всему небу, в северной его части. Тысячи звезд сверкают

между северным сиянием на голубом своде небес. Во все стороны тянется бесконечная и безмолвная ледяная пустыня, обьятая сумраком ночи. Покрытый инеем, таке-лаж *Фрама* темнеет на фоне сверкающих небес“.

В общей каюте была, разумеется, устроена торжественная встреча нового года: угощались ананасом, винными ягодами, пирожным и конфетами; в полночь на столе появился грог, и Нансен произнес небольшую речь: он говорил, что старый год во всяком случае не был дурным годом, и выразил надежду, что новый окажется еще лучше; он благодарил всех присутствовавших за их дружеское расположение и высказал уверенность, что они все и в новом году будут жить так же дружно и приятно. После речи началось пение тех песен, которыми провожали отъезжавших в Христиании и Бергене, и чтение последних приветствий, полученных в Трамсё; затем пели еще разные песни, между прочим и те, которые были помещены в последнем № „Обозрения Фрама“.

Обед в день нового года был тоже праздничный: 1) суп из томатов, 2) тресковая игра с картофелем и топленым маслом, 3) олень жаркое с зеленым горошком, картофелем и вареньем из клюквы, 4) морошка с молоком, пиво.

„Не знаю,—замечает Нансен,—можно ли сказать, что люди, обедающие таким образом, переносят большие лишения и страдания! Я почти стыжусь той жизни, которую мы ведем здесь. Никаких мучений, описываемых такими мрачными красками, как неизбежная принадлежность длинной зимней ночи, мы не ощущаем. Спокойная, правильная жизнь, какую мы ведем, мне очень полезна, и я не помню, чтобы я когда-нибудь чувствовал себя таким здоровым, как теперь. То же можно сказать и о всех моих товарищах; они все выглядят здоровыми, хорошо питающимися людьми; ни у кого не видно бледных, впалых щек, ни у кого незаметно угнетенного настроения. Довольно слышать смех, раздающийся в нашем салоне, и видеть игру в засаленные карты, чтобы убедиться

в этом. Да и откуда взялась бы болезнь? Прекрасная пища в изобилии и настолько разнообразная, что самые прихотливые люди не могли бы жаловаться; хорошее жилище и одежда, движение на чистом воздухе, никакой непосильной работы, занимательное чтение, развлечение, игры в карты и шахматы, музыка, рассказы, — кто может хворать при таких условиях? Особенно хорошее действие оказывает на нас то, что мы все вместе живем в салоне, где у нас все общее. Приготовления к этой экспедиции заняли у меня много драгоценных лет моей жизни; но теперь я об этом не жалею: моя цель достигнута. Наша зимовка на плавучем льде не только во всех отношениях превосходит зимовки прежних экспедиций, но имеет такой вид, как будто мы захватили сюда с собою из Европы кусочек Норвегии. Все вместе, в одной каюте, где все у нас общее, мы представляем маленькую частицу родины и с каждым днем сближаемся теснее и крепче друг с другом“.

Одно, что нарушало общее хорошее настроение, это было слишком медленное и неровное движение *Фрама*. 29-го сентября экипаж праздновал достижение 79° , а к новому году, т.-е. через три месяца, он находился около $79^{\circ}15'$. Все это время судно постоянно то подталкивало к северу, то тянуло к югу, смотря по тому, какой дул ветер, южный или северный. Несмотря на это, экипаж не терял веры в успех предприятия, не сомневался в том, что первоначальные расчеты и предположения были правильны. Когда наблюдения показывали движение на юг, раздавался общий вздох разочарования; но все глаза снова загорались радостной надеждой, как только оказывалось, что *Фрам* хоть на несколько саженей приблизился к цели.

Всех больше волновался, разумеется, Нансен. Он видел, какою верою в него и в его теорию проникнуты все его товарищи, и мысль, что он, быть может, заблуждается и их вводит в заблуждение, подчас не на шутку мучила его. Иногда он старался убедить себя, что самое главное благополучно

провести всю экспедицию и в хорошем состоянии вернуться домой, все равно, удастся ли достигнуть полюса или нет. Он мысленно перебирал все доказательства, которые раньше приводил в защиту своего плана, и убеждал себя, что он обязан был предпринять экспедицию, так как чувствовал, что этот план должен увенчаться успехом, что он не виноват, если план не удастся, что он сделал все, что от него зависело, и может со спокойной совестью вернуться к счастливой домашней жизни.

„Что же из того, поможет или не поможет нам случай, — рассуждает он, — сделает или не сделает он наши имена бессмертными! Достоинство плана не изменится от этого. Все это я повторяю себе тысячу раз; я могу даже заставить себя искренно поверить, что мне безразличен исход экспедиции. Тем не менее настроение мое меняется, точно вид облаков в небесах, смотря по тому, откуда дует ветер, какую глубину показывает лот, указывают ли наблюдения на движение к северу или к югу. Когда я думаю о множестве людей, верящих нам, о норвежцах, о друзьях, пожертвовавших нам своим временем и деньгами, во мне загорается желание, чтобы их не постигло разочарование, и мне становится грустно, когда наше плавание идет не так, как мы ожидали. А она, больше всех пожертвовавшая мне, разве она не заслуживает того, чтобы жертва ее не была напрасна? Нет, мы хотим и должны иметь успех!“

Первый месяц нового года, повидимому, сулил этот успех. Почти в течение всего января дул юго-западный ветер, и 2 февраля наблюдения показало $80^{\circ}10'$ широты. Вследствие этого на *Фраме* устроен был праздник.

Чем ближе к концу приближалась зима, тем сильнее становились морозы, и в начале февраля они достигали $47-48^{\circ}$. Часто в это время в каютах бывало больше 20° тепла, так что поднимаясь на палубу, путешественники сразу испытывали понижение температуры на целых 70 градусов! Холод

прямо можно было видеть: от дыхания вокруг каждого человека образовалось густое облако пара; стоило плюнуть на палубу—и над сырым местом тотчас же поднималось маленькое облачко. *Фрам* постоянно выделял туман, который уносился ветром; а человека и собаку можно было распознать между ледяными холмами по столбу пара, который следовал за ними. Экипаж *Фрама* был удивительно нечувствителен к холоду. Выскочить на палубу без шапки, без теплого платья, в туфлях, чтобы полюбоваться на северное сияние или чтобы подстрелить медведя, им ничего не стоило. Скотт-Гансен и Иогансен, несмотря ни на какой мороз, самым аккуратным образом делали свои наблюдения. Через каждые четыре часа они осматривали термометры на палубе, в салоне, на бочке и на льду, барометры и другие инструменты и тщательно записывали показания их. Астрономические наблюдения производились через каждые два дня, чтобы определить положение судна и знать с точностью, какие успехи оно сделало. Работать над инструментами, поворачивать голыми пальцами винты при 40-градусном морозе—дело далеко не приятное. Очень часто Гансену приходилось прятать руки и бегать взад и вперед по палубе, громко стуча ногами. Когда он после такого танца, от которого дрожало все судно, спускался в общую каюту, его обыкновенно встречали громким смехом и самым невинным тоном спрашивали:

— Не холодно ли на палубе?

— Нисколько,—отвечал Гансен,—совсем мягкая погода.

— А ноги у вас озябли?

— Нет, нельзя сказать; только пальцы иногда как-будто гоченели.

Он отморозил себе два пальца, но все-таки ни за что не соглашался надевать одежду из волчьего меха, приготовленную для метеорологов.

— Для такой одежды еще слишком тепло,—говорил он,—не хорошо так себя нежить!

Дошло до того, что один раз, при 40° морозе, Гансен выбежал на палубу делать наблюдения в одной рубашке и панталонах. Он уверял, что ему некогда было надеть платье.

Прогулки по льду тоже не прерывались из-за погоды. Очень часто запрягали в сани собак, и они понемногу приучались слушаться возницу. Обыкновенно, когда предстояло ехать по гладкому, плоскому льду, в сани садилось двое и запрягали четырех собак. Во время этих катаний никто и не думал кутаться.

„Вчера,—рассказывает Нансен,—я был одет слишком тепло: на ногах—кальсоны и брюки, чулки, гамашы, чулки для снега и финские башмаки; а затем обыкновенная рубашка, воротник из волчьего меха и куртка на тюленьем меху. Я потел в этой одежде, точно лошадь. Сегодня я сидел смирно в санях и ехал одетый в тонкие панталоны, в шерстяную рубашку, жилетку, вязаную шерстяную буртку и суконную буртку на тюленьем меху. Я нашел температуру очень приятной (было 42°) и сегодня опять вспотел. Вчера, как и сегодня, я надел-

было на лицо красную фланелевую маску, но мне от нее сделалось так жарко, что я ее снял, несмотря на резкий холодный ветер с севера“.

VI.

16-го февраля над самым краем льда, на горизонте, вдруг появилось солнце, в виде плоской огненнокрасной полосы. Это не столько обрадовало, сколько испугало путешественников. По их вычислениям, солнце должно было показаться не раньше 20-го числа: если они его увидели 16-го, значит, они находятся гораздо южнее, чем предполагали. Скоро, однако, более подробное наблюдение показало, что им видится не настоящее солнце, а его отражение в морозном воздухе, „ложное солнце“. Это отражение имело вид нескольких огненных линий, пересеченных темными полосами, точно красное четырехугольное солнце. На следующий день повторилось то же явление, но ложное солнце стояло выше над горизонтом и имело почти форму круга.

Наконец, 20-го февраля взошло настоящее солнце, но на *Фраме* его не видели, так как густые облака покрывали небо. Тем не менее в честь его устроен был праздник: утром стрельба в цель, обед из четырех блюд, кофе, особенный пирог „Фрам“, вечером угощение ананасами, пирожным, винными ягодами, бананами и конфетами. Страшная полярная ночь миновала; при дневном свете лица путешественников вовсе не казались бледными и изможденными, как бывало с прежними исследователями арктических областей; напротив, яркое солнце осветило круглые, хорошо упитанные физиономии. Каюты продолжали освещаться электричеством; но его свет не казался уже таким ярким и веселым, как среди ночной тьмы; напротив, спускаясь с палубы, залитой блестящими лучами солнца, в каюты, все испытывали такое ощущение, точно попали в полутемный погреб.

Легко было наблюдать, как с каждым сутками день удлиняется, солнце поднимается все выше и выше над горизонтом; но температура от этого не становилась теплее. Напротив, в конце февраля и начале марта стояли такие морозы, каких не бывало в декабре: температура доходила до 50°, даже до 52° при сильном северном ветре. Это не заставляло экипаж *Фрама* прерывать ни своих научных наблюдений, ни прогулок в саних и на лыжах. 11-го марта Нансен записывает в своем дневнике:

„Прогулка на лыжах на север. Температура 50°, довольно сильный ветер. Холод не очень чувствителен, только низ живота и ноги у нас сильно озябли, так как никто из нас не догадался надеть „панталоны от ветра“ (так мы называем легкие панталоны из тонкого сукна, служащие для защиты от ветра и снега), и на нас были надеты обыкновенные шерстяные панталоны. На верхней части тела у некоторых из нас была рубашка и воротник из волчьего меха, у других—обыкновенный шерстяной костюм и куртка на оленьем меху. Первый раз в жизни чувствовал я, что у меня мерзнут ноги, а именно колени. Мои спутники испытывали то же самое. Это ощущение появилось после того, как мы довольно долго бежали против ветра. Мы стали растирать ноги, и они опять согрелись; но я думаю, что мы сильно отморозили бы их, если бы продолжали бежать, не обращая внимания на холод. В других отношениях мы не имели никаких оснований жаловаться на погоду. Наоборот, температура была приятная, и я убежден, что понижение ее еще на 10—20°, пожалуй даже на 30°, вполне переносимо для человека“.

В другом месте своего дневника он восклицает:

„Я смеюсь над цынгой: нет места более здорового, чем наше судно! Я смеюсь над могуществом льда: мы живем точно в непреступном укреплении. Я смеюсь над холодом—он ничто! Но над ветрами я не смеюсь: они составляют все, они не подчиняются никакой человеческой воле“.

Ветер оказывался, действительно, неприятелем Нансена, беспрестанно разрушавшим его надежды и часто доводившим его до уныния. С половины февраля до половины марта почти все время дул северный ветер, медленно, но неудержимо увлекавший судно на юг.

„О, это бездеятельное состояние временами действует поистине угнетающим образом,—жалуется Нансен.—Жизнь представляется такою же мрачною, как и зимняя ночь. Нигде ни одного солнечного луча, только разве в прошедшем да в очень отдаленном будущем!.. Но разве не может произойти что-нибудь? Вдруг налетит ураган, который сломает весь этот лед и приведет его в движение, словно высокие волны открытого моря? Пусть наступит беда, пусть мы должны будем бороться за свою жизнь; но только бы мы двигались вперед! Играть роль бездеятельного зрителя, не иметь возможности пошевелить рукой, чтобы двинуться вперед—это ужасно! Я стою и смотрю на безотрадные ледяные пространства с их равнинами, горами и долинами, образовавшимися под влиянием напора льдин. Солнце освещает их своими яркими лучами. Посреди находится *Фрам*, недвижимо заключенный во льду. Когда же ты, мое гордое судно, снова будешь свободно плыть по открытому морю?“

Впрочем, припадки уныния редко находили на Нансена. Малейший поворот ветра, движение судна на одну минуту к северу—и бодрость возвращалась к нему.

„После обеда подул легкий южный ветерок,—отмечает он 10-го марта.—Мне он принес пользу, как всегда, рассеяв мое уныние. Сегодня у меня опять бодрое настроение, и я снова могу предаваться счастливым мечтам о большой стране на севере, с горами и долинами, о том, как мы сидим у подножья гор и жаримся на солнце, ожидая весны. По льдинам этой страны мы совершим свой путь до самого полюса“.

В другой раз он утешал себя таким рассуждением:

„Наша настоящая задача—исследовать неизвестные полярные области. Разве мы ничего не делаем для науки? Мы привезем с собою богатый запас наблюдений, произведенных в этой области, которая теперь уже становится хорошо известной нам. Остальное же есть и останется вопросом тщеславия. Истину надобно любить больше, чем успех“.

Когда уныние и сомнение слишком угнетали Нансена, он искал забвения в труде. Кроме физической работы, которою он занимался так же, как и прочие члены экспедиции, он посвящал очень много времени научным наблюдениям. Беспреданно делал он измерения температуры на разных глубинах воды и измерения плотности льда. Кроме того, оказывалось, что толстый ледяной покров, скрывавший моря и земли, не уничтожал жизни в недрах океана: там, под этим покровом, копошился целый богатый мир животных и растений. В полыньи, в расщелины между льдинами закидывали сети и вытаскивали массу водорослей, морских звезд, медуз, полипов, червей, губок, ракушек и ракообразных, светившихся фосфорическим блеском. Нансен проводил целые дни над микроскопом, изучая их и составляя богатые коллекции флоры и фауны далекого севера.

Пасха была в этот год ранняя и праздновалась 25-го марта. Решено было к этому дню впустить в общую каюту солнечный свет. В течение всей зимы, для предохранения от холода, люк был покрыт снегом; вокруг него были поставлены собачьи конуры. Теперь снег и лед были выброшены, доски люка подняты, и стекла чисто вымыты. Дневной свет, ворвавшись в каюту, сразу придал ей более веселый вид и подействовал на настроение ее обитателей. Вставать утром и видеть, что настал день, было куда приятнее, чем и днем, и вечером довольствоваться мертвенно бледным электрическим светом.

Отпраздновав Пасху, по своему обыкновению, обильными кушаньями и отдыхом от работ, экипаж *Фрама* с новой

энергией принялся за свои прерванные занятия. В кузнице Ларса Петерсена снова усиленно застучал молот: там готовились топоры, ножи и остроги для медведей, кроме того ковались гвозди, так как запас взятых с собой гвоздей уже весь вышел; в другом месте чинили лампы, в третьем делали скрепление для лыж, в четвертом мастерили деревянные башмаки. Свердруп устраивал паруса для лодок. Попробовали связать вместе двое маленьких санок и прикрепить к ним парус; оказалось, что при попутном даже слабом ветре они превосходно двигаются. Решено было изготовить побольше маленьких санок и парусов на случай, если бы пришлось возвращаться домой по льду. Нансен придумал изготавливать цинковые диски для гармониума, так как картонные испортились от сырости и долгого употребления; последнее время в общей каюте не слышно было музыки, а без нее всем казалось скучно. Опыт Нансена вышел удачным, и он вместе с Амундсеном усердно занялся изготовлением таких дисков. Веселые звуки вальса разнеслись по *Фраме* и внесли оживление в вечерние собрания. Доктор все не мог дожидаться пациентов и, чтобы не сидеть сложа руки, завел переплетную мастерскую. Книжки, бывшие на *Фраме*, так усердно читались, что совсем истрепались, и необходимо было снабдить их прочными переплетами. Особенно усердно занимались все писанием дневников: каждый аккуратно и подробно записывал все, что с ним случалось в путешествии.

„Короче сказать,—замечает Нансен,—нет ничего на свете, чего бы мы не делали; только одного мы не можем сделать—хорошего ветра“.

6-го апреля однообразное течение жизни на *Фраме* было прервано событием, которое весь экипаж ожидал с большим интересом: солнечным затмением. Ночью Гансен вычислил, что на том пункте долготы и широты, на которых они находились, затмение начнется в 12 часов 56 минут. Очень важно было уловить момент начала затмения, так как по этому

можно было вполне точно проверить часы. Поэтому все необходимые инструменты были с утра приготовлены, и наблюдения начались с 11 часов. Нансен, Иогансен и Гансен стояли поочередно по пяти минут каждый перед большою подзорною трубою и внимательно смотрели на края солнца; кто-нибудь другой стоял тут же и наблюдал за часами. Так прошло почти два часа. Наконец, Гансену, смотревшему в это время в подзорную трубу, почудилось какое-то дрожание краев солнца; через 33 секунды он вскричал:

— Началось!

И в тот же момент то же воскликнул Иогансен. Часы показали 12 ч. 56 мин. $7\frac{5}{8}$ сек. Оказалось, что они ушли вперед всего на $7\frac{5}{8}$ секунд. Это было очень приятным открытием для всех, особенно для Гансена, который на *Фраме* играл роль часовщика.

Весна принесла мало перемен в безжизненную ледяную пустыню. В северной Европе апрель — месяц чудного пробуждения природы: реки сбрасывают свои ледяные оковы, ручейки весело журчат, лес одевается свежей листвой, среди ярко-зеленой муравы появляются беленькие и голубенькие цветочки, перелетные птицы оглашают воздух своим пением, в лугах начинают порхать пестрые бабочки. Все эти картины невольно проносились перед глазами обитателей *Фрама*, когда они изо дня в день видели перед собою все ту же белую, безжизненную массу, ту же бесконечную ледяную равнину. Солнце почти не скрывалось за горизонтом, и в лучах его ослепительно-ярко горели ледяные глыбы.

Все было бело кругом, насколько может хватать глаз, и среди этой белой, безмолвной, безжизненной пустыни единственным черным пятном и единственным обитаемым местом являлся *Фрам*. Судно тщательно очистили от снега и льда, и темный такелаж его резко выделялся на голубом небе, а позолоченные шарики флагов на верхушках мачт сверкали на солнце.

На солнечной стороне палубы термометр показывал 2—3° тепла, а в тени было около 20° мороза. Во второй половине марта ветер стал более благоприятным, и *Фрам* снова подвинулся на север; в конце апреля он находился на широте 80°44'.

„Мы двигаемся с быстротой улитки,—говорит Нансен,—но менее верными шагами, чем она. Если все путешествие пойдет с такою же быстротою, то мы можем достигнуть полюса месяцев через 50, и столько же понадобится нам на возвратный путь, т.-е. в лучшем случае мы будем дома не раньше, чем через 8 лет!»

Замечательно, что нос *Фрама* все время был повернут к югу и отчасти к юго-западу. Нансен писал по этому поводу в своем дневнике:

«*Фрам* идет к своей цели—северному полюсу—задом; нос судна постоянно повернут к югу. Как-будто судно боится увеличить расстояние, отделяющее его от мира, как-будто оно тоскует по южным широтам, между тем как неведомая сила увлекает его в неизвестные области. Можно ли считать это дурным предзнаменованием? Не думаю: ведь рак все-таки в конце-концов достигает же своей цели».

УШ.

В течение лета движение судна стало несколько быстрее, и в июне месяце оно дошло до 81°52'. Это все-таки казалось слишком медленно для Нансена, тем более, что движение это не было постоянным: стоило перемениться ветру, и *Фрам* снова направлялся к югу. Еще раньше, среди зимы, у Нансена несколько раз появлялось намерение оставить корабль и попытаться в санях, на собаках, пробраться на север. Поэтому во время всех своих экскурсий он обращал самое большое внимание на состояние льда. В апреле лед оказывался наиболее удобным для путешествия. Солнце сгладило верхнюю поверхность льда; число трещин и канав

уменьшилось. Но в мае произошла перемена: ветер во многих местах разломал лед, и образовались такие широкие канавы, что проехать через них на собаках не было никакой возможности. Иногда по этим канavam плавали льдины, покрытые снегом, и еще увеличивали опасность, так как на вид казались твердыми, а между тем палка свободно проходила сквозь них. Чем дальше подвигалось дело к лету, тем мягче становился лед. Ледяные глыбы всюду покрылись грязным льдом, под которым была вода, между возвышенностями лежал густой снег, на котором можно было провалиться по пояс; лыжи не держались на этом рыхлом снегу и беспрестанно проваливались в воду. На льдинах стали скопляться большие лужи воды, которые иногда принимали размеры маленьких озер. С начала июня такая лужа стала образовываться около *Фрама*, и скоро судно было окружено целым озером воды, так что пришлось настилать мостки, чтобы с него переходить на льдины. С левой стороны корабля озеро приняло такие значительные размеры, что по нему можно было кататься на лодке под парусами или на веслах. Экипаж *Фрама*, конечно, не замедлил устроить себе из этого новое развлечение. Человек пять-шесть усаживались в лодку и упражнялись в управлении четырехугольным парусом; а остальные в это время, стоя на льдинах, бомбардировали их снежками и кусочками льда.

На этом же озере они попробовали, может ли большая лодка поднять их всех, 13 человек. Когда собаки увидели, что все люди уходят с судна и направляются к луже, они последовали за ними, видимо недоумевая, что значит такое передвижение; когда же сели в лодку, они подняли отчаянный вой, вероятно, воображая, что больше никогда не увидят своих хозяев. Некоторые из собак бросились в воду и поплыли за лодкой, двое догадались обегать лужу кругом и встретить людей на противоположном берегу. Не долго удалось экипажу *Фрама* забавляться катаньем в лодке: через

несколько дней их озеро исчезло, — вода проложила себе отверстие во льду и утекла сквозь него.

Такие лужи и каналы шли во всех направлениях; но ни одна из канав не была настолько широка, чтобы *Фрам* мог плыть по ней, да и все эти вместилища воды были так невелики, что по ним судно приблизилось бы всего на несколько сажен к северу. И вот *Фрам* продолжал спокойно и удобно стоять на поверхности льдины, к которой примерз; только к концу лета он немного опустился, вероятно, от того, что нижняя поверхность льда несколько подтаяла.

Фрам летом.

Собаки были недовольны летом. Хотя в тени термометр постоянно показывал несколько градусов мороза, но они задыхались от жары. Их окончательно переселили на лед и устроили им из ящиков две длинные конуры, имеющие только три стены и крышу. Там собаки проводили большую часть дня, что спасало судно от лишней нечистоты; но зато дежурный караульный должен был зорко стеречь свору от нового нападения медведя. На ночь собак привязывали, а утром в девятом часу их спускали с цепи, и они

каждый раз с величайшим нетерпением ждали своего освобождения. Как только кто-нибудь показывался на палубе, тотчас же раздавался оглушительный лай. Собак выпускали на свободу и затем давали им завтрак, состоящий из сушеной рыбы и пирогов. Остальное утро они проводили в том, что подробно исследовали все мусорные кучи вокруг корабля и в сотый раз осматривали и вылизывали все пустые жестянки. Если случалось повару бросить на лед пустую коробку, из-за нее тотчас же начиналась яростная борьба. Иногда случалось, что, стараясь достать кусок жира, оставшийся на дне узкой, глубокой жестянки, собака далеко засовывала в нее морду и затем не могла освободиться. Тогда она начинала бегать с жестянкой на голове и проделывала на льду уморительные прыжки, чтобы избавиться от этого неприятного украшения.

Устав и запыхавшись после своего исследования мусорных куч, собаки растягивались на солнце, когда оно не сильно грело, чаще же искали тени. Пред обедом их обыкновенно опять привязывали, но некоторые из них ухитрялись улизнуть и спрятаться где-нибудь за льдиной, так что виднелся только бончик уха или головы. Когда к ним подходили, чтобы увести их, они принимались ворчать даже скалили зубы. Но им не позволяли своевольничать и насильно тащили в тюрьму. По временам собаки поднимали такой вой, что слышно было на несколько верст в округности; иногда они дрались между собой так ожесточенно, что клочья шерсти разлетались во все стороны.

Когда морозы стали полегче, щенков Квик перевели на палубу, где они тотчас же обнюхали все собачьи конуры, познакомились с большими собаками и очень мило резвились не только днем, но даже ночью. С наступлением лета их выпускали на лед, где Квик тотчас же стала делать с ними дальние прогулки, чтобы познакомить их с окружающей местностью. Сначала щенки робко оглядывались во все сто-

роны и не решались удаляться от корабля. Но мало-по-малу они освоились с ледяной поверхностью и принялись неудержимо возиться и играть. Квик, видимо, очень гордилась своими детбам и весело бегала с ними, хотя пред этим только-что вернулась из довольно большого путешествия в упряжке. После обеда с одним из щенков сделался вдруг странный припадок: он, как безумный, бегал вокруг судна, лаял и кусал все, что ему попадалось на пути. С трудом удалось загнать его и запереть в огороженное со всех сторон местечко палубы. Там он бесновался еще несколько времени, потом затих, заснул и на другой день был здоров. Такие припадки начали несколько раз повторяться со щенками, и некоторые из них кончились смертью. Первым обомлел самый большой и на вид самый крепкий из щенков. Накануне он был совершенно весел, ласкался к людям и заигрывал с ними. За завтраком он ел, как обыкновенно, а потом вдруг начал визжать, выть, лаять и бегать, как бешеный. После этого у него сделались судороги, показалась пена у рта, и через несколько минут он издох, к общему огорчению всего экипажа. Доктор вскрыл труп, но не нашел причины болезни. После этого точно таким же образом погибло еще три собачки. В конце лета Квик снова принесла 11 щенков. Трое издохли в первые дни после рождения, а остальные выросли славными животными.

17-го мая на *Фраме* торжественно отпраздновали день, чтимый всеми норвежцами, тот день, когда Норвегия соединилась со Швецией под властью одного короля, сохранив при этом свой собственный парламент, свое самоуправление.

Утром Амундсен разбудил всех веселой музыкой гармонума. Затем подан был особенно вкусный завтрак из копченой лососины, копченого языка и т. п. Весь экипаж украсил себя бантами из лент и даже старой собаке Сутген нацепили бант на хвост; на верхушке мачты весело развевался норвежский флаг.

К 11 часам экипаж собрался на льду, и началась торжественная процессия. Впереди шел Нансен с норвежским флагом в руках, за ним следовал Свердруп с корабельным вымпелом в три сажени длины, на котором красовалась надпись «Фрам» на красном фоне; затем следовала музыка в саниах, запряженных собаками: Йогансен с гармоникой в руках и Могштад вместо кучера. Вслед за ними шли Бентсен с ружьем, Гендриксен с длинным гарпуном, Амундсен и Нордаль с красным знаменем, далее доктор с флагом, сделанным из шерстяной фуфайки, навязанной на длинную палку; повар Юэль выступал, держа на спине кастрюлю; шествие

Праздник 17-го мая.

замыкали метеорологи с черным жестяным щитом, украшенным красными лентами. Процессия двинулась. Собаки выступали так важно, точно для них было вполне привычным делом участвовать в церемониях; музыка играла торжественный марш. Процессия два раза обошла вокруг *Фрама* и затем направилась к ледяному холму; по пути Нансен снял с нее фотографию. Взойдя на вершину ледяной глыбы, прокричали восторженное ура в честь *Фрама* и пожелание,

чтобы это образцовое судно благополучно привезло домой всех присутствовавших.

Затем процессия повернула перед носом судна. Нансен, стоявший на мостике с своим фотографическим аппаратом, сказал соответствующую случаю речь, за которой последовал громкий салют из шести ружей; несколько собак так испугались его, что разбежались и спрятались. После этого собакам предоставлено было веселиться по-своему на льду, а люди вошли в общую каюту, разукрашенную флагами, принялись за праздничный обед с музыкой. Подавались следующие бушанья: маленькие жареные рыбки с омаром под острым соусом; картофель с топленым маслом (музыка); свиные котлеты под соусом с зеленым горошком, картофелем и пикулями (музыка); яичный торт с кремом и абрикосами (много музыки). Затем отдых и потом кофе, изюм, винные ягоды и пирожное. Нансен угостил всех своими сигарами. Снова отдых. После ужина Могштад играл на скрипке, и затем опять подавался десерт из винных ягод, конфет, абрикосов и пряников.

В Иванов день миновал ровно год со времени начала путешествия. Набануне этого дня экипаж *Фрама* собирался, по обычаю своей родины, построить костер и прыгать через него; но погода помешала этому.

„Северный ветер с мокрым снегом продолжается, — пишет Нансен в своем дневнике. — Пасмурная погода. Течение к югу. 81°43' северной широты; следовательно, с понедельника мы ушли к югу на 9 минут. Я пережил много кавунов Иванова дня под разными небесами, но ни разу еще не проводил его так, как теперь. Так далеко, далеко от жизни, от всего, что соединено с мыслью об этом вечере. Я вспоминаю веселье, которое в этот день царит вокруг праздничных огней на родине; мне слышится игра на скрипке, смех, ружейные выстрелы и эхо, повторяющее их в голубых вершинах гор, а предо мною бесконечная белая равнина, оку-

танная туманом, и над нею кружится мятель: ветер гонит перед собою снег. Да, надо сказать правду, здесь нет и следа веселья, свойственного Иванову дню. Здесь все серо и серо!“

Лето доставило новую пищу для научных наблюдений Нансена. Поверхность почти всех льдин оказалась покрытою налетом грязно-коричневого цвета; чисто-белые льдины попадались очень редко. Этот налет сильно интересовал и Нансена, и доктора. Они собирали образцы его, тщательно исследовали его под микроскопом и нашли, что он состоит из крошечных частиц разных минеральных веществ, смешанных с веществами органического происхождения, т.-е. что состав его одинаков с составом той пыли, которая постоянно носится в нашем воздухе. По всей вероятности, эта пыль насаждает на падающий снег и с ним вместе спускается на землю. Летом снег стаивает с поверхности льдин, а пыль лежит на них целым слоем.

Как только солнечные лучи пригрели поверхность льда, так во всякой лужице, во всякой канавке пресной воды, образовавшейся от таяния снега, возродилась новая жизнь. На дне этих луж и канавок появились маленькие желтовато-коричневые пятнышки, едва видимые в начале. С каждым днем эти пятнышки увеличивались; лед под ними таял, и в нем образовались крупные, довольно глубокие ямочки. Под микроскопом эти коричневые пятна оказались водорослями, развивающимися под влиянием летнего солнца и заполняющими толстым слоем дно луж и канавок. Эти растения служили пищей массе микроскопических животных, кишевших в каждой ямке пресной воды.

Случалось, что по краям льдин, от поверхности и до воды, шла коричневая полоса: это тоже были водоросли, выросшие на льду. В лужах плавало множество маленьких упругих комочков белого или желтовато-красного цвета: это были, как показал микроскоп, целые скопления водорослей.

„С утра до вечера, иногда до поздней ночи, — пишет Нансен, — сижу я за микроскопом и ничего не вижу из того, что делается вокруг меня. В этом бесконечном море, которое мы склонны считать царством смерти, обитают почти на каждой льдине тысячи, миллионы крохотных существ. Я живу с этими маленькими, прекрасными существами в их собственном мире, где они зарождаются и умирают, одно поколение за другим, где они побеждают друг друга в непрерывной борьбе и занимаются своими делами с такими же чувствами, страданиями и радостями, какие наполняют жизнь каждого существа от микроскопического животного до человека включительно“.

В течение всей зимы экипаж *Фрама* не видел ни одной птицы. Но 13-го мая, в самый Троицын день, к судну вдруг подлетела чайка. После этого на льду стали часто появляться птицы, по большей части чайки и поморники. Нансену удалось даже застрелить несколько так-называемых „розовых чаек“. Эти птицы живут на крайнем севере, и потому весьма немногим естественным наблюдателям удалось видеть их.

Медведи после продолжительного отсутствия опять стали похаживать вокруг судна; но убивать их редко удавалось, так как гоняться за ними порыхлому льду, во всех направлениях прорезанному трещинами и полыньями, не представлялось никакой возможности.

Их появление наводило Нансена на мысль о близости какой-либо неведомой земли, которую ему суждено открыть и которая, быть-может, тянется до самого полюса. Он, насколько возможно часто, делал промеры глубины моря: но эти промеры не подтверждали его надежды. Глубина превышала 1000 сажень, в некоторых местах доходила даже до 2000 с. Таким образом опровергалось и то мнение, какого держались многие ученые, что полярное море очень мелко, что на нем всюду попадаются острова, что эти острова — остатки материка, в давние времена существовавшего вокруг полюса.

VIII.

Переход от лета к зиме совершился удивительно быстро. 4-го августа Нансен пишет в своем дневнике.

„Лето становится заметным. Сегодня вечером мы играли в карты на палубе, употребив вместо стола один из больших кухонных котлов. Это почти напоминало августовский вечер дома“.

26-го августа он уже отмечает:

„Кажется, зима начинается; все эти дни стоят морозы, все лужи и трещины покрылись льдом, настолько толстым, что по ним можно ходить даже без лыж.“

Экипаж *Фрама* готовился провести вторую зиму среди льдин полярного моря; ветер, дувший в июне и июле большею частью с севера, переменил направление; судно хотя медленно, но, несомненно, подвигалось к своей цели, и все были в превосходном настроении. Занятий попрежнему у всех было вдоволь, а к обычным работам присоединились еще новые. Нансен несколько раз объяснял товарищам, что, может-быть, вследствие той или другой случайности им придется оставить судно и сделать часть пути на саних или в лодках. К этой случайности решено было приготовиться самым серьезным образом. Сани были исправлены и снабжены крепкими полозьями; лодки приведены в порядок; построено шесть легких каяйков, обшитых парусиной; составлен подробный список всех вещей и припасов, какие необходимо будет взять с собой. Нансен сам сделал для себя из бамбука каяйк, представлявший верх легкости. Пока лужи не замерзли, этим каяйкам производились пробы на воде, и Нансен со Свердрупом учили прочих управлять ими по-эскимосски. Когда ледяная кора покрыла все лужи, начались другого рода упражнения: Нансен находил, что на случай

пешеходного путешествия будет очень полезно, если все члены экспедиции выучатся хорошо бегать на лыжах; он по опыту знал, что на лыжах можно проходить по снегу и льду громадные пространства, недоступные для обыкновенного пешехода. И вот, с конца сентября ежедневно в определенный час все обитатели *Фрама* выходили на лед со своими лыжами. Неопытные лыжебежцы часто падали и ломали лыжи о льдины; более опытные товарищи помогали им, кое-как связывали лыжи, и катанье продолжалось при общем смехе и веселье.

Поездки на собаках тоже производились очень часто, и старые псы уже весьма порядочно бежали в упряжи. Начали обучать молодых. Из 8 щенков Квик, родившихся зимой, остались в живых только четыре, и то один из них был такой худенький и слабенький, что его нельзя было заставлять работать. Остальных трех попробовали запрягать в сани. Сначала они до того метались и путали постромки, что с ними не было ладу, но мало-по-малу они привыкли слушаться голоса возницы, особенно, когда их запрягали вместе с матерью, которая подавала им пример послушания и добросовестного исполнения обязанностей. Для младших щенков устроено было помещение на палубе судна, прикрытой навесом из парусины. Там они бегали и резвились между разными хранившимися в этом месте вещами, или целой кучей теснились около матери, которая в уютом местечке лежала, важно растянувшись между санями и верстаком. Над палубой протянут был брезент для защиты от непогоды, так что собачкам приходилось проводить большую часть времени в темноте. Зато как же они радовались, когда кто-нибудь выходил на палубу с фонарем в руке! Они все тотчас бросались к огню и скакали около него, точно дети около елки. Остальным собакам построили на льду около самого судна теплые ледяные конуры; в каждой из них могли поместиться четыре собаки.

„Наша жизнь идет правильно, ровно, без всяких событий. спокойно, как окружающая нас ледяная пустыня,—пишет Нансен,—а между тем время летит удивительно быстро. Я провожу целые дни за работой в каюте, которую устроил себе на рубке, и часто у меня является такое чувство, точно я сижу дома, в своем кабинете, окруженный всеми удобствами цивилизованной жизни. Если бы не разлука с близкими сердцу, можно бы счастливо жить и здесь. Иногда я забываю где я. Иной раз вечером, забывшись за работой, я вдруг вскакиваю, прислушиваюсь к лаю собак, и мне думается: кто-то едет к нам? Затем я вспоминаю, что я не дома, что пред нами вторая длинная арктическая ночь, которую нам предстоит провести среди полярных льдов“.

22-го сентября миновал год с тех пор, как *Фрам* был прикован к большой льдине и лишен свободного движения. Нансен по этому поводу составил карту течения, увлекавшего судно. Карта это наглядно показала, что хотя движение шло медленно, неправильною линией, но оно шло именно в том направлении, как предсказал Нансен. *Фрам* сделал в год с 22 сентября 1893 по 22 сентября 1894 года 189 морских миль, т.-е. $3^{\circ}9'$. В июле 1894 года он достиг более северного пункта, а в ноябре 1893 его занесло течением несколько дальше к югу; если считать от самого южного пункта, на котором он находился 7 ноября 1893 г., до самого северного (16 июля 1894 г.), то надо принять, что он прошел 305 морских миль, или $5^{\circ}5'$. При этом он подвигался не прямо на север, а почти постоянно на северо-запад.

„До сих пор мои расчеты оказывались верными,—пишет Нансен.—Мы идем по тому самому пути, по которому следовала льдина с разными вещами *Жаннеты*, как я нарисовал этот путь в докладе Лондонскому Географическому Обществу. Этот путь доходит до $87\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты. Достигнуть более северного пункта я не смею рассчитывать, и буду очень счастлив, если мне удастся подвинуться хоть

настолько. Наша цель, как я много раз убеждал и самого себя, и других, состоит не в том, чтобы добраться до пункта, где кончается земная ось, а в том, чтобы исследовать полярное море. А все-таки мне бы очень хотелось достигнуть полюса, и я надеюсь, что это будет возможно, если мы только доберемся к марту до 84° или 85° .

Мысль о том, чтобы, оставив *Фрам*, одному или с товарищем отправиться по льдинам прямо на север, все более и более зрела в уме Нансена. Спокойно ждать было для его деятельной натуры гораздо тяжелее, чем подвергать себя всевозможным опасностям и лишениям.

„Несомненно, очень легко вести жизнь, полную борьбы,—пишет он,—но здесь нет ни бурь, ни борьбы. А я жажду их, я жажду развернуть все свои силы и завоевать себе дорогу вперед. Это настоящая жизнь! Что за привлекательность в силе, если ее не к чему применить!“

„Неизвестно, что будет через год,—пишет он в другом месте.—Очень может быть, что в течение зимы *Фрам* пойдет на запад и достигнет какого-нибудь пункта к северу от земли Франца-Иосифа. Тогда я с собаками и с санями направлюсь к северу. При одной мысли об этом сердце мое радостно бьется. Зима быстро пройдет в приготовлениях к этой экспедиции. Еще 4—5 месяцев, и снова настанет время для энергичной работы. Какая радость! Теперь, когда я гляжу на ледяную равнину, мне кажется, что все мои мускулы дрожат от нетерпеливого ожидания: наконец-то мне можно будет пройти по льду, как следует, не ради пустой прогулки. Мне даже приятно думать о предстоящих трудах и лишениях... Может-быть, с моей стороны было глупо затевать эту экспедицию, когда, оставаясь на судне, я могу исполнять более важные научные работы; но я надеюсь, что ежедневные наблюдения будут производиться и без меня“.

Нансен никому ничего не говорил о своем намерении, только вскользь намекнул о нем Свердрупу; а сам в тиши

придумывал и рассчитывал все, что нужно приготовить и взять с собой для экспедиции. По обыкновению, он считал, что успех всякого дела зависит от того, с какой подготовкой принимаются за него, и потому обдумывал все до самых мелочных подробностей.

Это не мешало ему попрежнему принимать деятельное участие в жизни судна. При расчете того времени, какое понадобится *Фраму* для возвращения на родину, его часто нугала мысль, что запас керосина может истощиться раньше, чем судно придет в населенные места. А между тем керосин употреблялся и для освещения кают, когда вследствие затишья, мельница стояла и электрический ток прерывался, а также и для варки пищи. И вот он принялся придумывать такое приспособление к кухонной плите, при котором в ней вместо керосина могло бы гореть машинное масло. На *Фроме* были огромные запасы этого масла, взятого для смазывания машины; а так как большую часть времени машина должна была бездействовать, то бочки масла стояли без всякого употребления. После нескольких неудачных опытов Нансену удалось устроить очень простой аппарат, с помощью которого масло превратилось в отличное топливо и вполне могло заменить керосин, который стал употребляться исключительно для освещения. Дело, впрочем, не сразу пошло на лад. На другой день после устройства нового аппарата, когда большая часть экипажа сидела в общей каюте, раздался вдруг глухой треск в роде выстрела, и в ту же минуту Петерсен, заменявший иногда Юэля в должности повара, высунул в дверь свою голову, почерневшую от сажи, точно голова трубочиста.

— В печке сделался взрыв!—объявил он и разразился целым потоком ругательств против дьявольского масла.

Вся его физиономия, вымазанная сажей, выражавшая и ужас, и негодование, была до того комична, что присутствовавшие не могли удержаться от хохота. Нансен поспешил

в кухню, которая была также вся перепачкана сажей. Дело объяснилось просто: масло требует для сгорания большого притока воздуха, чем керосин: Петерсен забыл открыть вентилятор, и в печке образовался газ, который вспыхнул, как только он отворил дверцу, чтобы посмотреть, отчего огонь плохо горит.

— Завтра я сам буду готовить обед,—объявил Нансен:—надобно, как следует, испытать мой аппарат.

Сконфуженный Петерсен и слышать не хотел об этом. Он обещал, что будет аккуратно обращаться с аппаратом, и с этих пор, действительно, никто не жаловался на масло.

Празднование разных торжественных дней попрежнему прерывало однообразие жизни на *Фраме*. 10-го октября, в день рождения Нансена, общая каюта с утра была украшена флагами; большой выпел с именем *Фрама* украшал дверь каюты Нансена. Когда Нансен вышел в салон, все встали, поздравили его и пожелали ему счастья на новый год жизни; когда он вышел на палубу, на бизань-мачте взвился флаг. Перед обедом устроена была большая прогулка на лыжах, при чем все порядком прозябли, так как термометр показывал 31° холода. Обед был праздничный, и после него доктор принес маленькие аптекарские стаканчики и угостил всех настоящим ликером, одна бутылочка которого была у него втайне припасена для торжественного случая. После обеда подавался кофе и очень вкусный яблочный пирог, произведение Петерсена, который оказался очень искусным поваром. К ужину он подал второй с буквами T. e. m. d. (*Til lykke med dagen*), т.-е.: Много счастья на сегодняшний день. Весь вечер прошел в веселых разговорах, и стены каюты далеко за полночь оглашались громким смехом.

16 октября экипаж *Фрама* распрощался на четыре месяца с солнцем, которое в полдень появилось в последний раз на горизонте в виде огненно-красного сплюснутого шара. Снова настала длинная полярная ночь с синеvато-бледным

светом луны и с чудными северными сияниями, озарявшими небо волшебным блеском. В течение всего октября судно правильно подвигалось к северу, и 21-го октября экипаж праздновал радостное событие, *Фрам* достиг 82° северной широты. 26-го октября, день рождения *Фрама*, которому исполнилось два года, тоже справлялся торжественно. За обедом Нансен сказал речь, в которой предлагал выпить за здоровье дорогого новорожденного, которого они все хвалили еще в прошлом году, но настоящие достоинства которого они оценили только теперь, когда убедились, что он хотя не особенно быстро, но вполне спокойно и благополучно несет их вперед.

„Я сказал слишком мало,—замечает по этому поводу Нансен.—Если бы я высказал все, что чувствовал, моя речь вышла бы гораздо горячее; по правде сказать, мы все любили наш корабль, как только можно любить неодушевленный предмет. И как нам было не любить его? Никакая мать не может дать своим птенцам более теплого и безопасного убежища, чем дает он нам: он, действительно, стал нашим домом. Мы все с радостью возвращаемся к нему из наших экскурсий по льду; как часто радостно билось мое сердце, когда я заходил куда-нибудь далеко, и над покровом вечных снегов виднелись мне вдалеке его мачты.

Морозы все больше и больше крепчали; в ноябре термометр часто показывал больше 30 градусов, но это нисколько не мешало экипажу *Фрама*, в особенности Нансену, делать длинные прогулки на саниах, на собаках и на лыжах.

Научные наблюдения тоже не прерывались из-за дурной погоды. Чтобы работать более спокойно, не развлекаясь шумом и разговорами в общей каюте, Нансен устроил себе рабочий кабинет в маленькой каюте на палубе, и хотя температура в ней обыкновенно стояла ниже нуля, он не находил ее холодной. Доктор Блессинг и Йогансен построили себе в нескольких шагах от судна ледяной домик, в роде эскимосской юрты. С крыши спускалась лампа, и яркий свет ее

красиво отражался в белых ледяных стенах. Здесь они производили свои научные работы, защищенные от резкого холодного ветра. Когда в домике было не больше 20° мороза, они находили, что брать инструменты голыми руками не представляет никакой неприятности.

Вообще, эта вторая зима обещала быть еще холоднее, чем первая, но жители *Фрама* привыкли к морозам и переносили их совершенно легко. Зато молодым собакам пришлось поплатиться за свое неумение обращаться с холодными предметами.

Раз вечером Нансен, сидя у себя в каюте, вдруг услышал отчаянный собачий визг. Он побежал на палубу и увидел, что один из щенков вздумал лизнуть железный болт, и язык его примерз к металлу. Бедное животное старалось освободиться и вытянуло язык до того, что он болтался точно тоненькая тряпочка. Бентсен, бывший на вахте, прежде всех заметил беду, но не знал, как помочь; он только схватил собаку за шиворот и держал как можно ближе к болту, чтобы она не тянула так сильно язык. Нансен согрел рукою болт, и тогда язык освободился. Бедный щенок был так рад, что принялся своим окровавленным языком лизать руку Бентсена. Другая собачонка пострадала еще сильнее. Когда щенкам приносили пищу, они обыкновенно поднимали возню и драку, и в пылу битвы один из них подошел слишком близко к валу мельницы, находившейся в движении. Раздался ужасный, раздирательный вой. Люди выскочили на палубу посмотреть что случилось. Оказалось, что щенок лежит на мельничном валу, вертится вместе в нем и при этом страшно воет. Бентсен схватил веревку тормоза и изо всей силы тянул ее, чтобы остановить мельницу. Нансен поспешил ему на помощь, и вдвоем им удалось прекратить движение вала. Подоспевший Могштад освободил собаку. Оказалось, что ее шерсть примерзла к валу, который, двигаясь, увлекал ее за собой и при всяком повороте ударял ее о пол. Бедная

собака еще дышала. Ее принялись гладить, растирать, и через несколько минут она слегка приподняла голову, потом попробовала стать на передние лапы и мутными глазами осматривалась кругом. Ее снесли в каюту, всячески ухаживали за ней, и часа через два она опять стала бегать и веселиться, как ни в чем не бывало.

IX.

Обдумывая план экспедиции к полюсу на саних, Нансен прежде всего останавливался на мысли, кто должен предпринять ее? Всего приятнее было бы ему отправиться вместе со Свердрупом, с которым он переходил на лыжах через Гренландию, и Свердруп с величайшим удовольствием пошел бы с ним; но вместе они не могли оставить *Фрам*. Один из них должен был взять на себя обязанность благополучно довести остальных на родину, другой должен был стать во главе экспедиции; иначе нельзя было, так как только они двое обладали достаточною опытностью и знанием дела.

„Я не могу отпустить Свердрупа,—рассуждал Нансен,—так как, несомненно, оставаться на судне менее опасно, чем итти; а я не могу поручить ему более опасное дело и оставить себе менее опасное. Если он погибнет, я никогда не прощу себе, что отпустил его, если даже это будет по его собственному желанию. Он на девять лет старше меня; мне было бы слишком тяжело взять на себя ответственность за его жизнь. Для безопасности остальных совершенно все равно, который из нас останется на судне: они доверяют обоим нам, и я убежден, что каждый из нас в состоянии благополучно доставить товарищей на родину. С другой стороны. Свердруп, как капитан, должен вести корабль, а производство научных наблюдений лежит на моей обязанности. Мой долг итти, его долг—остаться. Он и сам найдет это вполне справедливым“.

В спутники себе Нансен выбрал Иогансена, отличного лыжебежца, необыкновенно ловкого и выносливого человека, мастера на все руки. Он сообщил ему свой план и просил его обдумать хорошенько, хочет ли он принять участие в экспедиции, так как это дело серьезное, опасное, при котором ставится на карту жизнь.

— Мне нечего обдумывать,— тотчас же отвечал Иогансен.— Свердруп давно говорил мне, что, может-быть, такая экспедиция состоится. Я тогда же все обдумал и решил, что если вы меня возьмете с собой, я буду несказанно благодарен вам!

— А подумали вы, какие опасности ожидают нас? Ведь, может-быть, нам не придется больше увидеть ни одного человеческого лица. Если даже мы благополучно вернемся домой, сколько трудов и страданий предстоит нам перенести!

— Я все это отлично понимаю.

После этого Нансен объявил о своем намерении всему экипажу. Вечером, когда все сидели вместе в общей каюте, он произнес целую речь, в которой в коротких словах напомнил им те соображения, на основании которых составлен был им план их настоящей экспедиции. Судно, затертое льдами на севере от Сибири, должно быть увлечено течением на северо-запад, пройдя между землей Франца-Иосифа и полюсом, и выйдет в Атлантический океан. Поэтому, задача экспедиции заключается в том, чтобы исследовать это течение по неведомым морям. По тому, как дело шло до сих пор, можно надеяться, что задача эта будет выполнена.

Произведенные исследования имеют громадное значение, все равно, дойдет ли *Фрам* до полюса, или нет. Но можно сделать еще больше... Тут он изложил им подробности своего плана проникнуть дальше к северу на санях. Все слушали внимательно, все выражали искреннее желание успеха но-

вому предриятию Нансена, но при этом каждому хотелось и самому принять в нем участие. Нансену пришлось долго убеждать их, что хотя, несомненно, очень важно проникнуть как можно дальше на север, но что нисколько не менее важно благополучно провести *Фрам* через полярное море и выйти на противоположную сторону, сохранив в целости судно, а главное—не пожертвовав ничьей жизнью.

Начались приготовления к новой экспедиции. Нансен думал отправиться в путь в конце февраля или начале марта, когда взойдет солнце, но до тех пор многое предстояло сделать. Кайяк, устроенный Нансеном из бамбуковых прутьев и обшитый парусиной, оказался очень легким и удобным; Могштад взялся сделать второй точно такой же, а Нансен и Иогансен готовили для него обшивку; изготовлялись ручные санки, особенно прочные и гибкие, которые могли бы выдерживать путешествие по неровным льдинам; производились опыты с походной кухней: шелковая палатка приводилась в порядок; осматривали, чистили и пробовали все инструменты, какие могли понадобиться путникам; Свердруп шил спальные мешки; Могштад готовил и примерял упряжь для собак; Блессинг составлял небольшую походную аптечку; журнал плавания *Фрама* и научных наблюдений, произведенных во время этого плавания, списывали в сокращенном виде на тонкой бумаге, так как Нансен на всякий случай хотел взять их с собой. Нансен составлял таблицы, в которые путники должны были заносить свои наблюдения, и кроме того рисовал карту всего путешествия.

Между тем *Фрам* продолжал медленно подвигаться вперед. 12 декабря он дошел до 82°30' северной широты. Так далеко от север не заходило еще ни одно судно на свете, и экипаж имел полное право задать по этому поводу пир. На праздничном обеде пили тосты за *Фрама*, за присутствовавших и за тех, кто дома с тоской и надеждой ждал их возвращения. За обедом и после обеда играла музыка. Ларе

Петерсен исполнил несколько характерных танцев, и весь вечер прошел в приятных разговорах.

Снова настали рождественские праздники.

„Второе Рождество,—пишет Нансен,—проводим мы во мраке пустыни, в царстве смерти, и на этот раз мы подвинулись еще дальше на север, в глубь этого царства. Как-то странно чувствуется при мысли, что это наше последнее Рождество на *Фраме*. Почти грустно становится, когда думаешь об этом. Корабль стал нашей второй родиной, мы привязались к нему. Может быть, товарищи проведут на нем еще одно Рождество или даже несколько, а нас с ними не будет: мы удаляемся от них в пустыню!“

Рождество принесло экипажу *Фрама* подарок: судно достигло 83° северной широты и продолжало подвигаться вперед. Поэтому первый день праздника прошел вдвойне весело. За обедом подавались разные сладкие пироги и печенья; Нансен и Блессинг умудрились устроить из соба морошки шинучий напиток, который они называли „Полярное шампанское 83-го градуса“, и который всем очень понравился. После обеда Могштад играл на скрипке, а Петерсен пел песни и танцевал. Его примеру скоро последовали и прочие. В каюте открылся настоящий бал, Нансен и Гансен играли роль дам. Петерсен был неутомим. Он давал честное слово, что если по возвращении домой у него еще останутся сапоги на ногах, он станет танцевать, пока не изотрет всех подошв.

Ветер и мятель бушевали в течение всей недели святок. В то же время опять началось сильное движение льда, и несколько раз корабль получал такие толчки, что весь его корпус вздрагивал. На льдине, с левой стороны его, образовалась трещина, которая то расширялась, то исчезала под напором надвигавшегося льда. Утром 28 декабря Нансен вышел осмотреть эту трещину, и все собаки тотчас же побежали за ним. Он только что подошел к краю льдины, как какая-то темная фигура провалилась у самых его ног. Ока-

залось, что это Паи, одна из самых больших собак. Она подбежала к краю крутого обрыва, поскользнулась и слетела в воду. Напрасно старалась она выкарабкаться: крутые края обрыва были покрыты мягким снегом, за который нельзя было удержаться. Нансен нагнулся, чтобы помочь собаке, и сам чуть не слетел в воду. А между тем собаки с визгом окружали его и заглядывали ему в глаза, как будто прося помочь товарищу. Наконец-то удалось бедному Пану вылезть и, чтобы согреться, он стал, точно сумасшедший, бегать взад и вперед по льдине. Остальные собаки с громким лаем бегали за ним, вероятно, желая выразить свою радость, что он спасся. Чтобы вознаградить Пана за его несчастье, его пустили в салон, где он сушился все время после обеда.

В тот же вечер корабль испытал страшный толчок. Нансен вышел на палубу посмотреть лед; но из-за воя ветра не слышно было шума сдвигающихся льдин. Удары повторялись несколько раз все с большей и большей силой; все судно качало. Очевидно, лед сдвигался где-нибудь вблизи. В 12 часу ночи Могштад, дежуривший на вахте, сошел в каюту и объявил, что перед самым носом корабля образовалась высокая ледяная гора. Все пошли с фонарями посмотреть, что случилось. За 56 шагов от носа корабля возвышалась крутая куча льдин, тянувшаяся вдоль трещины, на которую был сильный напор. Лед трещал, скрипел и грохотал; шум то ослабевал, то снова усиливался. Гора образовалась, повидимому, большею частью из свежего льда, недавно замерзшего в канаве, но среди него виднелись и старые, огромные льдины. Гора медленно подвигалась к кораблю. Лыдина около корабля дала трещину, а та, на которой стоял корабль, начала уменьшаться. Если бы гора надвинулась на корабль, она причинила бы ему огромный вред. Хотя расстояние было еще довольно значительно, но Нансен распорядился, чтобы вахтенные зорко следили за движением льда и разбудили его, как только ледяная глыба

приблизится к кораблю, или льдина под судном даст трещину. Ночью было несколько ударов, затем все стихло, и дня три лед был совершенно спокоен. Накануне нового года снова послышался грохочущий шум, и *Фрам* так закачало, что в каютах нельзя было ничем заниматься. Часа два продолжался грохот надвигавшихся друг на друга льдин, потом все стихло.

Эта тишина продолжалась дня четыре, изредка прерываемая отдаленным грохотом льдин или небольшими толчками. Экипаж весело встретил новый год тостами за здоровье присутствовавших (в том числе *Фрама*) и отсутствовавших, взаимными пожеланиями всякого счастья и надеждою, что наступающий год приведет их к цели их путешествия.

Все были спокойны, никто и не чуял беды, готовый обрушиться на них.

3-го января с утра начался напор льда в трещинах за судном и с левой стороны его. Лед трещал и грохотал, все судно дрожало. С левой стороны, шагах в 30 от *Фрама*, вдоль большой трещины образовалась целая ледяная гора, которая надвигалась на судно. Тотчас же стали переносить все вещи, находившиеся на льду, с левой стороны судна на правую, и затем делать приготовления на случай, если бы пришлось оставить корабль. Сани и кайяки расставили на палубе так, чтобы их легко было спустить вниз; на лед вынесли ящики и мешки с съестными припасами, бочки керосина. Вечером, когда все сидели за ужином, вдруг послышался страшный треск льда; этот треск, повидимому, все приближался и разразился под самой каютой. Педер Гендриксен пошел посмотреть, в каком положении находится лед, и, вернувшись, со смехом объявил:

— Лопается себе! Нельзя сказать, чтобы было очень красиво!

Лед треснул около самого того места, где лежали мешки с провиантом для собак, и трещина распространялась под

корабль. Кругом судна образовалось тоже несколько трещин. Через несколько времени напор снова начался с левой стороны.

— Надобно спасать собак, — раздался крик Педера; — вода выступила на лед.

Действительно, вода заливала собачьи конуры. Педер по колени в воде добрался до них и открыл двери. Почти все собаки тотчас же выскочили и побежали на правую сторону судна, но некоторые со страху забились в задние углы конур и стояли по живот в воде, так что их пришлось насильно вытаскивать оттуда.

Трещина образовалась внизу вдоль всего корабля, и оттуда вода хлынула в левую сторону, где льдина, поддерживавшая судно, постоянно опускалась вследствие тяжести навалившей на нее ледяной глыбы. Трещина грозила опасностью походной кузнице, которую пришлось поставить на сани и переправить на правую сторону. Там мало-по-малу устроился целый склад вещей, снесенных с *Фрама*. Весь день работал экипаж; к ночи на лед перенесен был провиант, которого могло хватить на 200 дней, и все легли спать в одеждах, готовые, в случае надобности, всякую минуту оставить судно, которое под напором надвигавшейся ледяной горы заметно склонялось в левую сторону.

Весь следующий день, всю ночь продолжался напор льда, и появлялись все новые трещины, между тем как старые покрывались слоем новообразованного льда. Ледяная глыба зловеще надвигалась на судно.

В 6 часу утра 5-го января раздался страшнейший шум и треск. Свердруп вбежал в каюту Нансена и объявил, что ледяная гора подошла к *Фраму*, и что она сильно давит судно. Они тотчас же разбудили остальных и стали переносить на налубу шубы и разные вещи, еще остававшиеся в каютах; потом отвязали паровой катер, висевший на левой стороне, и стащили его на льдину. Весь день лед не двигался, но в 8 часу вечера снова раздался оглушительный

треск и грохот, — глыбы снега повалили на палубу. Педер схватил лопату и принялся энергично сбрасывать снег с открытой части палубы. Нансен хотел помочь ему, но сразу увидел, что смешно выступать с лопатой против такого сильного врага.

— Пойдем лучше переносить остальные вещи на лед! — позвал он Педера.

Только что они отошли, как снова раздался треск, за которым последовал новый обвал снега.

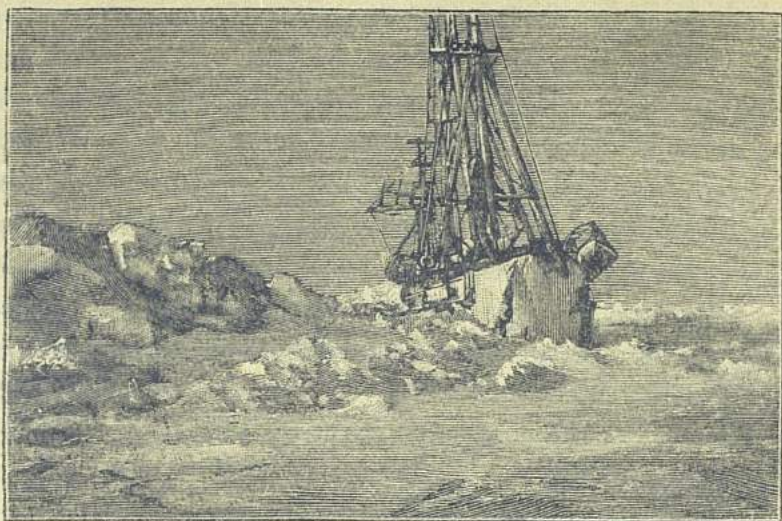
— Еще минутка — и меня задавило бы и с лопатой вместе, — хохотал Педер.

Нансен позвал весь экипаж наверх, приказав им подниматься не с левой стороны, а с правой и захватить с собой мешки с бельем и одеждой, которые каждый держал около себя. Все поняли, что опасность близка. Свердруп только что разделся, чтобы взять ванну; он быстро набросил на себя одежду и бросился бежать. Амундсен впопыхах забыл, что надо было выходить через правую дверь, и пошел через левую. В темноте он запнулся о порог палубы и упал. Снова раздался оглушительный треск; ему показалось, что палуба со всей массой снега валится на него, и он долго не решался подняться.

„Никого не надо было торопить, — рассказывает Нансен: — всех подгонял лед, который сильно давил на стенки судна. Мне несколько раз казалось, что настала последняя минута. Проносить большие мешки через узкий проход машинного отделения было очень трудно: все толкались в темноте, а к довершению неприятности в лампы забыли налить керосин, и они погасли. Мне пришлось еще раз спуститься вниз, чтобы надеть теплую обувь, сушившуюся в каюте. Когда я сошел вниз, напор достиг высшей степени. Балки потолка трещали так, что я думал, они тотчас обвалятся на меня. Скоро все мешки были вынесены из кают, и мы перетаскивали разные вещи с палубы на лед. Лед выл, трещал

и с таким шумом ударял о стенки судна, что мы не слышали собственных слов. Однако, все сошло благополучно, и скоро все наши вещи были уложены в безопасном месте. Пока мы таскали мешки, напор льда, наконец, прекратился и все снова стихло.

Фрам после напора льда.

Но какой вид представлял наш *Фрам*! Левая сторона его была совершенно засыпана снегом; из-под снега виднелась только крыша тента. Баканцы были покрыты снегом и льдом. Если бы мы во-время не сняли с них паровой катер, он был бы уничтожен.

Когда напор льда прекратился, экипаж вернулся в опустелые каюты. Все двери с правой стороны были расперты, чтобы, в случае надобности, тотчас выскочить на палубу и сойти на лед. Положение было опасное; *Фрам* сильно склонился на левую сторону и мог не выдержать нового натиска; но компания в каюте уже пережила минуту тревоги и, пользуясь временным затишьем, отдыхала, покуривая свои трубочки и поедая запасы разных лакомств, которые не стоило беречь; все думали, что скоро придется навсегда распрощаться с *Фрамом*.

На следующий день напор не возобновился. Большая часть экипажа спокойно выспалась утром и после обеда все принялись освобождать *Фрам* от льда и снега.

В этот день Нансен отмечает в своем дневнике:

„Сегодня после обеда Гансен произвел вычисления, которые показали, что мы достигли $83^{\circ}34'$ северной широты. Ура! С понедельника мы подвинулись на $13'$ и теперь находимся на таком пункте северной широты, какого до сих пор еще никто не достигал! Весь шум и грохот, какие производил лед за последние дни, был, может-быть, его салютом в честь достижения нами такого северного пункта! В таком случае надобно сознаться, что он сделал нам большую честь. Ну, все равно: пусть он себе трещит, как угодно, только бы подвигал нас на север! Теперь можно наверно сказать, что *Фрам* выдержит. Ни одна рея не испортилась. Тем не менее мы и сегодня ложимся спать одетыми, готовыми каждую минуту бежать с корабля“.

„Хотя мы сознаем свою силу,—пишет дальше Нансен,—но мы не можем не уважать противника, который располагает такими средствами и в несколько минут может привести в действие такие страшные военные снаряды. Чтобы штурмовать нас, лед выдвинул свои огромные тараны. Но *Фрам* оказался достойным противником. Никакое другое судно не могло бы выдержать приступа. В какой-нибудь час времени лед выстроил подле нас стену, от которой нам придется освобождаться целый месяц, а может быть и больше“.

Еще несколько дней продолжались напоры льда, но гораздо более слабые и в стороне от *Фрама*. Трещины затянуло, лед пришел в спокойное состояние, и если бы не ледяная стена у левого борта, ничто не напоминало бы экипажу о пережитых волнениях. Судно очистили от льда, вещи, вынесенные на лед, уложили в порядке, чтобы всегда можно было достать, что нужно, и прикрыли брезентами и лодками.

Мало-по-малу жизнь на *Фраме* вошла в обычную колею, и снова начались энергичные приготовления к экспедиции Нансена. К концу января начало рассветать, и в полдень можно было даже читать крупную печать на открытом воздухе.

„Каждое утро, прежде чем садиться за работу,—пишет Нансен,—я делаю прогулку и приветствую начинающийся день. Какое-то особенное чувство овладевает мною при этом; я ощущаю в глубине души торжествующую радость при мысли, что с восходом солнца все мои мечты осуществляются; но когда я работаю среди обычной обстановки, мною овладевает часто глубокая грусть. Я как-будто расстаюсь с дорогим другом и с родным домом, долго служившим мне приютом; скоро покинем мы навсегда этот дом и наших милых товарищей; я не буду больше ходить взад и вперед по палубе, покрытой снегом, не буду пробираться под тент, слышать смех в уютном салоне и сидеть в кругу друзей. Потом мне иногда представляется, что когда *Фрам* разобьет наконец ледяные оковы и повернет свой нос к берегам Норвегии, меня на нем не будет. Прощанье придает всему в жизни какой-то грустный оттенок, подобно вечерней заре, когда кончающийся день—хороший или дурной, все равно—со слезами скрывается за горизонтом“.

Х.

В конце февраля настал, наконец, день, назначенный для выступления экспедиции. Солнце еще не показывалось, но утренняя заря окрашивала пурпуром край горизонта, и предрассветные сумерки распространяли бледный свет в полуденные часы. Работа на *Фраме* кипела. Все необходимое для экспедиции изготовлялось под руководством и наблюдением Нансена, который не знал покоя ни днем, ни ночью. Кроме заботы обо всем, что необходимо было взять с собой, его занимала мысль об остающихся: он давал им указания,

как продолжать начатые научные наблюдения, и много толковал со Свердрупом о том, как вести дальше экспедицию. Накануне отъезда, передавая капитану начальство над экспедицией, он письменно повторил ему то, что часто говорил на словах, что главная забота его должна заключаться в том, чтобы благополучно доставить на родину экипаж, что и существование *Фрама*, и все научные результаты экспедиции менее дороги, чем жизнь людей, вверивших себя их руководству.

Грустно прошел прощальный ужин в салоне. На следующее утро экспедиция двинулась в путь. Впереди бежал на лыжах Нансен рядом с *Квик*, передней собакой первых саней, за ним следовали с криком, с хлопаньем бичей и собачьим лаем еще трое нагруженных саней. Свердруп, Гансен, Блессинг, Гендриксен и Могштат, тоже на лыжах, провожали товарищей. Поезд недалеко подвинулся вперед; на гладком льду собаки бежали отлично, но они не в силах были втащить сани на ледяные горы; кроме того, двое саней скоро сломались, ударившись об острые ледяные глыбы. Пришлось вернуться на *Фрам*, чтобы починить сани. Нансен решил вместо 4 саней взять 6, чтобы их было легче везти, и уменьшить количество забранного провiantа. Все сани были починены, скреплены заново, и дня через три путники снова выступили в сопровождении тех же товарищей. Весь день подвигались они благополучно вперед, вечером раскинули палатку и устроили прощальный ужин с горячим пуншем, а на *Фраме* в это время горела в честь их иллюминация: на мачте поднята была электрическая лампа,—первая лампа, осветившая ледяные массы полярного моря; на льдинах, окружавших судно, зажжен был блестящий фейерверк. На следующее утро Нансен и Йогансен распрощались с товарищами.

— Когда вы вернетесь домой, вы, наверное, отправитесь к южному полюсу... Смотрите, подождите меня,—я тоже поеду с вами,—говорил Свердруп, пожимая руку друга.

И на этот раз начало путешествия экспедиции оказалось неудачным. Собаки опять-таки хорошо везли сани только на ровном месте, при всяком же пригорке, при всякой трещине во льду они останавливались, и людям приходилось по шести раз ходить взад и вперед, чтобы помогать животным втаскивать поочередно каждые сани. Нансен чувствовал, что при таком медленном движении вперед он никогда не достигнет цели: необходимо было устроиться как-нибудь иначе. И вот он во второй раз вернулся на *Фрам*.

Последняя ночевка с товарищами перед отправлением в путь.

Теперь он решил отправиться всего с тремя саними и взять провианта только на 30 дней для собак и на 100 дней для людей. 14-го марта экспедиция, наконец, в последний раз простилась с *Фрамом*. Скотт-Гансен, Гендриксен и Петерсен пошли провожать путников и в первый день пути помогали им перетаскивать сани через цепи ледяных пригорков, которыми был усыпан путь. Переночевав вместе с товарищами и вдоволь померзнув на 45° морозе, они отправились в обратный путь, а Нансен и Погансен двинулись дальше.

Первые дни одинокого странствования отважных путников по ледяной пустыне прошли благополучно. Собаки бодро

бежали вперед по гладкой ледяной равнине; погода стояла ясная, хотя холодная; солнце высоко поднималось над горизонтом. Иногда попадались ряды нагроможденных друг на друга ледяных глыб, через которые приходилось перетаскивать сани чуть не на себе, и трещины, которые надобно было обходить, делая большой крюк; но путники бодро шли вперед, проходя от 10 до 15 верст в день.

„Единственная неприятность,—пишет Нансен,—это холод. Наша одежда днем превращается в ледяной панцырь, а ночью в сырой компресс. Вследствие ледяных сосулек на внутренней стороне спального мешка, он становится все тяжелее и тяжелее. Ночью температура бывает ниже 42°“.

Дней через десять пути лед стал заметно хуже. Ровные пространства попадались все реже и реже, все чаще приходилось переправлять сани через ледяные глыбы, а холод еще усилился вследствие резкого северо-восточного ветра. Одна из собак заболела от усталости и не только не могла тащить саней, но не могла даже бежать за поездом. Ее убили, и мясо ее отдали в пищу другим собакам; но многие из них, несмотря на скудость пищи, не соглашались дотронуться до собачьего мяса.

Чем дальше подвигались путники, тем чаще приходилось им помогать собакам при всяких неровностях пути, а также поднимать сани, очень часто опрокидывавшиеся, разгружать и снова нагружать их. Это так утомляло их, что они иногда засыпали на ходу. Как только они находили местечко, защищенное от ветра снежным холмом или цепью ледяных гор, они останавливались на ночлег. Йогансен распрягал и кормил собак; Нансен расставлял палатку, разводил огонь в походной кухне и принимался готовить ужин. Затем расстилали на полу спальный мешок, тщательно закрывали все отверстия палатки и залезали в мешок, чтобы оттаить свои одежды. Это была весьма неприятная операция.

В течение дня испарения тела проникали в одежду, замерзали, и вся одежда представляла обледенелую массу; она трещала при каждом движении и делалась до того жесткой, что рукава рубашки натерли Нансену на сгибе руки глубокую рану, которая долго мучила его. Вечером, лежа в мешке, они понемногу оттаивали одежду теплотою собственного тела. При этом сами они страшно зябли и, стуча от холода зубами, дрожа всем телом, близко прижимались друг к другу, чтобы сколько-нибудь согреться. Часа полтора лежали они таким образом. Наконец, одежда оттаивала и делалась мягкой и сырой. Ужин был готов. Он всегда казался им необыкновенно вкусным, и они целый день мечтали об этой счастливой минуте; но, увы, усталость часто мешала им насладиться ею. Глаза их закрывались, и они засыпали, не успев донести ложку до рта. Поужинав в полусне, они выпивали по кружке горячей воды с разведенным в ней молочным порошком, и это, наконец, согревало их. После этого они окончательно укладывались в свой мешок, застегивали верхний конец его над головами и засыпали, прижавшись друг к другу.

На утро Нансен вставал первым и готовил завтрак, состоявший из шоколада, хлеба с маслом и с сушеным мясом, или из какой-нибудь мучной похлебки и молочного порошка с горячей водой. Когда завтрак был готов, Нансен будил Югансена; они садились в свой спальный мешок, разстилали на коленях шерстяное одеяло, вместо салфетки, и с аппетитом загусывали. После завтрака они проводили несколько времени за писанием своих дневников, за починкой разорвавшейся одежды и обуви или лопнувшим мешком, и уже затем готовились в путь.

„Иногда мы были до того утомлены,—говорит Нансен,—что, кажется, готовы были отдать все на свете, только бы опять залезть в мешок и проспать целые сутки. Мне тогда

казалось, что это было бы величайшее удовольствие; но нет, надо было идти дальше на север, все на север“.

Впереди шел обыкновенно Нансен, отыскивая дорогу среди льдин; за ним двигались первые сани. Собаки скоро привыкли следовать за ним, но при всякой неровности поверхности они останавливались. Если не удавалось бриком заставить их дружно подхватить сани, тогда Нансену приходилось возвращаться и подгонять их кнутом или помогать им. Сзади шел Югансен с двумя другими санями: он то кричал на собак, то бил их кнутом, то вместе с ними втаскивал сани на крутые пригорки.

„Мы были жестоки к бедным животным, так жестоки, что мне противно вспомнить об этом,—пишет Нансен.—Мне до сих пор больно подумать, как мы безжалостно били их толстыми палками, когда они останавливались, измученные усталостью. Сердце наше обливалось кровью, мы отворачивались, чтобы не смотреть на них, и нарочно старались ожесточать себя. Это было необходимо. Мы должны были двигаться вперед, и перед этой целью все отступало на задний план. В этом состоит печальная сторона экспедиций, подобных нашей: приходится убивать в себе все лучшие чувства, и остается один жестокосердный эгоизм. Когда я думаю о всех тех славных животных, которые безропотно работали на нас, пока могли двигаться, которые никогда не получали благодарности и редко слышали ласковое слово, пока силы окончательно оставляли их и смерть освобождала от страданий; когда я думаю, как они одно за другим гибли среди ледяной пустыни, свидетельницы их верности и самопожертвования,—я часто чувствую сильнейшие упреки совести“.

Путешественники обыкновенно шли часов 8 или 10 в сутки и в течение этого времени останавливались закусить. Эти остановки доставляли им, впрочем, больше неприятностей, чем отдыха. Страшный мороз и ветер пробирали их до кос-

тей, как только они присаживались в сани: пища была заморожена. Они пробовали растилать на льду свой спальный мешок и забираться в него, но не могли оттаять ни пища, ни одежды. Часто, когда мороз был слишком силен, они ели на ходу, не присаживаясь ни на минуту. Особенно тяжело было им возиться с собаками. Окостенелыми от холода пальцами приходилось беспрестанно распутывать собачью упряжь, которую собаки то и дело путали и разрывали. Едва удастся связать и приладить, как следует, постромки, и сани пробегут благополучно с полверсты, как вдруг—ледяная глыба. Собаки останавливаются и воют от нетерпения, что не могут догнать ушедших вперед товарищей; оне рвутся, грызут постромки, какая-нибудь из них распрягается и убегает в сторону; приходится ловить ее, связывать кое-как постромки и перетаскивать сани через ледяную глыбу.

Трещины, в разных направлениях пересекавшие ледяные пространства, тоже доставляли им не мало хлопот. Нансен шел обыкновенно впереди, чтобы разведывать дорогу; часто ему приходилось долго идти сначала в одну, потом в другую сторону, прежде чем он находил сколько-нибудь сносный путь; иногда случалось, что он не замечал трещины, покрытой тонким слоем льда, запорошенного снегом. Собаки проваливались в эту трещину, их приходилось вытаскивать, удерживать, чтобы они не опрокинули саней, налаживать сызнова всю упряжь, искать безопасного обхода. Один раз не широкая, но очень длинная трещина перерезала им путь. Необходимо было перейти через нее. Первые сани удалось перевезти благополучно; но когда они шли за другими, под ногами Йогансена вдруг подломилась льдина, и он провалился обеими ногами в воду. Трещина расширялась все больше и больше. Йогансену удалось вскарабкаться на тот ее берег, где стояли его сани, а Нансен в это время бежал по противоположному берегу, отыскивая место для переправы. Долго все поиски его оказывались напрасными, и он уже с ужасом

думал, что им придется проводить ночь в разлуке: ему с палаткой на одном берегу, несчастному, окоченелому Югансену на другом. К счастью, после долгих поисков место переправы нашлось, и сани с Югансеном могли переѣхать че-

Переправа через ледяные горы.

рез трещину; но идти дальше не было возможности, так как ноги Югансена превратились в ледяные глыбы. Необходимо было как можно скорее разбить палатку и согреть его.

С каждым днем путь становился все затруднительнее и затруднительнее. Около трещин, затертых льдом, громоздились ледяные горы, промежутки между которыми были покрыты тонким слоем снега, скрывавшим неровности поверхности. При всяком неосторожном шаге или сами путники, или их собаки проваливались в глубокие ямы.

Удивительно, как мы не переломали себе ног! — замечает по этому поводу Нансен.

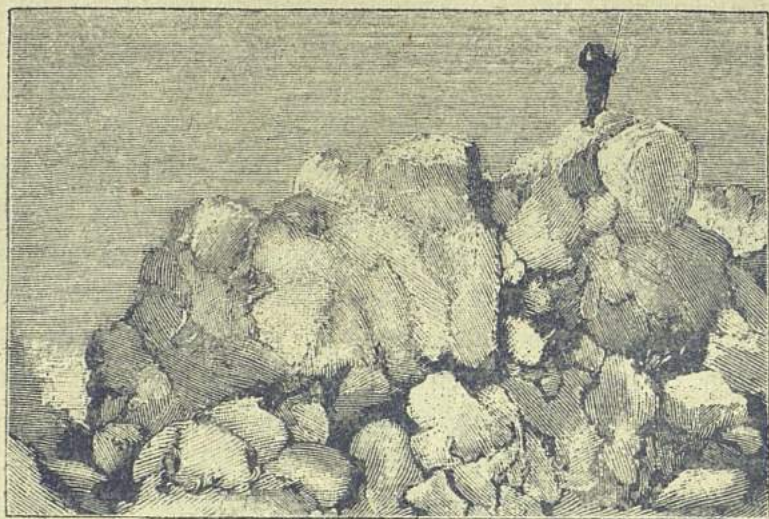
В начале апреля вторая собака ослабела настолько, что ее пришлось убить и кормить ее мясом остальных. Насколько хватал глаз, вооруженный подзорной трубой, ледяная поверхность к северу вся была перерезана грядками ледяных холмов и нагроможденными друг на друга льдинами. Нансен сделал вычисление того пространства, которое им удалось пройти в течение 20 дней. Оказалось, что они находились на $85^{\circ}54'$ северной широты. Когда они сошли в последний раз с *Фрама*, он достиг 85° , следовательно, они сделали всего 94, 95 верст при таких страшных условиях. Это было невероятно! Были дни, когда они проходили по 15, по 20 верст и почти никогда меньше пяти. По всем их соображениям они давно уже перешли 86° , и вдруг такое разочарование! Долго ломал себе голову Нансен, чтобы объяснить это странное явление, пока наконец, у него мелькнула мысль, вскоре подтвердившаяся всеми наблюдениями: лед, по которому они шли, не был неподвижен, и так как все последние дни дул северный ветер, то очевидно, он двигался к югу. Это было печальное открытие. Сколько сил, сколько трудов пропало даром! До сих пор они считали главным препятствием нагроможденные льдины да трещины, а тут являлся еще более страшный непобедимый враг—течение! У Нансена явилось сомнение, не будет ли безумием двигаться дальше? Очевидно, при таких условиях они не в состоянии достигнуть полюса: если даже силы не оставят их, у них во всяком случае не хватит провiantа не только для собак, но и для себя. С того пункта, на котором они находились, до ближайшей к ним Земли Франца-Иосифа было около 300 верст; если лед и в той стороне так же плох, то как удастся им пройти это расстояние?

6-го апреля Нансен писал в своем дневнике:

„Лед становится все хуже и хуже. Вчера он довел меня почти до отчаяния, и когда мы сделали привал сегодня утром, я почти решился вернуться. Но я подожду еще день и посмотрю, так ли плох лед дальше на север, как мне пока-

залось с высоты ледяного холма, около которого мы останавливались. Вчера мы прошли всего несколько верст. Трещины, гряды ледяных гор, голые льдины, и при всякой неровности поверхности приходится поднимать сани,—всякий силач устал бы от такой работы“!

Нансен на ледяном холме.

8 апреля он говорит:

„Нет, лед все хуже, и мы не можем двигаться дальше; за одной грядой холмов идет другая; нам приходится беспрестанно пробираться через ледяные глыбы. Мы вышли сегодня в два часа утра и шли, пока были в состоянии, при чем нам почти все время приходилось тащить сани на руках. Я побежал немного вперед на лыжах, но не нашел нигде порядочной дороги, и с самых высоких холмов всегда передо мною открывался все тот же лед. Это настоящий хаос ледяных глыб, простирающийся до самого горизонта. Безмысленно пытаться идти дальше: мы теряем дорогое время и ничего не достигаем. Поэтому я решил вернуться и направить наш путь к мысу Флигели. На этой самой северной стоянке нашей мы устроили себе праздничный ужин из

самых лучших своих припасов и, наевшись досыта, залезли в свой милый мешок. Сегодня утром по моим вычислениям оказалось, что мы достигли $86^{\circ}13'$ северной широты“.

XI

8-го апреля путники повернули к юго-западу, окончательно отказавшись от надежды достигнуть полюса. В том новом направлении, какого они стали держаться, лед оказался значительно лучше. Гряды ледяных холмов чередовались с довольно большими пространствами ровного льда и шли по большей части с северо-востока на юго-запад, так что путникам можно было не пересекать их, а идти вдоль них. Одно, что сильно задерживало их и доставляло им много хлопот, были трещины, канавы и полыньи, безпрестанно попадавшие им. Иногда эти трещины были покрыты тонким слоем льда, который проламывался под тяжестью саней; собаки проваливались, сани тоже, люди по колено в воде вытаскивали их и шли дальше, предоставляя мокрому платью замерзать на себе. Морозы стали легче; после всего испытанного путниками 25-градусный мороз казался им пустяком; а когда погода сделалась еще теплее, Нансен писал:

„Какое наслаждение путешествовать при такой мягкой погоде: всего 11 градусов,—можно делать, что хочешь: не страшно работать голыми руками; без ужаса думаешь о том, что надобно застегнуть пуговицу. Опять можно шевелить искалеченными, замерзшими пальцами и не чувствовать боли от прикосновения к ним“!

Солнце сильно припекало; они нарочно расставляли налатку на солнце и не только не дрожали в своем мешке, но даже иногда находили, что в нем жарко спать.

Эта теплая погода имела и свою невыгодную сторону. Тонкий лед и снег на трещинах таяли, и эти трещины нередко превращались в широкие канавы, даже в целые озера; переправа через них с каждым днем становилась все труд-

нее и труднее. Нансену приходилось делать несколько верст по берегу такой трещины и часто возвращаться назад, не найдя никакого перехода. Тогда не оставалось ничего иного, как остановиться на ночлег около нее и ждать или мороза, который сковал бы поверхность трещины, или движения льда, который затер бы ее.

„Досадно бывало, — пишет Нансен, — когда какая-нибудь широкая полынья вдруг преграждала путь по гладкому, ровному льду; но все-таки необыкновенно приятно видеть перед собой открытую воду, в струйках которой играет солнце. Подумать только, после такого долгого промежутка и опять вода, опять блестящие струйки! Мысли невольно переносятся к родине и к лету“.

Нансен часто делал вычисления широты и долготы тех пунктов, на которых они останавливались; он должен был скоро убедиться, что на этот раз опять течение играло с ним злую шутку: оно направлялось к северу и, пройдя больше ста верст, они подвинулись всего на несколько минут к югу. А между тем провиант, взятый для собак, приходил к концу, да и силы бедных животных ослабевали. Все чаще и чаще приходилось убивать неспособных продолжать путь, и почти все оставшиеся в живых с жадностью набрасывались на мясо убитых товарищей. В начале мая осталось всего 16 собак, да и те были крайне истощены.

4-го мая Нансен писал:

„Ночью лед сильно испортился. Трещины встречались безпрестанно, одна хуже другой; чтобы переходить их, мы должны были отклоняться в сторону от своего пути и делать трудные обходы. Можно было прямо прийти в отчаяние, особенно, когда поднялся сильный ветер. Какое безконечное мучение! Чего бы я ни дал, чтобы снова увидеть землю, идти по определенному пути, делать определенное количество верст в день и освободиться от той безконечной заботы и неуверенности, какую создают эти трещины! Неизвестно, какие

неприятности они нам еще наделают, какие препятствия нам придется преодолеть, прежде чем мы достигнем земли; а при этом количество собак все убывает. Бедные животные получают все, что мы можем дать им; но это нисколько не помогает. Я устаю до того, что не могу удержаться на лыжах; а когда падаю, желаю одного—лежать на месте, избавиться от труда вставать“.

Эта непомерная усталость заставляла их иногда останавливаться в таких местах, где жизнь их подвергалась большой опасности. Так, один раз они промучились полдня, переправляясь через трещины и гряды льдин, нагроможденных вдоль этих трещин; после полудня поднялся ветер и снежная метель; решили остановиться где бы то ни было. Единственную защиту от ветра поблизости представляла ледяная гора, и они разбили около нее свою палатку, хотя видели, что эта гора недавно образовалась вследствие напора льда, и знали, что если напор возобновится, им придется плохо.

„Я еще не успел заснуть,—рассказывает Нансен,—как лед под нами начал трещать, и в ледяной горе сзади нас послышалось хорошо известное нам движение толчками. Я прислушался и подумал, не лучше ли встать, пока ледяная глыба не обрушилась на нас, но тут же быстро заснул и увидел во сне землетрясение. Когда я проснулся через несколько часов, все было спокойно. Только ветер выл, трепал стены палатки и вздымал горы снега вокруг нее“.

8-го мая, через месяц после начала своего обратного путешествия, путники находились на 84°21' северной широты, т. е. подвинулись к югу меньше, чем на 180 верст; а между тем по той скорости, с какою они шли, они сделали не меньше 400 верст! Правда, они в то же время подвинулись значительно на запад, и Нансен был уверен, что один из островов, образующих так называемую „Землю Франца-Иосифа“, должен быть уже очень недалеко. Его надежды еще

больше оживились, когда он заметил на снегу свежие следы нескольких лисиц. До тех пор им во все время пути не попадалось ни одного живого существа, а тут вдруг лисицы!

— В этой ледяной пустыне им питаться нечем; очевидно, они забежали сюда с как-нибудь населенной местности, — рассуждали путники, и это придавало им бодрости. Ничего так не хотелось им, как встретить медведя или другого большого зверя, чтобы мясом его досыта накормить бедных собак, число которых все убывало и убывало.

К половине мая осталось в живых всего 12 собак, да и те двигались очень вяло. Нансен решил уничтожить одни сани и разделить весь багаж на остальные двое. Это переукладывание заняло целый день, так как пришлось заодно чинить разорванные мешки и одежду. Кстати сделалась такая сильная метель, что невозможно было продолжать путь. Путешественники вздумали воспользоваться лишними санями и сломанными колями лыж, чтобы развести к стер. Давно не видали они яркого пламени и с наслаждением любовались на костер, пылавший у входа в палатку. К сожалению, костер не только пылал, но и дымил, а ветер гнал прямо в палатку этот дым, евший глаза и горло. Перенесли костер немного подальше на лед: это спасло от дыма, но зато лишило возможности греться около костра и любоваться им. Для приготовления кушанья керосиновая кухня оказалась удобнее, так как давала больше тепла, чем дрова, и на ней кушанье приготавливалось гораздо скорее. На следующее утро ветер стих; яркое солнце заблестало на безоблачном небе, и путники двинулись в путь с двумя санями, в которых было запряжено по шести собак. Чтобы не брать с собой лишнего груза, они оставили на месте стоянки несгоревшую часть саней и несколько палок.

„Мы снова идем по движущимся льдинам, — пишет Нансен, — не знаем наверно, где мы находимся, не знаем, далеко ли нам идти до той неведомой страны, на которой мы

надеемся найти средства пропитания; мы идем с двумя запряжками собак, число которых постоянно уменьшается, силы которых с каждым днем ослабевают; между нами и нашей целью лежит ледяное поле, которое может представить нам неожиданные препятствия; мы тащим сани, которые для нас слишком тяжелы. Мы с великим трудом идем версту за верстой, а может быть, движение льда относит нас на запад, далеко от земли, к которой мы стремимся. Да, это, несомненно, тяжелая жизнь, но она когда-нибудь кончится, и мы достигнем цели“.

Обессиленные собаки шли сколько-нибудь сносно только по совершенно гладкой дороге, при всякой неровности на поверхности они останавливались в полном изнеможении; людям приходилось идти вперед, отыскивать и прокладывать дорогу, а затем снова возвращаться назад и подгонять собак. Это была тяжелая работа, но на это они не роптали; главное, что их приводило в отчаяние, были трещины, которые, чем дальше, тем чаще превращались в огромные полыньи, в целые озера воды. Собираясь переправиться через одно из таких озер по тонкому слою льда, покрывавшему его, путешественники вдруг услышали странный шум, похожий на сопение кита. Они стали прислушиваться, присматриваться и заметили, что в одном месте лед зашевелился, еще секунда — и из отверстия показалась огромная голова морского единорога. Несколько шагов дальше еще голова и еще; за головой последовало туловище, которое описало в воздухе полукруг и исчезло подо льдом. Путешественники приготовили ружья и гарпуны, чтобы поохотиться за этими животными; но они быстро исчезли из виду: Во всяком случае появление их было приятно: провиант приходил к концу, а такая большая дичь могла надолго предохранить от голода и людей, и собак. После этого морские единороги стали попадаться чуть не во всякой большой трещине, а на снегу несколько раз встречались следы медведей.

Май подходил к концу, а земли не было видно.

„Вчера был, кажется самый тяжелый для нас день,— писал Нансен 24 мая.—Трещина, перед которой мы остановились на ночлег, была хуже всех, какие мы до сих пор встречали. Утром, после завтрака, пока Юансен занимался починкой палатки, я пошел отыскивать место для перехода через нее и напрасно проходил целых 3 часа. Оставалось одно—идти на восток вдоль трещины, в надежде, что где-нибудь найдется переход. Но идти пришлось гораздо дальше, чем мы ожидали. Когда мы дошли до того места, где трещина, повидимому, кончалась, оказалось, что все ледяное поле кругом растрескалось, льдины с страшной быстротой двигаются и сталкиваются. Одну минуту мне показалось, что через них можно пройти; но пока я ходил за санями, передо мной очутилась открытая вода. Однако, мы пустились вперед, перескакивая со льдины на льдину. Лед двигался вокруг нас и под нашими ногами, пробираться было страшно тяжело. Несколько раз нам казалось, что мы дошли до конца трудного пути; но скоро разочарованным глазам нашим открывались новые полыньи, новые трещины. Можно было просто прийти в отчаяние. Казалось, конца этому не будет. Куда мы ни обращались, всюду перед нами раскрывались полыньи. Точно будто весь лед тронулся. Хотя мы были страшно голодны и утомлены, но мы решили не отдыхать, пока не победим этого препятствия. Наконец, после 9-часовой работы мы потеряли всякую надежду и решили пообедать в 1 час ночи. В 4 часа мы снова принялись за прежнюю безнадежную работу. К довершению неприятности, поднялся такой туман, что нельзя было различить, что перед тобой—ледяная стена или яма. Сколько трещин мы перешли, на сколько крутых ледяных холмов мы влезали, таща за собой тяжелые сани, я не знаю; но во всяком случае их было много. Они шли и поворачивали в разные стороны, и всюду мы наталкивались на пространства воды и рыхлого снега.

Но все кончается, даже и такое мученье. Проработав еще 2½ часа, мы, наконец, перешли через последнюю трещину, и перед нами лежала гладкая равнина. В общей сложности мы провели 12 часов за этой работой. Кроме того, утром я бежал три часа, отыскивая дорогу, так что всего был на ногах 15 часов. Мы до последней степени утомились и измолкли. Нельзя пересчитать, сколько раз мы проваливались в воду, покрытую обманчивым слоем льда. Утром мне едва удалось выкарабкаться. Ничего не подозревая, я побежал на лыжах по льду, который считал совершенно крепким, как вдруг он стал подо мною опускаться; к счастью, поблизости находились льдины, на которые я вскочил, между тем как вода затопила тот снег, на котором я только-что стоял“.

Дни, следовавшие за этим „самым тяжелым“, были несколько не легче его. Холмы, трещины, полыньи, рыхлый снег, в который нога уходила по колени, тонкий лед, ломавшийся под ногой, небольшое гладкое пространство, а затем опять те же трещины, те же полыньи... Много раз вздыхали путники о марговских морозах, которые превратили бы всю ледяную поверхность в крепкую, плотную массу! Май месяц был самый невыгодный для путешествия: лед уже ломался, но еще не образовались большие пространства открытой воды, по которым можно бы пуститься в кайяках. Несколько раз Нансену приходила в голову мысль: не остановиться ли, не подождать ли наступления настоящего лета; но и ему, и Йогансену все казалось, что земля должна быть близко, очень близко, что еще несколько усилий, и они дойдут до нее. Измерения показывали, что они приближались к 82° северной широты; кроме того, природа вокруг них положительно оживлялась: в полыньях кроме морских единорогов стали появляться тюлени, в воздухе летали птицы: чайки разнообразных пород, буревестники; на снегу попадались следы медведей.

Между тем собаки гибли от истощения одна за другой. Пришлось убить красавца Бара, потом Ёвик, потом Пана,

самую лучшую собаку из всей своры. К концу мая уцелело всего 7 штук.

XII.

1-го июня после целого дня ходьбы по довольно сноскому льду путники разбили палатку недалеко от трещины, которую, несмотря на все усилия, не могли перейти. К утру следующего дня эта трещина превратилась в целое озеро воды, простиравшееся далеко во все стороны. Нечего было и думать перебраться через это озеро пешком или в саних. Между тем кайяки сильно попортились во время пути и, прежде чем спускать их на воду, надобно было починить их. Путешественники перенесли свою палатку подальше от воды, в местечко, защищенное от ветра, и принялись за работу. Обе парусинные покрышки кайяков были во многих местах прорваны, бамбуковые палки, составлявшие остов их, поломаны,—дела предстояло не мало.

2-го июня Нансен писал в своем дневнике:

„Сегодня Троица! Сколько приятных летних воспоминаний вызывает это слово! Как тяжело думать, что дома теперь так хорошо, а мы должны сидеть здесь среди снега, ветра и льда! Как тянет туда! Сегодня маленькая Лиф пойдет обедать к бабушке, может-быть, именно в эту минуту ей надевают новое платье. Ну, ничего, придет время, что и я буду с ними,—неизвестно, только когда! Надобно скорее приниматься за работу, за починку кайяков, чтобы прогнать печальные мысли.“

Они несколько дней работали так усердно, что почти забывали об еде, и иногда не спали по целым суткам. Между тем работа подвигалась медленнее, чем они ожидали, и прошла целая неделя, прежде чем кайяки были готовы. Эта задержка заставила их серьезно призадуматься, хватит ли им провианта. Собаки давно съели то, что было припасено для них, и питались исключительно мясом своих уби-

тых товарищей; они голодали до того, что грызли ремни лыж, куски парусины, обломки палок. Путники тоже не могли уже есть, как прежде, сколько хотели: они решили каждый день отбивать себе определенные порции и довольствоваться только необходимым. Вокруг них летало, правда, много чает, но это были такие крошечные птички, что на них не стоило терять заряды; большие звери не появлялись.

9-го июня кайяки были, наконец, готовы, и решено, во что бы ни стало, пуститься в путь. Новая беда! Сильный юго-восточный ветер, дувший целые сутки, привел в движение ледяные массы; старые трещины закрылись, исчезло и то озеро воды, ради которого предпринята была вся длинная работа! Пришлось нагрузить кайяки на сани и снова день за днем тащиться вперед по мягкому снегу, в котором проваливались ноги, по трещинам, покрытым осколками льдин.

„В общем нам приходится вести однообразную жизнь,— писал Навсен,—такую однообразную, как только можно себе представить. День за днем, неделя за неделю, месяц за месяцем все то же утомительное странствование по льду, который иногда бывает несколько хуже, иногда несколько лучше,—все та же напрасная надежда дойти до конца его, все тот же однообразный ледяной горизонт,—всюду лед и только лед. Ни с какой стороны не видно земли, хотя мы должны находиться приблизительно на одной широте с мысом Флигели. Мы не знаем, где мы, не знаем, чем все это кончится. Между тем наши припасы уменьшаются с каждым днем, и число собак убывает. Достигнем ли мы земли, прежде чем съедим свои припасы, и вообще достигнем ли мы ее? Скоро нам станет невозможно продолжать бороться против этого льда и этого снега: снег превратился в кабую-то кашу; собаки при каждом шаге проваливаются в него: мы вязнем по колено, когда хотим помочь им и вместе с ними тащить сани. Так приходится перебираться через ряды тре-

щин, через ряды ледяных гор. Трудно сохранить надежду, но мы ее сохраняем. По правде сказать, мы почти теряем ее, когда смотрим на лед перед собою, на эту безнадежную смесь горных цепей, трещин, рыхлого снега и громадных льдин, набросанных друг на друга,—будто это какой-то застывший буран. В иные минуты кажется просто невозможно, чтобы существа, не обладающие крыльями, могли идти дальше; с завистью следишь глазами за пролетающей чайкой; и думается, как далеко можно бы пройти, если бы иметь крылья!“

Всякий раз, как только погода прояснялась, оба путника поочередно влезали на холмы и жадно глядели в даль, не виднеется ли земля. Все напрасно! Только на юге и на юго-западе виднелась на небе темноватая полоска, которую можно было принять за отражение земли или большого пространства открытой воды. К этой полоске стремились все мечты несчастных путников; но, увы, несмотря на все их невероятные усилия, они почти не подвигались к ней. Вычисление показывали, что они недалеко от 82°; но ветер, гнавший лед на север, никак не давал им достигнуть этого градуса. К концу июня в упряжке у Нансена осталась только одна собака и у Иогансена две. Тогда они сами впряглись в сани, устроив себе упряжь из ремней, которыми были привязаны погибшие собаки. И люди, и оставшиеся в живых собаки напрягали все свои силы, но подвигались вперед очень медленно; кроме того, пришлось убавить порцию пищи как людей, так и собак, чтобы возможно дольше сохранить жизнь.

„Мы все пятеро,—пишет Нансен,—страдали от голода и усталости с утра до вечера и с вечера до утра. Мы решили стрелять во всякую дичь, какая нам попадется, даже в чаек и буревестников; но, как нарочно, ничего не попадалось. Я не силю по ночам ломать голову, как выйти из этого затруднительного положения. Надеюсь, выход найдется“.

Действительно, счастливая случайность помогла им на другой день после того, как были написаны эти грустные слова: все утро тащили они свои сани обычным образом по очень дурному снегу, и после полудня подошли к большому озеру, через которое нельзя было перебраться иначе, как в каяках. Они спустили каяки в воду, связали их вместе, поставили на них сани, одни спереди, другие сзади. Собаки без всякого приглашения вебочили туда же, и это странное судно, нагруженное санями, мешками, ружьями и собаками, двинулось по голубым водам озера.

— Мы едем точно цыгане, — смеясь, заметил Иогансен, — никто бы не сказал, глядя на нас, что мы ученые путешественники!

Сани и лыжи мешали грести, вода просачивалась сквозь обшивку каяков; тем не менее такой способ передвижения был несравненно приятнее, чем ходьба по льду и снегу. Когда они переправились через озеро, и Нансен выскочил на противоположный берег, он вдруг услышал подле себя плеск воды: оказалось, что он спугнул тюленя, лежавшего у берега; вслед затем из воды выставилась огромная голова животного. Не успел Нансен схватить свое ружье, как голова скрылась подо льдом. Через минуту она снова выставилась.

— Стреляйте скорей, Иогансен! — закричал Нансен.

Раздался выстрел, который попал животному прямо в голову. Нансен бросил сани, которые до половины стащил на берег, схватил гарпун и покончил тюленя. Между тем сани соскользнули с берега и повисли одним концом на каякине, другим в воде. Вследствие этого каяк сильно наклонился и зачерпнул воды, лыжи свалились с него, керосиновая кухня очутилась в воде. Всему судну грозила неминуемая опасность; а Нансен держал убитого тюленя и ничего не видел, кроме своей дорогой добычи. Наконец, фрики Иогансена, который никак не мог справиться

с тонувшим обозом, заставили его расстаться с тюленем. Общими силами втащили они на льдину кайяки, сани, скользявшие в воду вещи и, наконец, убитого зверя. Все опасения голодной смерти исчезли: мясо громадного животного могло надолго служить им пищей, а его сало они собирались употреблять вместо керосина для варки кушанья. Они отыскивали укромное местечко, разбили палатку и насладились обильным ужином, который показался им особенно вкусным после нескольких дней, проведенных впроголодь.

Погода стояла теплая: в тени меньше 10 градусов холода, а на солнце несколько градусов тепла; снег понемногу таял; льдины двигались, затирали старые трещины, открывали новые, более широкие, более удобные для плавания. Среди лета ледяная пустыня должна была сделаться гораздо более удобопроходимой, и путешественники решили отдохнуть несколько дней в ожидании этого. Дела у них было не мало: во первых, надо было пересушить все вещи, вымокшие во время их переезда через озеро, превратить в консервы часть тюленьего мяса, хорошенько скрепить и выкрасить кайяки, чтобы они не текли. Приготовить краску из тех материалов, какие у них были под руками, оказалось дело не легкое. Нансен жег и толок кости тюленя, а потом мешал их с ворванью и с сажей. Чтобы добыть эту сажу, он прокоптил всю палатку, так что и сам он, и Йогансен стали походить на настоящих трубочистов.

„Все кругом нас бело и чисто,—замечает он,—только мы двое сидим черными дикарями среди снежно-белой пустыни“.

Вместо предположенных нескольких дней, они прожили на месте целый месяц, пока, наконец, благодетельный дождь смыл весь талый снег. Им удалось в это время убить медведицу и двух медвежат, которые подошли слишком близко к их стоянке, и недостатка в пище они не терпели. 22-го июля двинулись они, наконец, в путь. Теперь у ка-

жлого из них было всего по одной собаке, так как вторая собака Йогансена заболела и была убита. Они значительно облегчили свй багаж оставив множество вещей на месте стоянки: доски с саней, лыжи, большую часть аптекарских принадлежностей, сковороду, котел для таянья льда, мешки, парусину, меховые и шерстяные рукавицы и проч.; даже своего друга, спальный мешок, они не взяли с собой. Вместо всего этого они захватили мешок сушеного мяса тюленя и медведя и большой кусок сала.

Облегчив себя таким образом, они снова впряглись в сани, каждый рядом с своей собакой, и бодро зашагали по льду, который далеко не представлял гладкой равнины, но по которому все-таки можно было идти не проваливаясь. Через попадавшиеся же трещины и полыньи они без особенного труда переплывали в каяках.

На другой день после выступления в путь Йогансен влез на пригорок, чтобы осмотреть местность, и заметил на горизонте какую-то странную черную полосу. Через несколько времени Нансен с другого пригорка увидел ту же полосу, поднимавшуюся над горизонтом и сливавшуюся с чем-то белым, что он принял за гряду облаков. В волнении схватился он за подзорную трубу... Все сомнения исчезли... Это земля, земля, и очень недалеко от них! Еще через несколько времени на востоке выступила из тумана такая же белая полоса, больше и выше первой, без всяких черных точек. Можно себе представить радость утомленных путников! Они были уверены, что если хорошенько постараются, то через день, много через два достигнут берега. И они старались, они напрягали все силы; но, увы, надежды их несбылись! Целых тринадцать дней пришлось им бродить по самому отвратительному льду и перебираться через сети трещин. Все время дул южный ветер и относил их вместе со льдинами в противоположную сторону от земли, так что после недели самого утомительного странствования они потеряли ее из

вида. К довершению неприятности, Нансен заболел: у него сделалась сильная боль в спине, он в продолжение двух-трех дней еле мог двигаться, и Погансену приходилось ухаживать за ним, как за ребенком. Наконец, 7-го августа они очутились на берегу открытого моря. Ледяная пустыня была позади них, а впереди возвышалась стена глетчера, у подножия которого расстиралось большое пространство почти совсем чистой воды.

„Сердца наши радостно забились,—рассказывает Нансен,—но от волнения мы не могли произнести ни слова.

На берегу открытого моря.

Сзади нас остались все наши печали, впереди был водяной путь на родину. Я махнул шапкой Погансену, который немного отстал; он в ответ тоже помахал шапкой и во все горло закричал:

„Ура!“

Начался спуск кайяков на воду. Так как сани нельзя было установить на одном кайяке, то кайяки связали и поставили одни сани спереди, другие сзади. К великому сожалению обоих путешественников, они не могли взять с собой

собак. Неимоверные усилия последних дней окончательно истощили бедных животных; они не только не могли приносить никакой пользы, но едва ли могли долго прожить. Тащить их дальше за собой значило причинять им напрасные мучения и увеличивать без того слишком большой груз каяков. Поэтому путешественники с болью в сердце решились пристрелить их. Нансен застрелил собаку Йогансена, Йогансен собаку Нансена.

Глетчер.

После этого они сели в каяки и взялись за весла. Целых два года не видели они такого большого пространства воды и с наслаждением прислушивались к плеску мелких волн около бортов лодки. Дело пошло еще лучше, когда поднялся попутный ветер, и они могли наставить парус. Скоро добрались они до глетчера, который круглой стеной падал в море, спустили парус и на веслах повернули к западу, чтобы найти место для высадки. Это оказалось делом более трудным, чем они ожидали. Туман оку-

тывал землю пред ними, а когда он расходился, им представлялись острова, покрытые глетчерами, которые спускались к морю и незаметно переходили в полосу льдов, тянувшихся вдоль всех берегов. Нансен назвал первый из открытых им островов „Островом Евы“, второй „Островом Лиф“ в честь своей жены и дочери, а всю группу Землю Хвиден (Белою). Целую неделю плыли путешественники то на веслах, то на парусах мимо этих островов, ночевали на льдинах и часто должны были перекладывать каяки на сани и перетаскивать их через ледяные пространства, заграждавшие им путь.

ХIII.

Темные утесы одного из островов несколько дней манили к себе путешественников; наконец, 15-го августа, вечером они добрались до него и в первый раз после двух лет ступили на землю, непокрытую снегом.

„Невыразимо приятно было,—пишет Нансен,—перепрыгивать с одной гранитной глыбы на другую! Необыкновенно милыми показались нам мхи и цветы, которые мы отыскиали в укромном местечке между камнями: крупный, красивый мак, каменелом и др.

Островок, на который они высадились, тянулся длинной полосой с севера на юг и состоял из целого ряда утесов и каменных глыб различной величины. К западу виднелся другой остров, а к северу еще два маленьких островка. Путешественники переправились по льду на западный остров.

В узкой полосе моря, окружавшей его, виднелись целые леса морской брашвы, а среди них множество улиток и морских ежей; довольно плоский, ровный берег был усеян раковинами; на утесах кричали и чирикали стаи птиц; а между утесами снег был покрыт розовым налетом микроско-

пических водорослей. Налюбовавшись этою картиною жизни, которой они так долго не видали, путники решили продолжать путь. На юг и на юго-запад от них, за неширокой полосой льда виднелось открытое море; на горизонте обрисовывалась новая земля. До сих пор они никак не могли понять, где именно находятся, есть ли им надежда добраться в этом году до обитаемых мест и попасть на родину. Поэтому они решили воспользоваться открытой водой и, насколько возможно дальше, спуститься на юго-запад. Для большого удобства они наполовину уворотили свои сани, положили каждый из них на отдельный кайяк и, благодаря этому, могли быстрее подвигаться вперед.

Десять дней плавали они между неизвестными островами, по большей части окутанными туманом. Останавливались они отдыхать только на льдинах, так как острова, мимо которых они проезжали, представляли или недоступные утесы, или круто спускавшиеся глетчеры. На одной из таких стоянок им удалось убить медведя.

26-го августа они обогнули западную оконечность какого-то, повидимому, большого острова и увидели перед собой значительное пространство воды. Очень далеко к югу можно было различить очертания земли. Бодро налегли они на весла и в течение нескольких часов, благодаря попутному ветру, быстро подвигались вперед. К вечеру ветер вдруг переменялся, подул с юго-запада и скоро превратился в настоящий шторм. Плыть дальше в такую погоду не было возможности. До земли, видневшейся на юге, оставалось еще несколько миль, да и самая эта земля, покрытая глетчерами, не представляла никакой привлекательности. Ветер нагонял все более и более густые массы льда; путешественникам грозила опасность попасть в середину пловучих льдин и быть унесенными снова на север, а потому им оставалось одно — повернуть назад и пристать к тому острову, мимо которого они недавно проехали.

Не успели они вытащить на берег свои кайяки, как совсем близко около них появился медведь. Иогансен уложил его выстрелом из ружья. Затем они разбили палатку, приготовили себе ужин из свежего мяса и надеялись спокойно уснуть. Не тут-то было: ветер рвал и трепал их палатку; чайки поднимали страшный шум над их головами и мешали им спать. На следующее утро невозможно было продолжать путь: ветром нагнало столько льда к самому берегу, что открытого моря совсем не было видно. Путешественники думали, что им придется провести несколько дней на этом берегу, и решили устроить себе какое-нибудь подобие жилища, так как полуразорванная палатка не защищала их от непогоды. Под утесом, возвышавшимся на берегу, лежало много камней; они натаскали их и построили себе из них хижину. Эта хижинка была такая маленькая, что Нансен не мог лежать в ней, протянув ноги, а когда он сидел, то подпирал головой крышу. Вместо крыши они натянули шелковую материю, из которой раньше устранивали палатку. Отверстие, служившее дверью, они завешивали своими куртками, а в окнах не нуждались, так как через большие дыры между камнями проходили и свет, и воздух. Несмотря на все недостатки своей постройки, путники очень гордились ею, и, разлегшись на медвежьей шкуре, в своем спальном мешке чувствовали себя превосходно, хотя дым от лампы, наполненной салом, до слез им ел глаза.

В следующие дни количество льда около берега не уменьшилось, напротив, масса его становилась все более и более плотной. Приближался сентябрь, когда в этих широтах уже начинается зима. Теперь Нансен сообразил, что они находились на одном из тех островов, которые носят общее название Земли Франца-Иосифа. До крайнего юго-западного пункта этих островов им оставалось верст 200. Трудно было надеяться добраться туда раньше наступления полярной ночи, и неизвестно было, можно ли там найти какую-нибудь

хижину, успеют ли они запастись на зиму припасами. Самое безопасное было остаться зимовать там, где они находились, как можно скорей начать строить себе удобное жилище на зиму и запастись пищей. Грустно было думать, что еще одну зиму придется им провести вдали от людей, среди ледяной пустыни; но Нансен никогда не позволял себе предаваться грустным мыслям, и Йогансен следовал его примеру. Раз решено было остаться здесь, следовало, как можно скорей приниматься за дело, и они принялись, не теряя времени.

На той широте, на которой они находились, им нечего было надеяться найти себе какую бы то ни было растительную пищу; зато сразу было видно, что в мясе им не придется терпеть недостатка. Множество чаек всяких пород оглашали воздух своими пронзительными криками; медведи то в одиночку, то по двое и по трое подходили к самой хижине и с любопытством обнюхивали ее; на льдинах день и ночь лаяли и фыркали огромные моржи. В первый же день, когда решено было остаться зимовать на острове, Йогансен застрелил медведицу и медвежонка, а на следующий день Нансен затеял охоту на моржей в кайяках. Они вынесли из кайяков все, что в них лежало, для большей безопасности соединили их вместе и по канаве, образовавшейся в некотором расстоянии от земли, направились прямо к большому моржу, который лежал на льдине около канавы. Они пустили ему пулю в голову; он с минуту лежал как бы ошеломленный, потом бросился в воду и начал, точно сумасшедший, биться и вертеться в ней... Нансен закричал, что надо править назад; но было поздно: морж подплыл под кайяк и нанес ему несколько сильных ударов снизу. Потом он снова высунул голову на поверхность; кровь текла у него из носа и изо рта; его громкое дыхание было далеко слышно. Охотники снова пустили ему по пуле в лоб, и на этот раз успели во-время отъехать. Девять раз повторили они этот маневр; наконец морж перестал шевелиться, и, считая

его мертвым, они приблизились к нему с гарпунами. Но он вдруг спустился в воду и исчез. Этот неудачный конец охоты очень смутил обоих охотников, и они молча возвращались назад. Впрочем, они скоро утешились. На льдине, в нескольких шагах от берега, лежали на солнце двое моржей; они долго лаяли и страшно шумели, потом успокоились и заснули, не чуя беды. Охотники подкрались к ним. Пуля Нансена сразу уложила одного из них; Йогансен выстрелил во второго и попал в лоб, но рана была не смертельна. Кровь полилась у него из носу и изо рта; он фыркал и сопел так, что воздух дрожал; потом, всунув в лед свои огромные клыки, он лег неподвижно.

„Несмотря на его громадное тело, на его безобразную наружность, напоминающую сказочное чудовище, в его круглых глазах было столько умоляющего и беспомощного, что невольно забывалось и его безобразие, и собственные потребности; чувствовалась только величайшая жалость к нему,— пишет Нансен.—Я пустил ему пулю за ухо и тем прекратил его страдания; но меня до сих пор преследует его взгляд: этот взгляд, повидимому, молил о жизни не только для него, но и для всей беспомощной породы моржей“.

Перевести на берег громадных животных было дело не легкое. Охотники привезли сани и большие ножи, захватили на всякий случай и каяки, так как начинался северный ветер, и льдину с моржами могло отнести от берега. Эта предосторожность оказалась далеко не лишней. Пока они снимали шкуру с первого моржа, льдина раскололась, ветер превратился в настоящую бурю, и тот кусок льдины, на котором они находились, быстро понесло в море. Между ними и прибрежным льдом образовалась все более и более расширявшаяся полоса воды. Им ничего больше не оставалось, как спустить каяки в воду, поставить на них сани и как можно скорей грести к берегу. Чтобы сохранить хоть часть своей добычи, они бросили на дно каяка большой кусок морже-

вого мяса, отрезали четверть шкуры с толстым слоем жира и положили ее поперек своих связанных каяйков. Им было очень трудно грести против бушевавшего ветра, а когда они достигли полосы прибрежного льда, стало еще хуже. Весь этот лед был изрезан трещинами и находился в движении. Только-что входили каяйки в трещину, как льдины надвигались на нее и грозили раздавить их. В санях тоже не было возможности пробраться, так как лед трескался по всем направлениям. Охотникам пришлось бросить шкуру моржа и разъединить каяйки. Ветер дул с такой силой, что каждую минуту казалось, будто он готов подхватить легкие суденышки и перевернуть их; но каяйки держались превосходно, и через несколько часов усиленной работы, от которой ныли руки гребцов, они, наконец, благополучно добрались до берега.

Можно себе представить, с каким наслаждением залезли они в свою хижинку и поужинали горячим бульоном.

Однако им не удалось отдохнуть в эту ночь. Только-что они стали засыпать, как у самых дверей хижины раздалось глухое ворчание. Нансен схватил ружье и вышел из хижины. Перед ним стояла медведица и два больших медвежонка. Он дал по ней два выстрела и вторым тяжело ранил ее, так, что пройдя несколько шагов по льду, она упала и не могла подняться. Медвежата убежали и уселись вместе на одну льдину, на которой было мало места для них обоих. Постоянно то один, то другой падал в воду и снова выкарабкивался. При этом оба жалобно кричали и все смотрели на землю, как-будто подзывали к себе мать. Между тем ветер гнал их все дальше и дальше от берега. Охотники вернулись к своим каяйкам и тут увидели следы визита медведей. Моржовое мясо, которое они с таким трудом везли на берег, было растерзано, разбросано по земле и весь жир из него выеден. Один каяйк был наполовину стащен в воду, другой выброшен на камни. К счастью, каяйки не пострадали, хотя, видимо, медведи сильно поработали над ними. Через несколько

времени медвежата приплыли к берегу и вышли на сушу в поисках за матерью; охотники застрелили их в нескольких шагах от своей хижины, и таким образом, взамен куска моржевого мяса, они получили мясо трех медведей, да и второй из убитых ими моржей не был потерян: его прибило к самому краю прибрежной полосы льда; они втянули его в маленькую бухточку и прикрепили там.

Дня через два они попытались вытащить моржа на берег; но все их усилия были напрасны: им удалось только поднять на ледяную поверхность его огромную голову. Пока они были заняты этой работой, к ним вдруг подплыл огромный морж. Он, должно быть, увидел своего мертвого товарища и захотел узнать, что с ним делает. Медленно, спокойно, с достоинством подошел он совсем близко к людям. К счастью, они были вооружены ружьями и могли очень скоро отделаться от непрошенного гостя. Тепер у них было два убитых моржа, но они оба лежали в воде, и охотники ни одного не могли вытащить ни на берег, ни на лед. Им оставалось одно: снимать с животных шкуру и разрезать их, лежа на них и работая в воде.

„Мы, конечно, вымокли; но это не беда,—пишет Нансен:—мы знали, что когда-нибудь высохнем: гораздо хуже было то, что мы с головы до ног перепачкались в сале, крови и ворвани. Эта работа над моржами была, несомненно, самую отвратительную из всего, что мы делали во время экспедиции; если бы она не была необходима, мы бы отказались от нее. Но нам надобно было запастись к зиме горючим материалом. Зато как мы радовались, когда покончили ее, у нас на берегу лежали две больших кучи сала и мяса, прикрытые толстыми моржевými шкурами“.

Запасшись пищей и топливом, они деятельно принялись за постройку дома. Они выбрали местечко, защищенное от ветра, сравняли почву, натаскали камней и стали выводить стены. Из плечевой кости моржа они устроили себе лопату,

а из блыка его кирку. Конечно, это были очень непрочные, неудобные орудия, и главными инструментами при работе являлись их собственные руки. Благодаря терпению и настойчивости им удалось в неделю вывести стены; они были невысоки и возвышались всего на $1\frac{1}{2}$ аршина над поверхностью земли; но так как в глубину земля была вырыта тоже аршина на полтора, то в общем этого было довольно. Чтобы устроить крышу, они воспользовались большим бревном, выброшенным морем на берег, — деревья ни на их острове, ни на соседних совсем не росли. Несколько дней ра-

Хижина Нансена и Иогансена.

скалывал Иогансен толстый ствол своим маленьким топором; затем они с большим трудом втащили его на вершину своего домика, где он должен был играть роль стропил. Самая крыша была сделана из вычищенных и вымоченных в солевой воде шкур моржей. Эти шкуры были так длинны, что хватали с одного бока домика до другого. Для прикрепления на их края навалены были большие камни. Отверстия между камнями стен были заполнены мелкими камешками, мхом и кусками шкур; снаружи, для теплоты, стены были обложены снегом. Дверь состояла из отверстия в углу стены, которое

вело в коротенький коридорчик, вырытый в земле и вместо крыши прикрытый льдинами. Этот проход был такой низенький, что в хижину можно было только вползать, а не входить прямо. Внутренний вход был прикрыт занавесью из медвежьей шкуры, пришитой к моржевым шкурам, составлявшим крышу; наружный прикрывался медвежьей шкурой, лежавшей на земле. Внутри хижины были устроены скамьи из камней, а в одном углу был маленький очаг для варки пищи. Над этим очагом они сделали трубу. Внутренняя часть ее состояла из медвежьей шкуры, а наружная была выложена из льдин. Другого материала для постройки у них не было: к концу сентября начались сильные морозы и камни так примерзли, что откалывать их стало почти невозможно; льду же и снегу было вдоволь кругом. Правда, материал этот оказался не особенно прочным; лед подтаивал, иногда даже вода с него капала на очаг, и трубу пришлось перестраивать раза два в течение зимы; но это была небольшая беда.

XIV.

В конце сентября путешественники перебрались на новоселье. После тесной конурки, где они не могли ни стать, не лечь, и где дым ел им глаза, новый дом, в котором можно было хоть немного двигаться, показался им великолепным. Для освещения и согревания его они зажгли несколько лампочек с моржевым салом. Лампочки, правда, чадили, но все-таки горели настолько хорошо, что при свете их не только можно было различить предметы, но даже шить. Тепла они давали недостаточно: в первую ночь путешественники вздумали распороть свой спальный мешок и лечь спать по одиночке, но эта попытка оказалась неудачной: они сильно мерзли всю ночь и на следующий день опять сшили свой мешок.

Пока они были заняты постройкой своего домика, медведи несколько раз подходили к ним так близко, что они

без всякого труда убили несколько штук и запаслись медвежьим мясом на всю зиму.

Моржи целыми стадами лежали на соседних льдинах, и путешественники могли свободно наблюдать нравы этих обитателей полярного моря. Они иногда лежали по нескольку часов неподвижно, опустив голову, вытянув шею, так что издали казались какими-то гигантскими колбасами. Если который-нибудь из них поворачивался и нечаянно толкал соседа, тот поднимался с ворчаньем и тотчас же тыкал его брыками в спину: это была далеко не нежная шутка, так как после нее часто показывалась кровь, несмотря на страшно толстую кожу. Обиженный тоже поднимался и мстил обидчику тем же. После этого оба они успокаивались. Общее движение начиналось только при появлении на льдине нового пришельца. Тогда все хором принимались ворчать, и один из старых моржей, лежавший ближе прочих к пришельцу, наносил ему несколько ударов. Новичек держал себя обыкновенно удивительно скромно и почтительно. Он преклонял голову перед остальными и робко пробирался в их компанию. Каждый, к кому он приближался, считал своим долгом толкнуть или пырнуть его. Он не отвечал на эти удары и смиренно укладывался среди прочих. Мало-по-малу стадо успокаивалось до появления нового пришельца. Моржи отличались удивительным любопытством. Когда люди были заняты чем-нибудь на льду или около берега, они подходили совсем близко к ним и пристально глядели на их работу.

Сдирать шкуры и потрошить огромных животных было очень трудно при наступивших морозах; но путешественники все-таки застрелили еще штуки две, чтобы не нуждаться в сае во время зимы.

Кроме моржей и медведей, частыми и весьма неприятными посетителями путешественников были лисицы, которых, очевидно, привлекал запах свежего мяса. Они подкрадывались по ночам и таскали все, что могли унести, не только

пищу, но и другие вещи, совсем им не нужные. Так они утащили несколько бамбуковых палок, стальную проволоку, гарпун, коллекции камней и мхов, собранные Нансеном и лежавшие в парусинных мешечках, большой клубок ниток и т. под. Нансен стал разыскивать по следам, куда унесли они все эти вещи, и недалеко от своего домика встретил лисицу. Увидав его, она остановилась, села и принялась так резко и отвратительно выть, что он должен был зажать себе уши. Она, вероятно, вышла на свой воровской промысел и сердилась, что ей помешали. Нансен пустил в нее камнем. Она убежала, села на край глетчера и снова затянула свой дикий вой. Нансену не хотелось тратить патрона на лисиц, мясо которых не годилось в пищу, и они дошли до того, что украли термометр, который висел около хижины и был на ночь обыкновенно прикрыт камнями.

15-го октября солнце в последний раз поднялось над горой в южной части острова; дни стали быстро темнеть; луна залила своим холодным светом ледяные глыбы; небо осветилось фантастическим блеском северных сияний. В третий раз приходилось Нансену и его товарищу переживать длинную полярную ночь. Все кругом замерло. Птиц давно уже не было слышно; моржи не появлялись больше на льдинах; последний медведь подгрался к хижине 21-го октября.

Среди темной ледяной пустыни жили и двигались только два человека. Жизнь, которую они принуждены были вести, отличалась полнейшим однообразием. Проснувшись утром, они готовили себе завтрак, съедали его, затем снова залезали в свой мешок, иногда еще немножко дремали, потом вставали и шли прогуляться. Впрочем, долго оставаться на воздухе они не могли, так как платье их изнашивалось, в нескольких местах прорвалось и плохо защищало их от 40-градусных морозов и сильного ветра, дувшего из ущелья. Нансен надеялся, что им удастся смастерить себе одежды из медвежьих шкур; но очистка этих шкур от сала и мяса помощью

моржевых клыков шла очень медленно, потом надобно было вымачивать их в соленой воде и, наконец, сушить. Для сушки у них было только одно место—под крышей хижины; но туда укладывалась сразу только одна шкура. Первая готовая шкура должна была заменить им постель, так как спать в мешке прямо на жестких камнях было невозможно; а нечищенные шкуры, которые они подкладывали под мешок, начали загнивать. Из следующих медвежьих шкур они сделали себе спальный мешок, и он был готов только к Рождеству. Иногда они несколько дней под ряд никуда не выходили из хижины, разве только за водой да за куском мяса или сала. Это мясо составляло их единственную пищу. У них еще оставалась часть запасов, взятых с *Фрама*, но они решили не трогать их зимой, а сохранить до весны, когда можно будет двинуться в дальнейший путь. Медвежье мясо они ели то вареное с бульоном, который очень нравился им, то жареное тонкими ломтиками. К этому они прибавляли кусочки моржевого сала, которое иногда брали прямо из лампы. Кушанье они готовили поочередно, одну неделю один, другую другой, и постоянно высчитывали, сколько дежурств осталось им до весны. Кроме приготовления кушанья да очистки шкур, у них во всю зиму не было никакой работы, и они старались побольше спать, чтобы скоротать время. Нансен собирался воспользоваться зимним досугом, чтобы привести в порядок свои заметки и написать что-нибудь о своем путешествии, но отложил это намерение; даже дневника не мог он вести аккуратно. Во-первых, трудно было писать при бледном, мерцающем свете сальных ламп, не имея стола, лежа или сидя на жестких камнях; во-вторых, сам он и все окружающее было до того грязно, до того пропитано салом и копотью, что белая бумага через несколько минут превращалась в темную: стоило дотронуться до нее пальцами, провести по ней рукавом, и на ней появлялось пятно или серая полоса. Те немногие записи, какие они делали в

это время в своих дневниках, оказались до такой степени перепачканными, что впоследствии они почти не могли разобрать их. Книг у них не было, кроме какого-то старого календаря, который они знали чуть не наизусть. С какою грустью вспоминали они о библиотеке *Фрама*, как много дали бы они за одну книгу из нее! Единственным развлечением для них служили разговоры. По целым часам в эту бесконечную ночь сидели они в своем мешке и рассчитывали, где в данную минуту может находиться *Фрам*, когда он вернется на родину, и каково живется оставшимся на нем. Еще больше любили они мечтать о том, что их ждет не только на родине, но и на том корабле, который повезет их на родину. Как светло и тепло будет в его каюте! Наверно, их угостят картофелем и свежим хлебом... Если не будет хлеба, они с удовольствием поедят и корабельных сухарей. Хорошо будет поесть чего-нибудь мучного, но еще лучше надеть чистое белье и крепкое платье. Они представляли себе, что входят в магазин, все стены которого увешаны новыми, чистыми, удобными шерстяными платьями, и одеваются с ног до головы во все мягкое, удобное, чистое. Неужели это случится когда-нибудь? Неужели им можно будет скинуть те тяжелые, сальные лохмотья, которые были на них надеты? Эти лохмотья облепляли их тело, точно слой глины. Особенно страдали ноги: панталоны приставали так плотно к коленям, что при всяком движении стирали кожу и причиняли настоящие раны. У них не было мыла, чтобы сколько-нибудь смыть грязь с белья и с самих себя, а одной водой ничего нельзя было сделать. Они по целым часам варили в кипятке свои рубашки, но это почти не уменьшало накопившегося на них слоя сала. Они не жем соскабливали это сало с горячих рубашек и таким путем получали значительный запас горючего материала. Чтобы сколько-нибудь почистить руки, они тоже скоблили их ножом или прибегали к следующему далеко не приятному способу: они натирали их

горячею медвежьей кровью и ворванью, а затем крепко терли мохом.

„После этого,—рассказывает Нансен,—они становились белыми и мягкими, точно самые нежные дамские ручки, и нам почти не верилось, что они составляют часть нашего тела“.

Ради теплоты они не стригли себе волос ни на голове, ни на бороде, и от сажки эти волосы так же, как и лица их, стали совсем черными; на этом черном фоне зубы и белки глаз казались какими-то неестественно белыми.

„Странную жизнь вели мы,—говорит Нансен,—жизнь, которая нередко подвергала наше терпение большим испытаниям; но все-таки наше положение было не настолько невыносимо, как может показаться. Мы все время сохраняли хорошее расположение духа, весело смотрели на будущее и наслаждались мечтами о тех радостях, какие нас ожидали впереди“.

А между тем сальные лампы наполняли зловонием их хижину; стены ее были покрыты инеем; на полу образовался толстый слой льда; при сильном морозе ветер завывал в ущелье; лед на глетчере трещал, точно вся земля готова была провалиться.

„Сегодня сочельник,—пишет Нансен 24-го декабря.—На дворе холодно и ветрено, у нас в хижине тоже холодно и дует. Как пустынно все кругом! Никогда еще не переживали мы такого сочельника. Теперь дома колокола возвещают начало праздника. Я слышу, как этот звон разносится далеко по окрестностям. Как хорошо гудят колокола! Теперь зажигают свечи на елке, детей впускают в комнату и они весело скачут вокруг дерева. Когда я вернусь домой, я непременно устрою на Рождестве праздник для детей. Это время общей радости,—у нас дома праздник в каждой хижине. Как там все красиво и уютно! Как страстно хочется попасть туда!..“

„И этот год кончился, — отмечает он 31-го декабря. — Это был необыкновенный год, но в общем недурной. Дома его провожает колокольный звон. У нас, вместо церковного колокола, гудит ледяной ветер, который носится над глетчером и снежным полем и яростно воеет, поднимая облака снега и нагоняя их на нас с вершины горы. Далеко по фьорду летят снежные облака, подгоняемые ветром и снежная пыль блестит при лунном свете. Полная луна спокойно и молчаливо переходит из одного года в другой. Она светит на добрых и злых и безучастно глядит на перемены годов, на человеческие страдания и стремления. А мы, одинокие, заброшенные, сотнями миль отделены от всего дорогого, и только мысли наши безудержно несутся к милым местам“.

В конце февраля взошло солнце, началась весна. Масса чаек покрыли утесы и поднимали невообразимый шум; медведи стали снова бродить около хижины. Путешественники начали энергично готовиться в дорогу. Им удалось застрелить нескольких медведей, так что у них оказался достаточный запас мяса и сала; после этого они принялись за шитье. С утра до вечера сидели они рядом на камнях, в своем спальном мешке, с иглой в руке и все шили, шили, мечтая о скором возвращении на родину. Их хижина превратилась в портняжную и сапожную мастерскую. Прежде всего они смастерили себе из своих шерстяных одеял по паре платьев; потом из моржевой кожи подшили новые подошвы под сапоги, из медвежьей шкуры сделали себе теплые сапоги, перчатки и легкий спальный мешок. Нитки для шитья они выдергивали из парусины, служившей для паруса; вместо драгвы употребляли сухожилия моржей. Палатки у них не было; их прежняя вся изорвалась, и остатки ее изгрызли лисицы; сделать себе новую им было не из чего, и они решили, что для защиты от непогоды будут ставить стоймя свои байяки и сани, обладывать их снегом и покрывать парусиной.

Занимаясь приготовлениями к дороге, они беспрестанно вспоминали о *Фраме* и своем снаряжении в экспедицию. Как богаты всем необходимым были они тогда, и как бедны теперь! В начале зимы они зарыли в землю остатки провизанта, взятого с корабля. Теперь они отрыли мешки, в которых он был уложен, и пришли в полное уныние. Все припасы, на которые они возлагали такие надежды, испортились. Им пришлось выбросить и муку, и сушеное мясо, а шоколад растаял и совсем исчез. Осталось только немножко отсыревшего хлеба, который они поджарили в сале и решили беречь, как лакомство, для торжественных случаев. Единственную пищу в пути должно было служить им медвежье мясо и та дичь, какую им удастся подстрелить дорогой. Свои жестянки из-под кросина они наполнили моржевым салом, так как другого горючего материала у них не было и нельзя было надеяться найти на этих пустынных островах, почти лишенных растительности.

Очень трудно было им установить кайяки на свои укороченные сапи. На них помещалась только середина кайяков, а оба конца торчали на воздухе, и при путешествии по неровным льдинам парусинная обшивка должна была сильно пострадать. Путники, насколько возможно, обернули ее медвежьими шкурами, а из своего небольшого запаса дерева устроили подставки, в котором привязали кайяки. Оружие, к счастью, было у них в порядке. Они вычистили и вымазали салом свои ружья и рассчитали, что у них еще осталось 100 пуль и на 100 зарядов дроби.

XV.

Несмотря на прилежание обоих приятелей, все работы, какие им пришлось исполнить, прежде чем пуститься в путь, заняли так много времени, что они были готовы к выступлению только 19-го мая. Уходя из хижины, Нансен на всякий

случай оставил там коротенький отчет о своем путешествии и зимовке.

В семь часов вечера пустились они в путь и направились в юг. За зиму ноги их отвыкли от ходьбы, и им казалось очень трудно тащить сани с нагруженными на них каяками и багажем. Поэтому на первый раз они прошли недалеко и остановились на ночлег с приятным сознанием, что каждый шаг вперед подвигает их к родине.

С начала весны они постоянно замечали с юго-восточной стороны темную полосу на небе: это было признаком того, что там находился не лед, а большое пространство открытой воды. Они надеялись по этому открытому морю доехать в своих каяках до Шпицбергена, где наверное найдут какое-нибудь европейское судно. Прежде чем добраться до воды, им надобно было пройти по льду вдоль нескольких островов. Лед был изрезан трещинами и так некрепок, что один раз Нансен неосторожно побывавший вперед, провалился в него вместе со своими лыжами и никак не мог выкарабкаться, пока Йогансен не пришел ему на помощь. Оба приятеля горели нетерпением как можно скорей покончить сухопутное путешествие и начать морское; можно себе представить, как они досадовали, когда дней через пять по выступлении их поднялась сильная буря и снежная метель, продолжавшаяся с небольшими перерывами целую неделю. Они пользовались каждым таким перерывом, чтобы подвигаться все дальше и дальше на юг; но только 3-го июня могли настоящим образом пуститься в путь. Ветром прибило лед к берегу, и там, где они раньше видели воду, лежал теперь тонкий слой льда, покрытый снегом. На лыжах можно было довольно безопасно пробираться по этому льду, но тяжелые сани нередко проваливались, и не малого труда стоило вытаскивать их и переправлять на более крепкий лед.

Между тем провиант путников приходил к концу. Они надеялись по дороге встретить медведей, но, как на зло, их

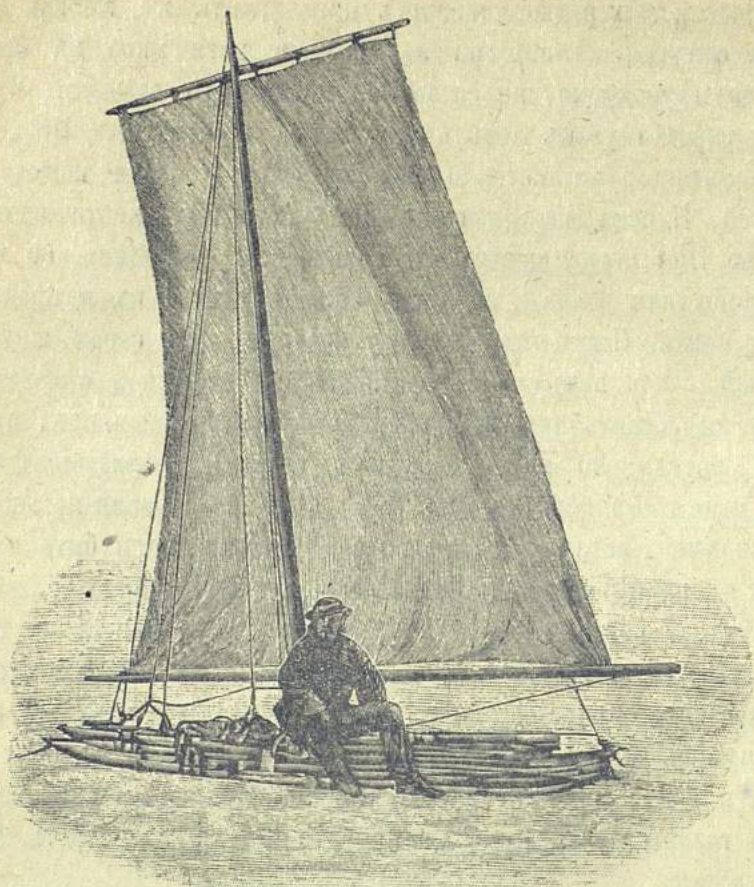

не попадалось. На утесах островов копошилось множество чаек и других птиц, но они по большей части летали слишком высоко, и редко удавалось пристрелить их. Моржи целыми стадами лежали на льдинах, и хотя мясо их было жестко и невкусно, но за неимением ничего лучшего, путники решили убить хоть одного из этих животных. Проходя мимо льдины, на которой мирно спала большая компания моржей, Нансен метким выстрелом уложил на месте одного из них. При шуме выстрела остальные закопошились, на минуту подвинули головы, но затем снова опустили их и продолжали спать. Потрошить убитого среди целого стада живых моржей было немыслимо, и Нансен с Йогансеном старались всячески согнать зверей в воду. Они ходили около них, кричали, ревели; но моржи сонными глазами поглядывали на них и не трогались с места. Тогда они попробовали потыкать их своими шестами. Моржи рассердились, начали бить клыками в льдину с такой силой, что во все стороны летели осколки, а сами все-таки не уходили. Долго пришлось тормошить их, прежде чем они, наконец, поднялись с места и торжественно направились к воде. Дойдя до края льдины, они обернулись назад, сердито заворчали и поодиночке спустились в воду. Пока люди резали их товарища, они высовывали головы из трещины, как будто хотели подсмотреть, что они делают.

Отрезав себе добрый кусок мяса и сала, путники оставили остальное в пользу чаек, поужинали, отдохнули и, воспользовавшись попутным ветром, прикрепили к саням парус. Двигаться с помощью паруса было легко: почти не приходилось тащить сани, можно было бежать впереди на лыжах и только управлять их движением. Пробежав всю ночь, они к утру достигли южной оконечности острова и увидели перед собой большое пространство воды, по которому могли плыть в каяках. С наслаждением взялись они за весла и любовались водой, по которой плавали разные птицы; осо-

бенно приятно было им встретить пару гусей, этих жителей умеренных стран.

Сани с парусом.

После нескольких часов плавания они наткнулись на лед, преграждавший им путь, и должны были выбрать одно из двух: повернуть назад, так как открытая вода тянулась в этом направлении, или снова перебраться на сани и идти по льду прямо на юг. Они выбрали последнее, так как надеялись, миновав острова, добраться до настоящего открытого моря, которое приведет их к Шпицбергену.

Целых шесть дней бежали они все дальше и дальше на юг, пользуясь северным ветром, который подгонял их сани.

На востоке они различали несколько мелких островов, на западе тянулся какой-то большой остров, на юге виднелась опять-таки земля.

Наконец, они оставили за собой восточные острова, добрались до той южной земли, которая давно манила их, обогнули длинный мыс с западной стороны ее и увидели перед собой синие волны моря. С радостным чувством спустили они на воду свои каяйки и, бодро работая веслами, направились на запад, вдоль южного берега острова.

Усердно проработав веслами целый день, они под вечер пристали к краю льда, чтобы немного размять ноги, которые затекли от долгого сиденья в каяйках. Свои суда они прикрепили к льдине длинным ремнем, вырезанным из кожи моржа, и, не заботясь о них, отправились на берег осмотреть окрестность с близлежащего холма. Едва вошли они на холм и бросили взгляд кругом, как Иогансен закричал:

— Боже мой! каяйки унесло!

Можно себе представить ужас путешественников! На каяйках было все их имущество, без каяйков они не имели никакой возможности добраться до населенных мест. Они со всех ног побежали вниз, к морю. Нансен поспешно скинул часть платья и бросился в воду. Вода была страшно холодна, плыть в одежде было тяжело, а ветер все дальше и дальше уносил легкие суда. Нансен чувствовал, что силы оставляют его, что члены его коченеют...—Все равно, если каяйки уплывут, мы погибнем, так лучше уж погибнуть теперь же, в волнах!—решил он и продолжал грести с мужеством отчаяния. Когда он окончательно ослабел, он для отдыха перевернулся на спину. Расстояние между ним и каяйками уменьшалось, и это придало ему бодрости. Еще несколько невероятных усилий и он ухватился за лыжу, привязанную поперек каяйков. Все тело его до того окоченело, что ему стоило громадных трудов закинуть ногу на край саней, лежавших в каяйке, и таким образом взобраться в лодку. Зубы его стучали, как

в лихорадке; он весь дрожал в своей мокрой шерстяной рубашке: он чувствовал, что было одно только средство не погибнуть от холода: грести, как можно энергичнее. Он собрал остатки сил и налег на весла. Работа была тяжелая, так как приходилось вести против ветра два связанные вместе кайяка, и несколько раз казалось Нансену, что ему с ней не справиться... Вдруг на льдине у самого носа кайяка показались два пингвина. В уме Нансена мелькнула мысль, как приятно будет после понесенных трудов угоститься за ужином свежим мясом; он поднял ружье и одним выстрелом убил обеих птиц. В это время Иогансен в страшном беспокойстве прохаживался взад и вперед по берегу. Услыша выстрел, увидя, что Нансен зачем-то наклонился из лодки, он подумал, не сошел ли с ума его бедный товарищ.

С большим трудом удалось, наконец, Нансену подвести лодки к берегу. Он еле держался на ногах, так что Иогансену пришлось раздеть его и как можно скорее уложить в спальный мешок. Горячий ужин согрел Нансена, спокойный сон восстановил его силы, и на следующий день они в состоянии были снова продолжать свое путешествие.

Море вокруг них кишело моржами. На каждой льдине лежало по нескольку штук; из воды беспрестанно высовывались их отвратительные головы. Путники снова чувствовали нужду в провианте и потому застрелили пару моржей, между прочим одного маленького, так как мясо молодых моржей несравненно вкуснее, чем мясо старых. Вообще же они вовсе не были довольны такими спутниками: морж легко может и опрокинуть лодку, и пробить дно ее своими крепкими клыками; поэтому путешественники даже останавливались несколько раз и соскакивали на льдины, окружавшие остров, когда звери подплывали слишком близко к их лодкам.

15 июня, продолжая плыть вдоль ледяной полосы, окружавшей острова, путешественники досадовали на туман, который не дает им разглядеть очертания земли. Моржей по-

падалось больше, чем когда-нибудь; беспрестанно слышалось их мычанье, похожее на коровье. Вдруг перед самой лодкой Иогансена, плывшего впереди, вынырнула огромная голова чудовища. Иогансен быстро повернул лодку к льдинам. Нансен хотел последовать его примеру, но было слишком поздно: морж выскочил из воды, бросился на борт его каяка и протянул передний плавник, как бы стараясь схватить его. Нансен изо всей силы ударил его веслом по голове, но он продолжал тянуть каяк в воду. Тогда Нансен схватил ружье: но в эту минуту морж повернулся и исчез так же быстро, как появился. Все происшествие продолжалось не больше минуты и Нансен уже радовался, что так удачно отделался, как вдруг заметил воду у себя под ногами. Каяк быстро наполнился водою; все вещи, лежавшие в нем, промокли. Пришлось как можно скорей вытащить его на лед. На дне его оказалась большая дыра, которую морж пробил своими клыками. О дальнейшем плавании не могли быть и речи. Путники разбили палатку на льду и принялись чинить каяк, а моржи плавали около краев льда, поднимали головы, смотрели на них своими большими, круглыми глазами, фыркали, ворчали и по временам поднимались на лед, будто хотели прогнать с него людей.

Починка каяка заняла не мало времени. Утром 17 июня туман, все время застилавший окрестность, рассеялся, и Нансен решил пройти на берег и бросить взгляд на ту неведомую землю, около которой они стояли.

Он взшел на прибрежный холм. Легкий ветерок доносил до него немолчный шум миллионов птиц. Он прислушивался к этим звукам, говорившим о жизни, и окидывал взглядом береговую линию, темные, голые скаты утесов, ледяные равнины и глетчеры страны, которой, как он думал, до сих пор не касалась нога человека. Вдруг ему послышался звук, заставивший его вздрогнуть. Что это такое? Собачий лай... Звук повторился раз, два, и затем ничего, кроме

птичьего гомона... Нет, он, конечно, ошибся,—это, наверное, крик какой-нибудь птицы! Но вот через несколько минут тот же звук повторился, но более громкий, более ясный.. Сердце Нансена забилося... Он вспомнил, что еще накануне слышал как будто выстрелы, но подумал, что это трещит лед. Опрометью бросился он к Иогансену, который спокойно спал в мешке.

— Собаки?—с недоверием переспросил тот, но все-таки побежал на холм и стал прислушиваться. Действительно, вдали несколько раз повторился как-будто лай, быстро заглушаемый птичьими голосами.

В сильном волнении принялись приятели за завтрак. Иогансен уверял, что они ошиблись, что нельзя себе представить, откуда явятся собаки, а следовательно и люди в таких местах.

— А помните английскую экспедицию, которую пред нашим отъездом снаряжали для исследования Земли Франца-Иосифа? Что, если это она?—пришло в голову Нансену, и он не мог докончить завтрака. Быстро нацепил он лыжи, схватил подозрную трубу, ружье и пустился в путь. Он снова поднялся на холм, но напрасно напрягал слух: ничего нельзя было разобрать, кроме крика птиц. Несколько разочарованный, пошел он дальше в глубь острова. На снегу свежие следы какого-то зверя... Лисицы? Нет, для лисицы они слишком велики... Собаки? Неужели ночью собака так близко подходила к их стоянке и не лаяла, или они не слышали ее лая? Может быть, волка?... Он шел дальше, волнуясь, надеждой и сомнением. И вот снова раздался собачий лай более ясно, чем прежде; на снегу виднелось множество следов, несомненно собачьих; среди них попадались лисьи; но они были совсем маленькие. Нечего сомневаться: они находятся на южной части Земли Франца-Иосифа, и здесь есть люди! С сильно бьющимся сердцем подвигался он дальше среди бесчисленных холмов и оврагов. Вдруг ему ясно послышался

человеческий голос. Он вбежал на холм и закричал изо всех сил. После этого, не помня себя от волнения, он полетел на своих лыжах, пробираясь между льдинами и ледяными утесами в ту сторону, откуда раздавался человеческий голос. Минуты через две-три звук повторился, и среди холмов показалась какая-то темная фигура. Это была собака, а в нескольких шагах от нее двигалась другая фигура, фигура человека! Увидев его, Нансен замахал шапкой, незнакомец ответил тем же. Он заговорил по-английски со своей собакой, и

Встреча Нансена и Джексона.

Нансен сразу узнал его; это был Джексон, известный английский естествоиспытатель, под начальством которого три года тому назад снаряжалась ученая экспедиция для исследования Земли Франца-Иосифа.

— Я снял шапку, — рассказывает Нансен, — мы протянули друг другу руку и оба вместе проговорили обычное английское приветствие:

— Как поживаете?

Над нами расстилалось облако тумана, заволакивавшего весь окружающий мир: под ногами у нас лежали неровные, нагроможденные друг на друга льдины; на заднем плане виднелась земля, покрытая льдом, глетчерами, туманом. Мы стояли,—с одной стороны цивилизованный европеец, в клетчатом английском костюме и в высоких резиновых сапогах, гладко выбритый, причесанный, распространявший запах душистого мыла, с другой стороны—дикарь, одетый в грязные, сальные лохмотья, с длинными волосами и включенной бородой, почерневший от копоти, с лицом, естественный белый цвет которого исчез под толстым слоем сала и сажи. Никто не мог бы догадаться, кто этот дикарь и откуда он явился.

— Мне необыкновенно приятно, что я вас встретил,—проговорил Джексон.

— Благодарю вас, и мне точно так же.

— Вы здесь со своим кораблем?

— Нет, моего корабля здесь нет.

— Сколько же вас человек?

— У меня только один товарищ; он остался на льду около берега.

Разговаривая таким образом, мы шли дальше, в глубь страны. Я был убежден, что он меня узнал или хотя догадывался, кто скрывается под этою дикою наружностью; я не воображал, что можно так приветливо отнестись к совершенно неизвестному человеку. Вдруг он остановился, посмотрел мне прямо в лицо и быстро спросил:

— Вы не Нансен ли?

— Да, я Нансен.

— Господи, как я рад, что встретил вас!

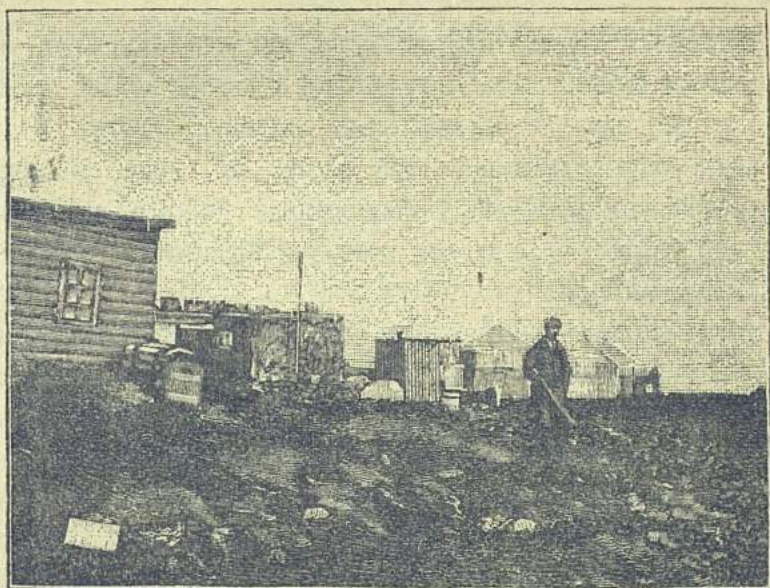
Он схватил мою руку и еще раз крепко пожал ее; а все лицо его засияло самою неподдельною радостью.

— Откуда же вы шли теперь?—спросил он.

Нансен объяснил, что оставил *Фрам* на 84° северной широты и пешком достиг 86°13', после чего принужден был

возвратиться и перезимовать в северной части Земли Франца-Иосифа. Англичанин самым дружелюбным образом приглашал его к себе, на место своей стоянки, куда на днях должно было притти судно из Европы. Вскоре они встретили еще нескольких членов экспедиции, и когда Джексон представил им Нансена, все они напереыв выражали ему свою радость и поздравляли его с благополучным возвращением. О *Фраме* никто не справлялся; они думали, что судно с остальным

Поселок Джексона.

экипажем погибло, и не хотели огорчать Нансена разговором о нем. Он первый заговорил о корабле и сообщил в общих чертах историю его путешествия на льдине.

Поселок, устроенный экспедицией, находился на берегу моря, около мыса Флора, у подножия высокой горы, и состоял из нескольких деревянных изб, из сарая и четырех круглых амбаров в виде палаток. Изба Джексона имела вид теплого, уютного гнезда, потолок и стены которого были обиты зеленым сукном; всюду развешаны были фотографии,

рисунки, карты, полки с книгами и инструментами; в печке, наполненной каменным углем, приветливо горел огонь.

„Странное чувство овладело мною,—говорил Нансен,—когда я сел на стул среди этой необычной обстановки. Переменчивая судьба одним ударом сняла с меня всю ответственность, все тяжелые обязательства, которые три длинных года тяготели надо мной. Здесь я среди льдов в безопасной пристани; мой долг исполнен, моя задача решена, и я могу отдыхать, отдыхать и ждать!“

Джексон передал ему несколько писем из Норвегии, присланных в разное время на его имя и адресованных английской экспедиции, на случай, если она его встретит. В этих письмах заключались приятные вести: его семья, его друзья были живы и здоровы. Со спокойным сердцем мог Нансен принять участие в закуске, которую предложил ему гостеприимный хозяин.

Вскоре явился и Иогансен. Джексон послал за ним своих людей, и те притащили байяки и весь багаж. Его встретили в колонии так же приветливо, как Нансена. Оба путешественника поспешили превратиться из дикарей в европейцев. С помощью горячей ванны они, по возможности, смыли грязь с лица и тела, потом остригли себе волосы и бороды, надели чистое белье и платье.

После всех перенесенных трудов и лишений отдыхать среди комфортабельной обстановки, в обществе образованных, гостеприимных англичан было истинным наслаждением для обоих путешественников. Целыми часами вели они бесконечные разговоры со своими хозяевами; ходили с ними на охоту за медведями, лазали по утесам за птичьими яйцами, наблюдали геологическое строение почвы, собирали коллекции минералов и окаменелых растений.

„Прямо после нашей бездеятельной жизни на зимней стоянке, где научные интересы весьма мало возбуждались,—пишет Нансен,—мы очутились в этом научном оазисе, где

была масса материала для работы, где у нас под руками были книги и всякие пособия, где в свободное время мы могли обсуждать разные ученые вопросы, касающиеся севера, с людьми, интересующимися ими. В ботанике экспедиции, г. Гарри-Фишер, я нашел человека, увлекавшегося исследованиями флоры и фауны полярных стран. Я никогда не забуду тех приятных разговоров, в которых он сообщал мне свои наблюдения и открытия. Я так долго лишен был подобных разговоров, что не уставал слушать его; я походил на засохшую почву, которая после целого года засухи жадно впитывает в себя капли дождя.

XVI.

Между тем день проходил за днем, неделя за неделю, а ожидаемого из Европы судна все не было. Нансена и его товарища начало мучить нетерпение; они уже раскаивались, что поддались искушению и остались у гостеприимных англичан, вместо того, чтобы, слегка отдохнув и запасшись у них провизией, немедленно отправиться дальше, на Шпицберген.

Но вот 26 июля рано утром Джексон разбудил Нансена радостною вестью, что *Уиндвард* приближается. Вся европейская колония наскоро оделась и выбежала на берег моря. За полосой прибрежного льда виднелось большое судно, пробиравшееся между льдин, чтобы бросить якорь в безопасном месте. Это судно привезло экспедиции запасы пищи, угля, разные необходимые вещи и несколько штук северных оленей, на которых Джексон собирался предпринимать экскурсии в глубь островов. С этим вместе оно привезло и новейшие известия из Европы.

С жадностью слушали их и англичане, и норвежцы. У Нансена отлегло от сердца, когда он узнал, что *Фрам* еще не вернулся; он все время боялся, что судно придет в Норвегию без него, и это будет большим ударом для его жены; она сочтет его погибшим.

Около двух недель понадобилось *Уиндварду*, чтобы разгрузиться, и 7 августа он, подняв паруса и распустив пары, направился в открытое море. Кроме Нансена и Иогансена, с ним возвращались на родину и четверо из членов английской экспедиции.

Плавание шло вполне благополучно, и вечером 12 августа на горизонте появилась темная полоса. Это была земля, это была Норвегия!

„Я стоял, как окаменелый,—рассказывает Нансен:—я не мог отвести глаз от этой полосы, и сердце мое замирало от страха. Какие вести ждут меня там? Когда я на следующее утро вышел на палубу, мы были уже около самой земли. Это был пустынный, голый берег, едва ли более привлекательный, чем та тонувшая в туманах полярная страна, которую мы покинули; но это была Норвегия!“

Уиндвард бросил якорь в гавани Варде. Нансен поспешил на телеграф, чтобы сообщить о своем возвращении жене, близким друзьям и правительству Норвегии. Пока он отправлял свои телеграммы, весть о его прибытии разнеслась по городу, и на улицах стали собираться толпы, с любопытством оглядывавшие путешественников. Случайно в Варде жил в это время приятель Нансена, профессор Мон, и путешественники отправились к нему.

„Мон,—рассказывает Нансен,—лежал на диване со своей длинной трубкой во рту. Он вскочил и, как безумный, глядел на длинную фигуру, стоявшую в дверях; трубка упала, по лицу пробежала нервная дрожь.

— Правда ли это? Неужели это Фритиоф Нансен?— вскричал он наконец.

„Очевидно, он испугался, испугался сам за себя: он думал, что ему явилось привидение; но когда он услышал мой голос, у него выступили слезы на глаза.

— Славу Богу, что вы еще живы!—вскричал он и бросился мне в объятия, потом обнял и Иогансена.

„Мы не помнили себя от радости и засыпали друг друга бессвязными вопросами, но большей части о разных пустяках. Все казалось так невероятно, и прошло много времени, прежде чем мы успокоились настолько, что сели, и я мог начать толковый рассказ о всем, что мы пережили за эти три года“.

Пока они вели дружескую беседу в комнате гостиницы, весь город и все суда в гавани украсились флагами в честь возвратившихся путешественников. Когда они на следующий день вздумали пойти в магазины купить себе некоторые туалетные принадлежности, их всюду сопровождала толпа любопытных, всюду теснились вокруг них радостные, приветливые лица. Из Варде они отправились в Гаммерфест, куда должна была приехать жена Нансена. На пути их встречали флагами и цветами; Гаммерфест был празднично украшен, и тысячная толпа приветствовала приезжих.

В гавани Нансен неожиданно увидел яхту своего знакомого англичанина, сэра Джоржа Баден-Пауэль, который только-что вернулся из путешествия на Новую Землю и теперь предполагал отправиться в Ледовитый океан разыскивать *Фрам*. Вечером в тот же день приехала Ева Нансен и могла присутствовать на торжественном празднике, который город Гаммерфест устроил в честь ее мужа. Сэр Баден-Пауэль представил Нансену, его жене и Иогансену помещение на своей яхте, и там они проводили счастливые часы, забывая все страдания минувших лет и со всех сторон получая поздравления, изъявления самого горячего участия.

Одно, что омрачало радость Нансена, это была мысль о *Фраме*. В первые дни он уверенно говорил и телеграфировал всем, что корабль придет к осени; но теперь сомнение начинало закрадываться в его душу. А что, если с *Фрамом* случилось несчастье? Что, если осень пройдет, не принеся никаких вестей о нем?...

20-го августа Нансен только-что встал с постели, как ему сказали, что какой-то человек хочет как можно скорее видеть его. Он наскоро оделся и вышел в салон. Там ему представился начальник телеграфной станции, который заявил, что хотел лично передать г. Нансену интересную для него телеграмму.

„Интересную для меня!—рассказывает Нансен.—Теперь мне только одно могло быть интересно... Дрожащей рукой распечатал я телеграмму:

„Фритиофу Нансену. Сегодня *Фрам* прибыл в хорошем состоянии. На корабле все благополучно. Иду в Тромсе. Привет на родине. Отто Свердруп“.

„Мне казалось, что я задыхаюсь; я мог сказать одно только: „*Фрам* пришел!“ Сэр Джорж, стоявший рядом со мной, подскочил от радости; лицо Иогансена сияло; я побежал в каюту и закричал жене: „*Фрам* пришел!“ Она поспешила одеться и вышла к нам.

„Я все еще не верил глазам своим: все это казалось мне какой-то волшебной сказкой. Я читал и перечитывал телеграмму, чтобы убедиться, что это не сон. Потом на меня вдруг нашло чувство такого счастливого покоя, какого я никогда прежде не испытывал“.

На яхте, во всей гавани и в городе началось общее ликование. С *Уиндварда* раздавались оглушительные „ура“ в честь *Фрама* и норвежского флота. За завтраком на яхте сэра Джоржа сидела компания счастливых людей. Нансен и Иогансен толковали о том, как это странно, что завтра они уже увидят своих дорогих товарищей: сэр Джорж был вне себя от радости: беспрестанно вскакивал он со стула, стучал по столу и кричал:

— *Фрам* пришел! *Фрам* в самом деле пришел!

На следующий день они все отправились в Тромсе на яхте сэра Джоржа, *Отариа*. В гавани уже стоял *Фрам*. Экипаж яхты приветствовал славное судно тройным английским „ура“.

на которое с *Фрама* отвечали норвежским „ура“. Яхта остановились, и весь экипаж *Фрама* бросился на нее.

„Свидание наше не поддается описанию,—говорит Нансен.—Все мы чувствовали одно: мы опять все вместе, мы в Норвегии, и наша экспедиция исполнила свою задачу!“

По отъезде Нансена и Йогансена на *Фраме* продолжалась прежняя мирная, трудовая жизнь, и судно, попрежнему, хотя очень медленно и с большими перерывами, продолжало подвигаться на северо-запад. 15 ноября 1895 г. оно достигло 85°55' северной широты, и после этого течения, хотя опять-таки очень неровное, приняло юго-западное направление. 17-го мая 1896 г. *Фрам* спустился до 83°45' северной широты, и в конце месяца Свердруп решил взорвать лед, окружавший судно, чтобы освободить его от ледяной тюрьмы. Частью помощью пороховых мин, которые разбили громадные льдины, частью путем раскалывания льда топорами удалось спустить судно на воду. Машина его была приведена в порядок, пары пущены во всю силу, и оно потихоньку стало пробиваться между льдинами, то разбивая их своим мощным корпусом, то останавливаясь на время, когда ветер сгонял их так, что они представляли непреодолимую преграду; 28 дней продолжалась эта борьба *Фрама* со льдами, и в конце концов он вышел победителем. 13 августа он оставил за собой последние ледяные горы, и перед ним тянулось необозримое пространство открытого моря. Свердруп направил корабль к западному берегу Шпицбергена и на несколько дней бросил якорь около Датских островов; там он запасся свежей водой, привел в порядок *Фрам*, чтобы показать его на родине в хорошем виде, и поспешили к берегам Норвегии. 20 августа он был около маленького городка Скиерва, где, к великой радости своей, узнал о возвращении Нансена и послал ему свою телеграмму.

Город Тромсе устроил праздник в честь возвратившихся путешественников. Самая большая зала города была битком

набита народом. В ответ на восторженные речи, которыми его приветствовали, Нансен сказал речь, в которой выставлял на вид заслуги Свердрупа. При последних словах этой речи он поднял на руки Свердрупа и глубоко взволнованным голосом воскликнул:

— Вот кого я ставлю выше всех!

Затем, когда присутствовавшие пожелали видеть Еву Нансен, он взял на руки жену и обнес ее вокруг всей залы при восторженных кликах публики. По окончании пиршества всех членов экспедиции носили, согласно древнему норманскому обычаю, в золоченых креслах вокруг залы. На следующий день члены экспедиции уже все вместе двинулись дальше на юг. Впереди шел пароход *Гаалогаланд*, высланный правительством для конвоирования *Фрама*, за ним медленно двигался *Фрам* и, наконец, нарядная *Отария*.

„Как удивительно приятно было,—пишет Нансен,—спокойно и беззаботно сидеть на корабле и только смотреть, как другие управляют им и отыскивают путь...“

„Красивые берега простирались перед нами, залитые лучами солнца, и, любуясь ими, я в первый раз вполне почувствовал, как дороги моему сердцу и эта страна, и этот народ! Если, благодаря нам, один лишний луч света осветит его жизнь, то эти три года прошли не напрасно!“

Весь путь *Фрама* вдоль берегов Норвегии был триумфальным шествием. Со всех военных кораблей и крепостей проходившему мимо *Фраму* салютовали 13-ю пушечными выстрелами, что считается высшей честью для судна. Каждый город, в который заезжали славные путешественники, устраивал в честь их празднества, старался, как можно задумевнее и горячее выразить им свою радость, свою гордость их подвигом. Города и местечки, в которые они не могли заехать, убивались к проезду их флагами и цветами, чтобы показать свое участие в общем торжестве.

„Казалось,—замечает Нансен,—будто наша старая мать—Норвегия, гордится нами, будто она прижимает нас к себе крепким, горячим объятием и благодарит нас за то, что мы сделали. Но что же мы сделали? Мы только исполнили свой долг, выполнили задачу, которую взяли на себя. Не она нас, а мы ее должны благодарить за то, что она разрешила нам ехать под ее флагом.“

В маленьком городке Троньеме на набережной, у пристани, собралось до 20.000 народа. На берегу воздвигнута была триумфальная арка, под которой прошли чествуемые герои. Огромная масса народа собралась и перед гостиницей с крыльца которой Нансен и его товарищи смотрели на торжественную процессию со знаменами и значками, устроенную в честь их сорока разными обществами. Вечером был народный праздник в городском саду, при чем членов экспедиции опять носили на золотых креслах, что вызвало нескончаемые восторги толпы. Во время ужина речам и тостам конца не было.

На другой день город дал путешественникам обед и после него концерт в старом соборе. Но особенно хороша вышла манифестация, устроенная в этот день детьми. Накануне в газетах появился призыв к детям, чтобы они приняли участие в чествовании славных путешественников, и вот в гостинице, где остановился Нансен с товарищами, направилось шествие из 1.500 человек детей с массой флагов.

Когда процессия установилась перед гостиницей, один из учителей в кратких словах описал подвиг, совершенный путешественниками, и последние слова его речи были покрыты громкими „ура“ детей. Они с таким одушевлением кричали и махали флагами, что увлекли за собой и присутствовавших взрослых. Искренний восторг молодого поколения до слез тронул виновников торжества. В конце дети хором пропели любимую народную песню Норвегии, начинающуюся словами: „Да, мы любим эти скалы!“ и затем мирно разошлись по домам.

Город Берген, где долго жил и работал Нансен, устроил ему встречу еще более торжественную и многолюдную, чем Тронхем; но главное чествование ожидало путешественников в Христиании.

Парламент Новрегии назначил на встречу Нансену и его спутников 32.000 крон; король Швеции и Норвегии решил лично принять участие в народном торжестве, а королева отвела во дворце помещение для Евы Нансен с матерью и дочерью, для жены Свердруп и для детей прочих участников экспедиции.

Столица Норвегии разукрасилась флагами, щитами, триумфальными арками, гирляндами цветов. С раннего утра все магазины были закрыты, и улицы кишели народом в праздничных костюмах; набережная и все прилегающие к морю скалы были унизаны зрителями.

В десятом часу утра целая флотилия пароходов, набитых пассажирами, двинулась навстречу *Фраму*. После двухчасового плавания флотилия встретила *Фрам*, окруженный почетной эскадрой военных кораблей и целой массой частных судов. При громовых раскатах „ура“ знаменитое судно прошло между двумя рядами салютовавших ему судов; с крепости раздался пушечный выстрел, подхваченный выстрелами с пароходов и кораблей и возвестивший о прибытии *Фрама* в гавань. Члены экспедиции спустились с *Фрама* в две лодки и поплыли к берегу между двумя рядами парусных лодок. Со всех сторон раздавались крики „ура“, громадный хор певчих пел народные песни, десятки тысяч платков и шляп махали с берега подъезжавшим.

Городской голова встретил Нансена приветственной речью от имени всего населения столицы. Нансен отвечал ему несколькими простыми, но глубоко прочувствованными словами.

— Мне памятен день нашего отплытия, серый, дождливый день,—говорил он между прочим.—В воздухе как бы

нависли горе и тревога об отъезжавших. Тяжело было и отплывать: во-1-х, дома я оставлял семью, во-2-х, я сознавал ответственность за тех, кого я брал с собой. Да, ответственность была велика. Измени мы своей задачи, мы изменили бы родине! Но я знал, что идущие за мной пойдут до конца. Никогда никого не сопровождали на север лучшие товарищи. Сердечно благодарю вас за почетный прием, самый почетный, который когда-либо выпадал на долю норвежца. А между тем, мы только выполнили свой долг. Благодарю за прием, провозглашаю „ура“ в честь Норвегии и от души желаю, чтобы родной город наш часто отправлял таких молодцов, каких дал мне в спутники!

Девятикратное „ура“ было ответом на эту речь. После этого члены экспедиции сели в экипажи и при несмодкаемых криках ликования направились ко дворцу. Первые триумфальные ворота, через которые им пришлось проехать, были живые: они состояли из возвышавшихся ступенями площадок, усеянных зрителями; мужчины махали флагами, женщины осыпали путешественников цветами. Около университета сделана была остановка: ректор приветствовал Нансена и его спутников горячею речью, а студенты увенчали лавровыми венками всех членов экспедиции.

В зале дворца уже ожидал экспедицию король с наследным принцем и членами государственного совета. Король встретил прибывших радушным „добро пожаловать“ и затем роздал всем членам экспедиции ордена и медали. За парадным обедом во дворце король сказал речь в честь отважных путешественников и закончил ее следующими словами:

„Теперь вы, сыновья нашей старой Норвегии, собрались здесь, в королевском дворце, и король Норвегии считает своею священной обязанностью и своим неотъемлемым правом выразить чувства, волнующие в эту минуту весь норвежский народ. Примите через меня искреннюю и горячую благодарность всего народа за то, что вы сделали, за ту радость,

какую вы доставили норвежским сердцам, за тот блеск славы, который, благодаря вам, озаряет теперь ваше отечество. Эта народная благодарность не умрет вместе с народным восторгом: она переживет нас, она будет передаваться из рода в род, пока стоят норвежские скалы!“

Трижды тройное „ура“ в честь Нансена и его спутников...

Пять дней продолжалось непрерывное чествование членов экспедиции. Самые восторженные речи произносились за торжественными обедами и ужинами; дети устроили манифестацию, и в течение полутора часа ученики и ученицы всех школ Христиании проходили перед участниками экспедиции, размахивая флагами и крича „ура“ вслед за своим предводителем, инспектором учебных заведений, который приветствовал Нансена и его спутников восклицанием:

— За мужество и силу! За труд и победу! Ура!...

В театре дан был парадный спектакль, по окончании которого студенты устроили торжественное шествие с факелами. На обширной площади перед крепостью дан был народный праздник, на который собралось более 40.000 человек. Молодые девушки осыпали Нансена цветами; старый, любимый поэт Норвегии, Бьернсон произнес длинную, горячую речь, в конце которой приглашал присутствовавших обнажить головы в знак благодарности путешественникам „за то, что они по мере сил потрудились во славу и честь Норвегии; за то, что они умножили богатство страны, усилив в народе любовь к ней и веру в собственные силы; за все то, что они сделали для науки, и за то, что они на время превратили нас как бы в одну семью, счастливую общим счастьем“.

Все головы обнажились, все лица сияли радостью, умилением, благодарностью. Долго не умолкали восторженные возгласы и песни. Чествовали по очереди каждого из членов экспедиции. Праздник закончился блестящим фейерверком.

„Вечером я стоял на берегу фиорда—пишет Нансен.— Шум праздника умолк; темные ели лесов стояли молча, неподвижно. На утесах дымилась последние уголья костров, зажженных в честь нас; у ног моих плескалось море и шептало: „Теперь ты дома“. Усталая душа отдыхала среди мирной тиши осеннего вечера. Я невольно вспомнил то дождливое июльское утро, когда я в последний раз ступал по этому берегу. Более трех лет прошло с тех пор; мы боролись, мы сеяли, и теперь настало время жатвы. Что-то внутри меня плакало и рыдало от радости и благодарности. Лед и длинные лунные ночи со всеми их страданиями казались мне далеким сном, видением из другого мира,—сном, который явился и исчез. Но как бедна была бы жизнь, если бы в ней не было таких снов!...“

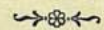

КАРТЫ ОБОИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

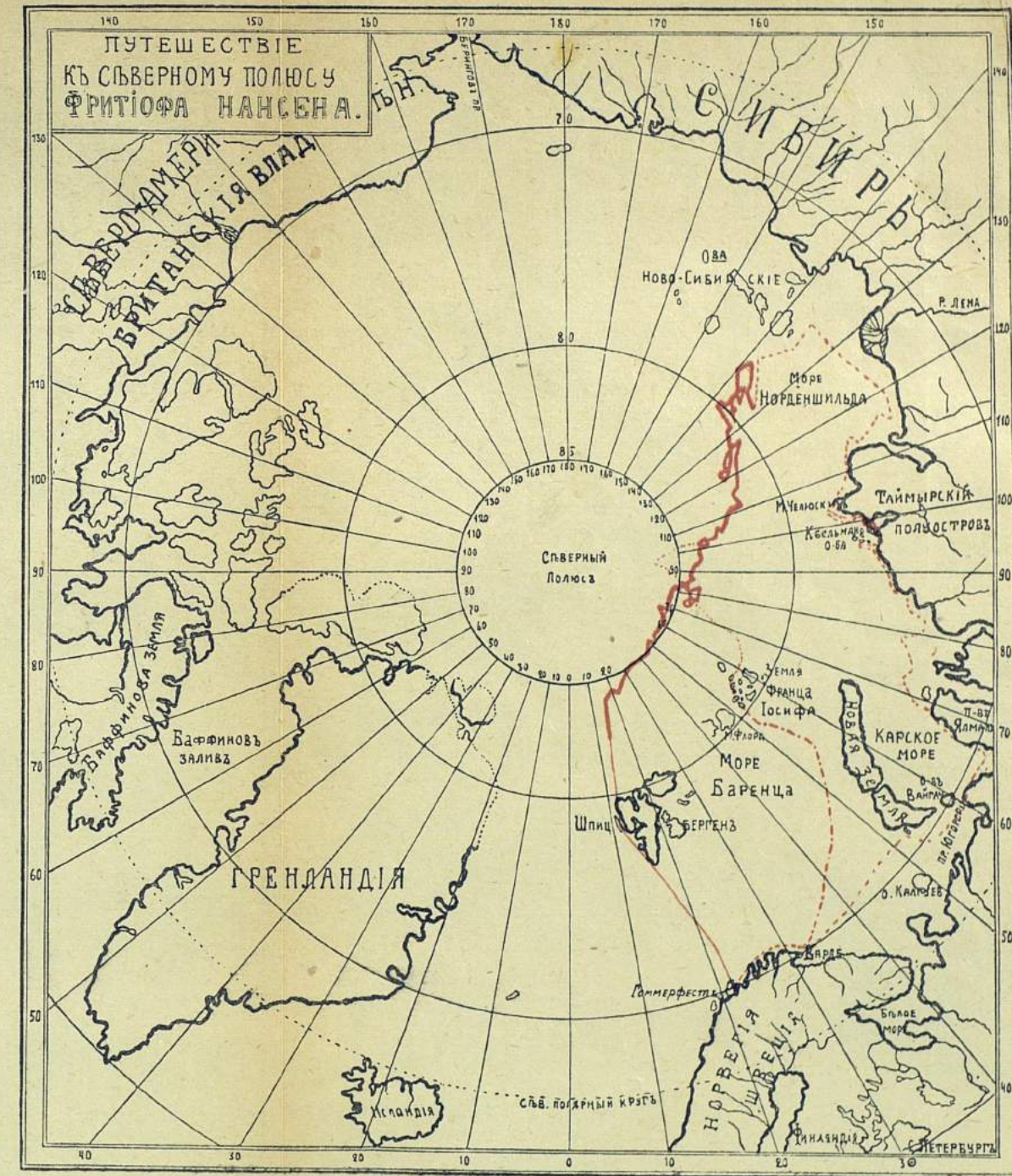
Фритіофа Нансена,

СОСТАВЛЕННЫЯ
спеціально для настоящаго изданія
В. С. ПРОЗОРОВЪ.

Условные знаки на правой картѣ:

- Плаваніе на „Фрамъ“.
- „Фрамъ“ во льдахъ.
- Возвр. Нансена на „Уиндвардъ“.
- Возвращеніе „Фрама“.
- ..... Путь пѣшкомъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСК. СОВЕТА РАБ., КР. и КР. ДЕП.
„НОВАЯ МОСКВА“.

НЕГЛИННЫЙ ПРОЕЗД, 9. ☉ ТЕЛЕФОН 69-26.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. Н. ЛЕНИН. Две тактики социал-демократии и демократ. революции.
2. Н. ЛЕНИН. Что делать.
3. Н. ЛЕНИН. Старые статьи на близкие к новым темы.
4. Л. КАМЕНЕВ. Экономическая система империализма.
5. Г. В. ПЛЕХАНОВ. В защиту революционного марксизма.
6. К. КАУТСКИЙ. Этика и материалистическое понимание истории.
7. КАУТСКИЙ. Антибернштейн.
8. К. ЦЕТКИН. Карл Маркс и дело его жизни.
9. АКСЕЛЬРОД-ОРТОДОКС. Л. Толстой. Сборник статей.
10. АНДРЕЕВИЧ. Опыт философии русской литературы.
11. ОКТЯБРЬСКОЕ ВОССТАНИЕ в МОСКВЕ 1917 года. Сборник статей.
12. В. ФРИЧЕ. Очерк развития западно-европейской литературы.
13. ПЕРЕВЕРЗЕВ. Творчество Достоевского.
14. КЕЛЛЕРМАН. 9-е ноября. Роман.
15. БИБИК. На черной полосе. Роман.
16. А. БИБИК. К широкой дороге. Роман.
17. ВАСИЛЬЧЕНКО. Две сестры. Пьеса.
18. ШУЛЬГИН. Очерки 1920 года.
19. ОРЕШИН. Белый Храм. Стихи.
20. БРАЖНЕВ. Буйный хмель. Стихи.
21. СЕНИЦКИЙ. Трудовая школа.
22. Э. д'ЭРВИЛЬИ. Приключения доисторического мальчика.
23. ФИТЧ-ПЕРКИНС. Мини и Монни. Повесть для детей.
24. ФИТЧ-ПЕРКИНС. Маленькие японцы. Повесть для детей.
25. АЛТАЕВ и ФЕЛИЧЕ. В великую бурю. Повесть для детей.
26. М. КОВАЛЕНСКИЙ. Происхождение царской власти.
27. М. КОВАЛЕНСКИЙ. Московская смута XVII в.
28. АНЕКШТЕЙН. Фурье.
29. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Русско-еврейская литература.
30. Л. ДЕЙЧ. Г. В. Плеханов.
31. ФОН ПОЛЕНЦ. Крестьянин. Роман.
32. М. ДОДЖ. Серебряные Коньки. Повесть.
33. НАСИМОВИЧ. Конь-Огонь. Сказки.
34. НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ. Сборник.
35. ПИСЬМА ЛЕЙТЕНАНТА ШМИДТА.
36. НЕКСЕ. Рассказы.

С ЗАКАЗАМИ И ТРЕБОВАНИЯМИ ОБРАЩАТЬСЯ
В КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ МОСКОВСКОГО СОВЕТА:

1) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАД.	} Кузнецкий мост, № 1.
2) КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 1.	
3) КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 2. (б. Суворина).	} Неглинный проезд, д. № 9.
4) КНИЖНЫЙ МАГАЗИН № 3. (б. Карбасникова).	
- Моховая, д. № 24.

2562

38.1.11.34